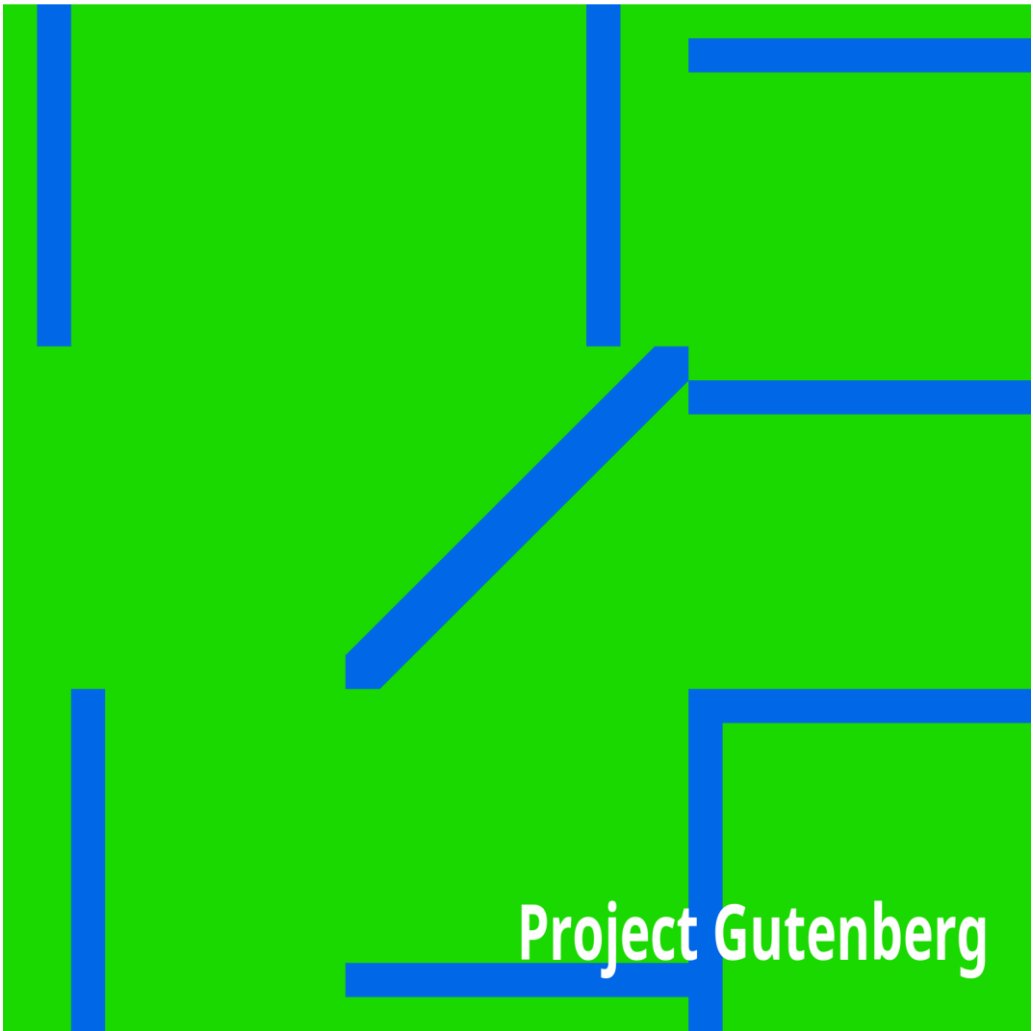


Herp
В. Э. Б. Дю Буа

The Negro

W. E. B. Du Bois

An abstract geometric design featuring a solid green rectangular background. Overlaid on this background are several thick, bright blue lines. These lines form a complex pattern of rectangles, squares, and a diagonal line. The lines vary in length and orientation, creating a sense of depth and structure. In the bottom right corner, the text 'Project Gutenberg' is written in a white, sans-serif font, partially overlapping the green background and the blue lines.

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of The Negro

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Negro

Автор: W. E. B. Du Bois

Дата выхода: 14 марта 2005 [eBook #15359]

Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Шелл, Мелиссой Эр-Ракаби и командой Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net>.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE NEGRO ***

НЕГР

У.Э.Б. Дю Буа

New York: Holt, 1915

[Примечания транскриптора для версий электронных книг:

Гифенация и акцентуация непоследовательны, но в целом оставлены в том виде, в котором они встречаются в издании, использованном для транскрипции. Это издание может полностью или не полностью повторять издание книги 1915 года. Там, где были сделаны изменения, они отмечены ниже. Если вы используете эту книгу для исследования, пожалуйста, сверьте орфографию и пунктуацию с другим источником.

В начале этого абзаца была вставлена пропущенная кавычка: "Трудно представить, что Египет должен был получить его из Европы, где самая древняя находка (в Хальштадте) не может быть более ранней, чем 800 г. до н. э., или из Азии, где железо известно не ранее 1000 г. до н. э., и где во времена Ашшура Назира Пала оно все еще использовалось одновременно с бронзой, а железные бусы были обнаружены совсем недавно господами Г.А. Уэйнрайтом и Буше Фоксом в додинастической могиле, и где кусок этого металла, возможно, инструмент, был найден в кладке великой пирамиды"].

СОДЕРЖАНИЕ

I

АФРИКА

II

ПРИХОД ЧЕРНОКОЖИХ ЛЮДЕЙ

III

ЭТИОПИЯ И ЕГИПЕТ

IV

НИГЕР И ИСЛАМ

V

ГВИНЕЯ И КОНГО

VI

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА И ЗИМБАБВЕ

VII

ВОЙНА РАС НА КРАЮ ЗЕМЛИ

VIII

АФРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА

IX

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

X

ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

XI

НЕГРЫ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

XII

ПРОБЛЕМЫ НЕГРОВ

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ

КАРТЫ

Физическая география Африки

Древние царства Африки

НЕГР

ВЕРНОМУ ПОМОЩНИКУ М.Г.А.

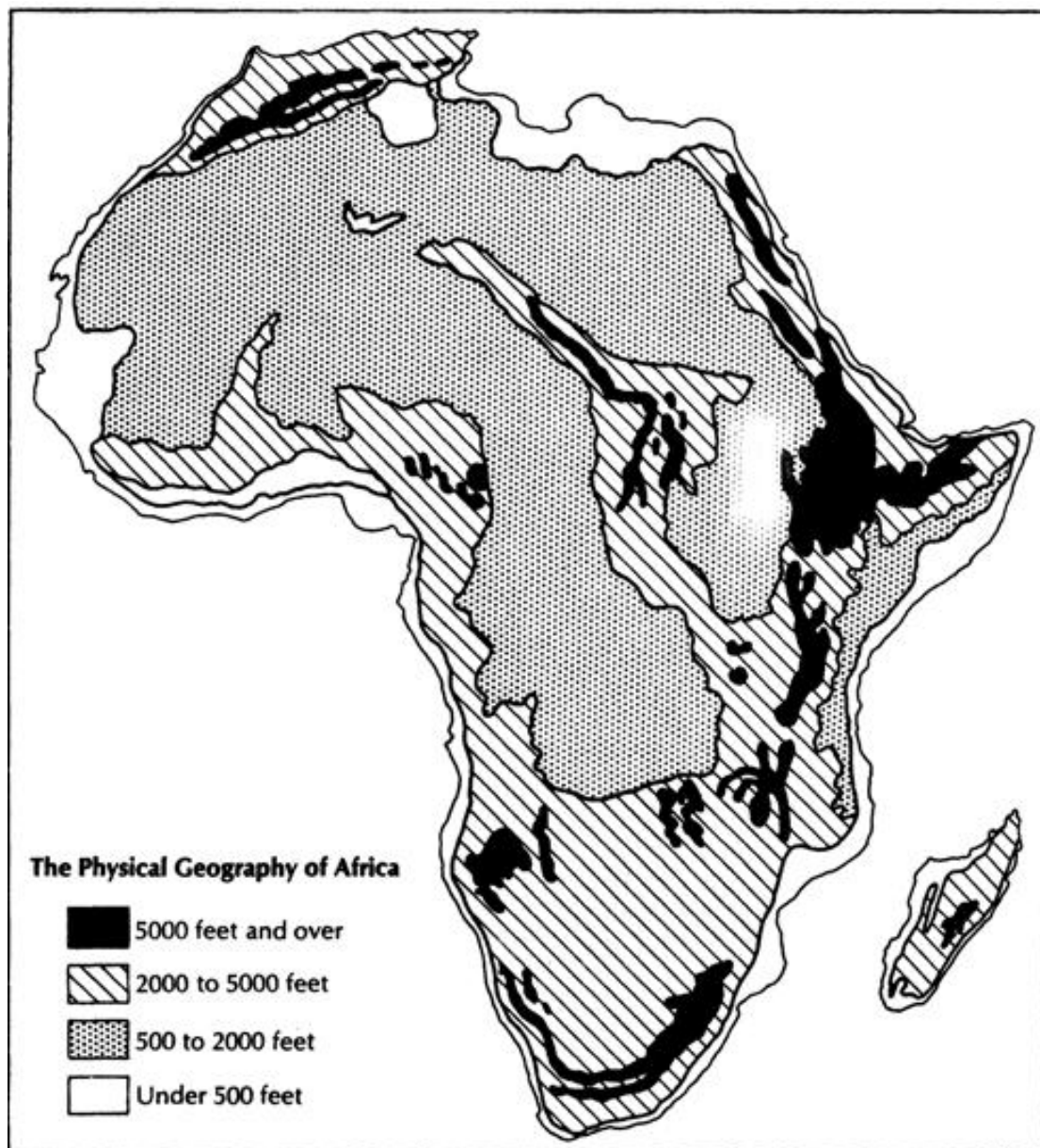
ПРЕДИСЛОВИЕ

Время для создания полной истории негритянских народов еще не пришло. Археологические исследования в Африке только начались, и многие источники информации на арабском, португальском и других языках еще не полностью в нашем распоряжении; кроме того, надо откровенно признать, что расовые предрассудки против темных народов все еще слишком сильны в так называемых цивилизованных центрах, чтобы можно было судить о народах Африки. Необходима большая интенсивная монографическая работа в области истории и науки, чтобы прояснить спорные моменты и утихомирить спорщиков, ошибочно требующих научных доказательств.

Тем не менее, я не смог удержаться от соблазна написать такое краткое изложение основных известных фактов и их справедливой интерпретации, которое позволит широкому читателю узнать как людей шестую или более часть человеческой расы. Очевидно, что столь короткий рассказ должен состоять в основном из выводов и обобщений со скупым указанием авторитетов и основополагающих аргументов. Возможно, если публика пожелает, более поздняя и большая книга будет более удовлетворительной по этим пунктам.

У.Э. БУРГХАРДТ ДЮ БУА.

Нью-Йорк, 1 февраля 1915 г.



Физическая география Африки

I

АФРИКА

"Вот!

Сфинкс - это Африка. Узы

Молчания на ней. Старый

И белая от гробниц, и одетая, и остриженная;

В одежде, мокрой от слез и рваной,

И растоптанная, но все же не тронутая".

Африка - это одновременно самый романтичный и самый трагичный континент. Само ее название говорит о ее загадочности и широком влиянии. Это "Эфиопия" греков, "Куш" и "Пунт" египтян, аравийская "Земля черных". Для современной Европы это "темный континент" и "страна контрастов"; в литературе это место Сфинкса и пожирателей лотоса, дом гномов, гномов и пикси и убежище богов; в торговле это рынок рабов и источник слоновой кости, черного дерева, каучука, золота и бриллиантов. Какой еще континент может соперничать по интересности с этим Древним?

Тем не менее, есть те, кто хотел бы написать всеобщую историю и оставить Африку в стороне. Но как, спрашивает Ратцель, можно оставить в стороне земли Египта и Карфагена? А Фробениус заявляет, что в будущем Африка должна все больше и больше рассматриваться как неотъемлемая часть великого движения мировой истории. И все же история Африки действительно необычна, и ее странность в немалой степени обусловлена физическими особенностями континента. Площадь Африки в три раза больше площади Европы, а береговая линия в пять раз короче. Как и Европа, она представляет собой полуостров Азии, огибающий Индийское море с юго-запада. Здесь мало заливов, бухт, мысов и островов. Даже реки, хотя они большие и длинные, не являются средством сообщения с внешним миром, поскольку с центрального высокого плато они низвергаются в порогах и катарактах на узкие берега и в море.

Общий физический контур Африки можно сравнить с перевернутой плитой с одним или несколькими рядами гор по краю и низким прибрежным поясом. На юге центральное плато находится на высоте трех и более тысяч футов над уровнем моря, в то время как на севере - чуть более тысячи футов. Таким образом, на континенте легко выделить два основных раздела: широкий северный прямоугольник, простирающийся до Гвинейского залива и мыса Гуардафуи, площадью семь миллионов квадратных миль; и полуостров, сужающийся к югу, площадью пять миллионов квадратных миль.

Четыре великие реки и множество мелких ручьев орошают континент. Самая большая из них - Конго в центре, с ее огромными изгибами и бесконечными устьями; затем Нил, осушающий скопление Великих озер и текущий на север, "как некая серьезная, могучая мысль, нить сна"; Нигер на северо-западе, орошающий Судан под Сахарой; и, наконец, Замбези с его большой Ниагарой на юго-востоке. Даже эти воды оставляют место для пустынь как на юге, так и на севере, но больше всего их на севере - три миллиона квадратных миль песчаных пустошей.

Больше, чем любая другая земля, Африка находится в тропиках, с теплым, сухим климатом, за исключением центральной части Конго, где дожди идут в любое время года и приносят тропическую роскошь. Флора богата, но не отличается разнообразием, включая эвкалиптовую акацию, эбеновое дерево, несколько красивых пород, орех кола, а также, вероятно, табак и просо. В исторические времена к ним добавилось множество растений. Фауна богата млекопитающими, и здесь также широко представлены и используются многие животные с других континентов.

Африка - это прежде всего страна чернокожих. Мир всегда был знаком с чернокожими людьми, которые представляют собой один из древнейших человеческих родов. В древнем мире, собравшемся в Средиземноморье, они составляли его часть и не вызывали ни удивления, ни неприязни, потому что этот мир видел, как они приходили и уходили и играли свою роль вместе с другими мужчинами. Разве Клита, шурина Александра Македонского,

меньше почитали за то, что он был чернокожим? Разве Теренций был менее знаменит? Средневековый европейский мир, развивавшийся в благоприятных физических условиях северного умеренного пояса, знал чернокожего человека в основном как легенду или случайный курьез, но все же как собрата - Отелло, Престера Джона или Антара.

Современный мир, напротив, знает негра в основном как кабального раба в Вест-Индии и Америке. Добавьте к этому тот факт, что темные расы в других частях света в течение последних четырех столетий отставали от летящих и даже лихорадочных шагов Европы, и мы столкнемся с широко распространенным сегодня во всем господствующем мире представлением о том, что цвет кожи является признаком неполноценности.

В результате, когда мы пишем об этом, одном из самых древних, стойких и широко распространенных запасов человечества, мы сталкиваемся с поразительными предрассудками. То, что можно принять за истину в отношении белых людей, должно быть доказано вне всяких сомнений, если это касается негров. Тот, кто пишет о развитии негритянской расы, должен постоянно настаивать на том, что он пишет о нормальном человеческом роде и что все, что справедливо отнести к массе человеческих существ, можно отнести и к неграм. Именно молчаливый отказ делать это привел к появлению стольких ложных сведений об Африке и ее жителях. Возьмем, к примеру, ответ на, казалось бы, простой вопрос "Что такое негр?". Мы обнаруживаем необычайную путаницу в мыслях и различие мнений. В сознании большинства людей существует определенный тип, который, как говорил Дэвид Ливингстон, можно встретить только в карикатуре, а не в реальной жизни. Когда ученые пытались найти экстремальный тип черного, уродливого и шерстистого негра, они были вынуждены все больше и больше ограничивать его родину даже Африкой. По меньшей мере девять десятых африканских народов совсем не соответствуют этому типу, и типичный негр, после того как ему отказали в месте обитания в Судане, вдоль Нила, в восточной части Центральной Африки и в Южной Африке, в конце концов получил очень маленькую страну между Сенегалом и Нигером, и даже там обнаружил следы многих видов. Как говорит Уинвуд Рид, "типичный негр - редкая разновидность даже среди негров".

На самом деле мы не можем принимать такие экстремальные и в значительной степени причудливые виды за типичные, которые мы можем справедливо назвать негритянской расой. Ни для одной другой расы не существует столь узкого определения. Белый человек может быть любого цвета, размера или формы лица и иметь бесконечное разнообразие размеров черепа и физических характеристик. Желтый человек - это, пожалуй, еще более расплывчатая концепция.

На самом деле сегодня общепризнанно, что научное определение расы невозможно. Различия, и разительные, между людьми и группами людей есть, но они так незаметно перетекают друг в друга, что мы можем лишь в общих чертах обозначить основные деления людей. Как говорит фон Лушан, "вопрос о количестве человеческих рас полностью утратил смысл своего существования и стал предметом скорее философских спекуляций, чем научных исследований. Знать, сколько существует человеческих рас, сейчас не более важно, чем знать, сколько ангелов могут танцевать на острие иглы. Наша цель сейчас - выяснить, как древние и примитивные расы развились из других и как расы изменились или эволюционировали в результате миграции и межродственного скрещивания".^[1]

Мулат (этот термин используется в свободной форме для обозначения промежуточного типа между белым и черным или смешения этих двух типов) является таким же типично африканским, как и черный человек, и не может быть логически включен в "белую" расу, особенно когда американская практика включает мулатов в негритянскую расу.

В соответствии с фактами и историческим опытом, разумно включать под слово "негр" более темные народы Африки, характеризующиеся смуглой кожей, завитыми или "вьющимися" волосами, полными и иногда вывернутыми губами, тенденцией к развитию верхнечелюстных частей лица и долихоцефальной головой. Этот тип не является фиксированным или определенным. Цвет кожи варьируется в широких пределах; он никогда не бывает черным или синеватым, как утверждают некоторые, и часто становится светло-коричневым или желтым. Волосы варьируются от кудрявых до похожих на шерсть, а угол лица и форма черепа демонстрируют широкую вариативность.

В Африке, как и в других местах, невозможно точно определить границы расовой изменчивости, обусловленной климатом, и изменчивости, вызванной смешением. В прошлом, когда ученые предполагали наличие одного неизменного негритянского типа, любое отклонение от него интерпретировалось как смешение кровей. Сегодня мы признаем более широкий нормальный африканский тип, который, как говорит Пэлгрейв, лучше всего изучать "среди статуй в египетских залах Британского музея; большие нежные глаза, полные, но не слишком выступающие губы, округлые контуры, добродушное, легкое, чувственное выражение лица. Это подлинная африканская модель". К этой расе с доисторических времен принадлежат в основном Африка и некоторые районы Азии.

Цвет этой разновидности человека, как и цвет других разновидностей, обусловлен климатом. Условия жары, холода и влажности, действуя на протяжении тысячелетий через кожу и другие органы, придали людям их цветовые различия. Этот цветовой пигмент является защитой от солнечного света и, следовательно, меняется в зависимости от его интенсивности. Так, в Африке мы видим самых черных людей под яростным солнцем пустыни, рыжих пигмеев в лесу и желтых бушменов на более прохладном южном плато.

Наряду с цветом кожи, волосы являются наиболее отличительной характеристикой негра, но эти две характеристики не отличаются друг от друга. Некоторые из самых черных негров имеют скорее кудрявые, чем шерстяные волосы, в то время как самые четкие и плотно завитые волосы встречаются у желтых хоттентотов и бушменов. Разница между волосами светлых и темных рас - это разница в степени, а не в виде, и ее можно легко измерить. Если поперечно разрезать волосяные фолликулы китайца, европейца и негра, то окажется, что диаметр первого составляет 100 на 77 - 85, второго - 100 на 62 - 72, а негра - 100 на 40 - 60. Эта эллиптическая форма волос негра заставляет их завиваться более или менее туго.

Неоднократно предпринимались попытки обнаружить с помощью различных измерений дальнейшие и более значительные различия, которые служили бы действительно научными детерминантами расы. Постепенно от этих попыток отказались. Сегодня мы понимаем, что среди людей не существует жестких и неизменных расовых типов. Раса - это динамичная, а не статичная концепция, и типичные расы постоянно меняются и развиваются, объединяются и дифференцируются. Итак, в этой небольшой книге мы изучаем историю темной части человеческой семьи, которая отделена от остального человечества не абсолютной физической линией, но которая, тем не менее, в массе своей образует социальную группу, отличную по истории, внешнему виду и в некоторой степени по духовному дару.

Мы не можем изучать Африку, не отметив, однако, некоторые другие расы, участвовавшие в ее истории, в частности азиатских семитов. Взаимодействие Африки с Аравией и другими частями Азии было настолько тесным и продолжительным, что сегодня невозможно разобраться в кровных связях. Негритянская кровь, безусловно, проявляется в сильной степени среди семитов, а очевидные мулатские группы в Африке, возникшие в результате

древнего и современного смешения семитов и негров, породили термин "хамит", под прикрытием которого миллионы негроидов были характерно переведены в "белую" расу некоторыми нетерпеливыми учеными.

Самые ранние семиты пришли в Африку через Красное море. Финикийцы пришли к северному побережью за тысячу лет до нашей эры и основали поселения, которые достигли кульминации в Карфагене и простирались вдоль атлантических берегов Северной Африки почти до Гвинейского залива.

Греки с древнейших времен контактировали с Африкой как гости, торговцы и колонисты, а персидское влияние пришло с Камбизом и другими. Римская Африка была ограничена пустыней, но временами вступала в контакт с чернокожими через Сахару и в долине Нила. После распада Римской империи через Африку проникали греческие и латинские христиане, за которыми в 429 году н.э. последовало германское вторжение.

В седьмом веке Всеобщая Мать, Азия, снова захватила Африку и пронесла по всей Северной Африке облако семитского магометанства, на тысячу лет скрыв темный континент от Европы и обратив в ислам огромные массы негров. Португальцы начали приподнимать завесу в пятнадцатом веке, проплыв вдоль атлантического побережья и положив начало современной работоторговле. За ними последовали испанцы, французы, голландцы и англичане, но скорее как торговцы людьми, чем как исследователи.

Португальцы исследовали побережье Гвинейского залива, посетили внутренние королевства, а затем, пройдя мимо устья Конго, двинулись на юг. В конце концов они обогнули мыс Доброй Надежды и продолжили свои исследования вплоть до гор Абиссинии. Так началось современное исследование Африки, которое представляет собой любопытную сказку и напоминает нам о великих именах Ливингстона, Бертона, Speka, Стэнли, Барта, Швайнфурта и многих других. Таким образом, Африка стала известна современному миру.

Трудность этого современного снятия завесы веков подчеркивает два физических факта, которые лежат в основе всей африканской истории: особая недоступность континента для чужих народов, благодаря которой великая человеческая драма, разыгравшаяся здесь, так легко могла скрыться от ушей других миров; и, с другой стороны, отсутствие внутренних барьеров - огромная протяженность центрального плато, на котором практически каждый начинающий культурный центр оказывался во власти варварства, простирающегося на тысячи миль, без Альп, Гималаев или Аппалачей, чтобы помешать.

Вместе с этой особенно непривлекательной береговой линией и трудностями внутренней сегрегации следует учитывать климат Африки. Хотя здесь есть большое разнообразие и множество благоприятных районов наряду с обширными бесплодными пустошами, но, как хорошо заметил сэр Гарри Джонстон, "Африка - это главный оплот настоящего дьявола - реакционных сил природы, враждебных восхождению человечества. Здесь Вельзевул, король мух, собирает своих паразитов и членистоногих - насекомых, клещей и нематодных червей, которые чаще, чем на других континентах (за исключением негроидной Азии), переносят в кожу, вены, кишечник и спинной мозг людей и других позвоночных микроорганизмы, вызывающие смертельные, уродующие или истощающие болезни, или сами создают болезненное состояние преследуемого человека, зверя, птицы, рептилии, лягушки или рыбы".^[2] Жители этой земли вели жестокую борьбу за физическое выживание, не сравнимую ни с одним другим великим континентом, и об этом нельзя забывать, когда мы рассматриваем их историю.

ССЫЛКИ:

[1] Фон Лушан: в *"Межрасовых проблемах"*, с. 16.

[2] Джонстон: *Негры в Новом Свете*, с. 14-15.

II

ПРИХОД ЧЕРНОКОЖИХ ЛЮДЕЙ

Передвижения доисторического человека пока лишь смутно видны в неопределенном тумане времени. Сегодня наиболее вероятной представляется следующая история: из некоего центра на юге Азии первобытные человеческие существа начали дифференцироваться в двух направлениях. На юге появился первобытный негр, длинноголовый и с уплощенными волосяными фолликулами. Он распространился по южной Азии и перешел в Африку, где сохранился до наших дней в виде красноватых карликов в центре и бушменов в Южной Африке.

Двигаясь на север и восток, первобытный человек стал более широкоплечим и прямоволосым и распространился по восточной Азии, сформировав монгольский тип. Либо в результате смешения этих двух типов, либо, как предпочитают думать некоторые, путем прямого продления первоначального первобытного человека, появился третий промежуточный тип человека с волосами и размерами черепа, промежуточными между первобытным негром и монголом. Все эти три типа людей свободно смешивали свою кровь и развивали вариации в зависимости от климата и окружающей среды.

Другие, более древние теории и легенды о происхождении и распространении человечества представляют интерес только потому, что в прошлом в них поверило так много людей. Библейская история о Шеме, Хаме и Иафете сохраняет интерес первобытного мифа с его мерой аллегорической правды, [3] но, конечно, не имеет исторической основы.

Более старая "арийская" теория предполагала миграцию в Европу одной доминирующей азиатской расы цивилизованных завоевателей, чьей крови и влиянию была обязана вся современная культура. Этой "белой" расе должны были принадлежать семитская Азия, большая часть черной Африки и вся Европа. Эта "арийская" теория была практически отброшена в свете последних исследований, и теперь кажется вероятным, что из примитивной негроидной расы в Азии развились семиты, либо путем местных вариаций, либо путем смешения с другими расами; позже там развилась средиземноморская раса с негроидными чертами и современные негры. Голубоглазые и светловолосые германцы, возможно, возникли как современная разновидность смешанных народов, образовавшихся в результате смешения азиатских и африканских элементов. Последнее слово в этом вопросе еще не сказано, и многое еще предстоит узнать и объяснить, но на сегодняшний день неопровержимо доказано, что так называемые хамиты Африки, коричневые и черные кудрявые и вьющиеся волосы жителей Северной и Восточной Африки, не являются "белыми" людьми, если проводить границу между белыми и черными любым логическим способом.

Примитивная негроидная раса людей, развившаяся в Азии, странствовала как на восток, так и на запад. С одной стороны, они проникли в Бирму и на острова Южных морей, а с другой - прошли через Месопотамию и передали кудрявые волосы и негроидный тип евреям, сирийцам и ассирийцам. Древние статуи индийских божеств показывают негритянский тип с

черным лицом и близко закрученными волосами, а ранняя вавилонская культура была негроидной. В Аравии негры разделились, и один поток, возможно, попал в Европу через Сирию. Следы этих негров проявляются не только в скелетах, но и в brunetistom типе всей Южной Европы. Другая ветвь направилась в Египет и тропическую Африку. Другая, но, возможно, менее вероятная теория заключается в том, что древние негры могли попасть в Африку из Европы, поскольку самые древние черепа Алжира имеют негроидную природу.

Первобытный африканец не был экстремальным типом. По современным пигмеям и бушменам можно судить, что цвет его кожи был красноватым или желтым, а череп иногда был круглым, как у монголов. Он проник в Африку не менее пятидесяти тысяч лет назад и поселился в конечном итоге в широком регионе между озером Чад и Великими озерами и оставался там долгие годы.

По прошествии, возможно, тридцати тысяч лет в Африку пришла еще одна миграция азиатских людей, негроидных по многим характеристикам, но более светлых и светловолосых, чем первобытные негры. От этой средиземноморской расы произошли современные жители берегов Средиземного моря в Европе, Азии и Африке, а также, смешавшись с первобытными неграми, древние египтяне и современные негроидные расы Африки.

По мере приближения к историческим временам миграции людей становились все более частыми из Азии и Европы, а в Африке происходили перемещения и смешения, которые придали всей Африке отчетливый мулатский характер. Первобытные негры были "мулатами" в том смысле, что не отличались от темнокожих австралоидов. По мере того как ранний желтый негр развивался в африканских тропиках до более крупного, черного типа, он постоянно смешивал свою кровь с аналогичными типами, развившимися в умеренном климате до более светлого цвета и прямых волос.

Поэтому сегодня в Африке мы находим все степени развития негроидной расы и все степени смешения этих типов, как среди африканских народов, так и между африканцами, европейцами и азиатами. Постоянно совершается ошибка, когда эти типы рассматриваются как переходные между абсолютными европеоидами и абсолютными неграми. Такого абсолютного типа никогда не существовало ни с той, ни с другой стороны. Оба типа медленно дифференцировались от общего предка и постоянно смешивали свою кровь, пока происходила дифференциация. С доисторических времен и до наших дней Африка в этом смысле является прежде всего страной мулатов. Так же было и в Европе и Азии, только в этих странах мулаты были рано обесцвечены климатом, а в Африке - потемнели.

Нелегко кратко изложить историю этих темных африканских народов, потому что так мало известно и так много остается спорным. Однако, избегая реальных противоречий и не боясь простых вопросов определения, мы можем проследить великое человеческое движение с большой определенностью.

Рано появились три основных типа негров: более светлый и маленький первобытный народ, более крупный лесной негр в центре и на западном побережье и высокий, черный нилотский негр в восточном Судане. В самые ранние времена мы находим негров в долине Нила, наступающих из внутренних районов. Здесь они смешались с семитскими типами, и по прошествии тысячелетий из этого смешения возникла культура Эфиопии и Египта, вероятно, первая из высших человеческих культур.

К западу от Нила негры распространились прямо через весь континент к Атлантике. Центры более высокой культуры появились очень рано вдоль Гвинейского залива и, отклоняясь

назад, встретились с египетским, эфиопским и даже европейским и азиатским влиянием в районе озера Чад. На юго-востоке, ближе к примитивным местам обитания первых африканских переселенцев и открытая для египетского и восточно-индийского влияния, возникла негритянская культура, кульминация которой приходится на Зимбабве, и можно проследить ее широкое распространение по всей Южной Африке.

Все эти движения постепенно пробудили центральные племена к волнениям. Они бились о барьеры на севере, северо-востоке и западе, но постепенно сошлись в великой миграции на юго-восток. Называя себя гордо La Bantu (Народ), они превратились в воинственную нацию, говорящую на одном языке. В конце концов они завоевали всю Африку к югу от Гвинейского залива и распространили свое влияние на север.

Пока эти великие движения медленно преобразовывали Африку, она также принимала влияния из-за своих берегов и отправляла их наружу. С мулатским Египтом черная Африка всегда была в самом тесном контакте, настолько, что некоторым кажется, что все свидетельства возвышения негров имеют египетское происхождение. Истина же заключается в том, что Египет сам всегда был явно негроидным, и со своей позиции почти единственных африканских ворот принимал и передавал негритянские идеалы.

Финикийцы, греки и римляне в большей или меньшей степени соприкасались с черной Африкой. Карфаген, этот североафриканский город-миллионник, вел большую караванную торговлю с негритянской землей слоновой костью, металлами, тканями, драгоценными камнями и рабами. Чернокожие служили в карфагенских войсках и вместе с Ганнибалом шли на Рим. В некоторых североафриканских королевствах приток негритянской крови был очень велик, и такие короли, как Массинисса и Югурта, были негроидными. Через Атлантику карфагеняне достигли западного побережья Африки. Греческое и римское влияние пришло через пустыню, а Византийская империя и Персия вступили в связь с Негроландией через долину Нила. Влияние этих торговых путей, а также Египта, Эфиопии, Бенина и Йоруба стимулировало развитие культурных центров в центральном и западном Судане, а европейская и африканская торговля рано достигла больших объемов.

Негритянские солдаты в значительной степени использовались в армиях, которые позволили магометанам завоевать Северную Африку и Испанию. Начиная с X века и медленно пробираясь через пустыню в Негроландию, новая религия нашла уже существующую культуру и пришла, но не как завоеватель, а как адаптатор и вдохновитель. Цивилизация получила новый импульс, и волна магометанства прокатилась на восток, воздвигнув великие королевства Мелле, Сонгай, Борну и государства Хауса. Старая негритянская культура не была свергнута, но, подобно огромному клину, толкалась вверх и вглубь от Йорубы и в течение семи или восьми веков давала упорный отпор новой культуре.

Именно тогда, в пятнадцатом веке, сердечная болезнь Африки развилась в своей самой жестокой форме. Существует современная теория, согласно которой чернокожие мужчины по природе своей рабы и всегда ими были. Ничто не может быть дальше от истины. В древнем мире Африка была не более охотничьим угольем для рабов, чем Европа или Азия, а в Греции и Риме белых рабов было гораздо больше, чем черных. Естественно, что поток черных рабов хлынул в Египет, ведь главная линия египетских завоеваний и обороны пролегла в сердце Африки. Более того, египтяне, сами имевшие негритянское происхождение, имели не только рабов-негров, но и негров среди высшей знати и даже среди своих фараонов. Магометанские завоеватели поработали народы всех цветов кожи в Европе, Азии и Африке, но в конечном итоге их империя сосредоточилась в Азии и Африке, и рабы были в основном из этих стран. Азия подчинилась исламу, за исключением Дальнего

Востока, который защищался самостоятельно. Негритянская Африка подчинилась лишь частично, а остальные язычники находились в небольших государствах, которые не могли эффективно защитить себя от магометанской работорговли. Таким образом, работорговля постепенно стала сосредотачиваться в Африке, причем скорее по религиозным и политическим, чем по расовым причинам.

Типичной африканской культурой была культура семьи, города и небольшого племени. Поэтому домашнее рабство легко перерастало в работорговлю через войну и торговлю. Только объединяющая сила государственного строительства могла остановить эту работорговлю. Является ли эта неспособность развить великое государство расовой особенностью? Такой вывод не кажется справедливым. В четырех великих центрах Африки началось государственное строительство. В Эфиопии было создано несколько крупных государств, но они пошатнулись перед натиском Египта, Персии, Рима и Византии, с одной стороны, и в конце концов пали перед беспокойными воинами банту из внутренних районов. Вторая попытка создания империи началась на юго-востоке, но те же орды банту, то медленно, то яростно наступая из перенаселенного центра континента, постепенно свергли это государство и возвели на его руинах ряд более мелких и скоротечных королевств.

Третья попытка государственного строительства возникла на побережье Гвинеи в Бенине и Йорубе. Она так и не вышла за рамки федерации крупных промышленных городов. Его экспансия в долину Конго, вероятно, стала основной причиной первоначального движения банту на юго-восток. С другой стороны, на севере и северо-востоке эти города-государства встретили суданцев, вооруженных новой имперской магометанской идеей. Как латинский Рим подарил имперскую идею нордическим расам, так и ислам принес ее в Судан.

В результате попыток империализма в западном Судане возникла крупнейшая из африканских империй. Однако два обстоятельства препятствовали строительству этой империи: во-первых, яростное сопротивление языческого юга делало войну непрерывной, а рабов - одним из предметов систематической торговли. Во-вторых, пути законной африканской торговли на протяжении тысячелетий пролегали на севере. В XVI веке они были внезапно перекрыты маврами, и негритянские империи оказались ввергнуты в суматоху междоусобной войны.

Именно тогда с юго-запада пришли европейские работорговцы. Они обнаружили частично разрушенные негритянские государства на западном побережье и падающие империи в Судане, а также старые волнения, вызванные перенаселением и миграцией в долине Конго. Они не только обеспечили спрос на обычную работорговлю, но и увеличили его в огромной степени, пока их спрос, дополненный спросом магометан в Африке и Азии, не сделал человеческие существа самой дорогой статьей торговли в Африке. При таких обстоятельствах конец мог быть только один: практически выкорчевывание древней африканской культуры, оставив лишь туманные напоминания о разрухе в обычаях и творчестве народа. Завершением этой катастрофы стал раздел континента между европейскими государствами и современная попытка эксплуатировать страну и туземцев для экономической выгоды белого мира, а также пересадка черных народов в новый западный мир и их возвышение и самоутверждение там.

ССЫЛКИ:

[3] Хам - это, вероятно, египетское слово "Кхем" (черный), родное название Египта. В первоначальном мифе третьим сыном Ноя был Ханаан, а не Хам.

Библейская история о "проклятии Ханаана" (Бытие IX, 24-25) легла в основу удивительной литературы, которая сегодня имеет лишь психологический интерес. Достаточно вспомнить, что на протяжении нескольких столетий лидеры христианской церкви серьезно защищали негритянское рабство и угнетение как законное проклятие Божье на потомков сына, который был непочтителен к своему пьяному отцу! Ср. епископ Хопкинс: *Библейские взгляды на рабство*, с. 7.

III

ЭТИОПИЯ И ЕГИПЕТ

Рассмотрев в общих чертах земли и передвижения африканских народов, давайте более узко пройдемся по истории пяти основных центров активности и культуры, а именно: долин Нила и Конго, границ великого Гвинейского залива, Судана, и Южной Африки. Эти деления не охватывают всю Негритянскую Африку, но они охватывают основные области и главные линии развития.

Сначала мы обратимся к долине Нила, возможно, самому древнему из известных очагов цивилизации в мире и, безусловно, самому древнему в Африке, с культурой, достигающей шести или восьми тысяч лет. Как и все цивилизации, она в значительной степени черпала силы извне и, несомненно, возникла в долине Нила, поскольку эту долину так легко было сделать центром для встречи людей всех типов и со всех концов света. В то же время египетская цивилизация, похоже, была африканской в своих истоках и в своей основной линии развития, несмотря на сильное влияние из всех частей Азии. Так какой же расы были египтяне? Они определенно не были белыми ни в каком современном понимании этого слова - ни по цвету кожи, ни по физическим параметрам, ни по волосам, ни по лицу, ни по языку, ни по социальным обычаям. В ранние времена они стояли в ближайшем родстве с негритянской расой, а затем постепенно, благодаря проникновению средиземноморских и семитских элементов, превратились в то, что в Америке можно назвать светлой мулатской группой окторонов или квадронов. Этот состав постоянно менялся: то в него проникала негритянская кровь с юга, то негроидная и семитская с востока, то берберские типы с севера и запада.

На египетских памятниках отчетливо видны лица негров и мулатов. Геродот, в неопровержимом отрывке, упоминает египтян как "черных и курчавоволосых"[4] - особенно значительное заявление от человека, привыкшего к брюнетистому средиземноморскому типу; в другом отрывке, касающемся басни о додонийском оракуле, он снова упоминает о смуглом цвете египтян как чрезвычайно темном и даже черном. Эсхил, упоминая о лодке, увиденной с берега, заявляет, что ее экипаж - египтяне, потому что у них черный цвет лица.

Современные измерения, со всеми их признанными ограничениями, показывают, что в Фиваиде от одной седьмой до одной трети египетского населения составляли негры, а из додинастических египтян менее половины могли быть отнесены к негроидной расе. Судя по

измерениям в гробницах вельмож, сделанным еще при XVIII династии, негры составляют не менее одной шестой части высшего класса.[5]

Такие измерения ни в коем случае не являются окончательными, но они скорее занижают, чем завышают степень распространенности негритянской крови. Измерения головы американских негров, вероятно, поместили бы большинство из них в категорию белых. Языковые свидетельства также связывают Египет с Африкой и негритянской расой, а не с Азией, а религиозные церемонии и социальные обычаи только укрепляют эти свидетельства.

Таким образом, этническая история Северо-Восточной Африки выглядит следующим образом: додинастический Египет был заселен неграми из Эфиопии. Они были разных типов: широкоскулые, шерстистоволосые, к которым иногда применяют слово "негр"; чернокожие, курчавоволосые, с более резкими чертами лица, которые следует считать в равной степени негроидной разновидностью. Эти негры встретились и смешались со вторгшейся средиземноморской расой из Северной Африки и Азии. Таким образом, кровь более светлой расы распространилась на юг, а темной - на север. Черные жрецы появились на Крите за три тысячи лет до нашей эры, а Аравия и по сей день тщательно пропитана негритянской кровью. Возможно, как говорит Чемберлен, "одной из главных причин, почему цивилизация, подобная нильской, не возникла в других частях континента, если такое вообще возможно, было то, что Египет выступал своего рода каналом, по которому гений негритянской земли был призван на службу средиземноморской и азиатской культуре".[6]

Для человека, знакомого с поразительными и прекрасными типами, возникшими в результате смешения негритянского и латинского и германского типов в Америке, загадка египетского типа легко решается. Он был не похож ни на кого из своих соседей и являлся уникальным типом, пока не увидишь современного мулата; тогда лица Рахотепа и Неферт, Хафры и Аменемхата I, Аахмеса и Нефертари и даже великого Рамессу II становятся любопытно знакомыми.

История Египта - это целая наука. До правления первого записанного царя, за пять или более тысяч лет до нашей эры, в Египте уже существовали культура и искусство, возникшие в результате длительной эволюции со времен палеолитического человека, среди ярко выраженного негроидного народа. Около 4777 года до н. э. Аха-Мена положил начало первой из трех последовательных египетских империй. Она просуществовала две тысячи лет, при этом многие фараоны, например Хафра из Четвертой династии, отличались ярко выраженным негроидным типом лица.

В конце периода империя распалась на египетскую и эфиопскую половины, и наступило трехсотлетнее затишье. Вполне возможно, что в эти годы на землю хлынуло нашествие чернокожих завоевателей с юга, которые в последующие века усеяли Египет памятниками, на которых сильно и триумфально запечатлен полнокровный негритянский тип. Великий Сфинкс в Гизе, так хорошо знакомый всему миру, Сфинксы Таниса, статуя из Фаюма, статуя Эсквилина в Риме и Колоссы Бубастиса - все они изображают черных полнокровных негров и описываются Петри как "с высокими скулами, плоскими щеками, расположенными в одной плоскости, массивным носом, твердыми выступающими губами и густыми волосами, со строгим и почти диким выражением силы".[7]

Блайден, великий современный чернокожий лидер Западной Африки, сказал о Сфинксе в Гизе: "Черты ее лица явно африканского или негритянского типа, с "расширенными ноздрями". Если, таким образом, Сфинкс был помещен здесь, в величественном и таинственном молчании глядя на пустую равнину, где когда-то стоял великий город Мемфис

во всей своей гордости и славе, как "эмблематическое изображение царя", то разве не ясен вывод о том, к какому типу или расе принадлежал этот царь?"[8]

Средняя империя возникла в 3064 году до н. э. и просуществовала почти двадцать четыре столетия. При фараонах, чье негритянское происхождение очевидно, таких как Аменемхат I и III и Усертесен I, древняя слава Египта была восстановлена и превзойдена. В то же время на Египет постоянно оказывали сильное давление дикие и непокорные негритянские племена из верхней долины Нила, и мы получаем некоторое представление о страхе, который они внушали всему Египту, когда читаем о великом народном ликовании, последовавшем за победой Усертесена III (ок. 2660-22) над этими полчищами. Он оттеснил их назад и попытался ограничить их краем Нубийской пустыни над Вторым катарактом. Здесь они создали государство и основали Непату.

Несмотря на этот отпор чернокожих, менее чем через сто лет полнокровный негр с юга, Ра Нехези, был посажен на трон фараонов и назван "старшим сыном царя". Это может означать, что вторжение с далекого юга посадило на трон чернокожего завоевателя. Во всяком случае, вся империя была в какой-то мере потрясена, а через двести лет началось вторжение гиксосов. Господство гиксосских царей, которые, возможно, были негроидами из Азии[9], продолжалось пятьсот лет.

Освобождение Египта от этих варваров пришло из Верхнего Египта под предводительством мулата Аахмеса. Он основал в 1703 году до н. э. новую империю, которая просуществовала пятнадцать сотен лет. Его царица Нефертари, "самая почитаемая фигура египетской истории", [10] была негритянкой, обладавшей большой красотой, сильным характером и необыкновенной административной силой. В течение многих лет она была совместным правителем со своим сыном, Аменхотепом I, который стал преемником своего отца.[11]

Новая империя была периодом внешних завоеваний и внутреннего великолепия, а затем религиозных споров и низвержения. В эти царствования была завоевана Сирия, и в Египет хлынула азиатская цивилизация и влияние. Великий Тахутмес III, чье правление было "одним из самых грандиозных и богатых событиями в истории Египта", [12] имел сильное негроидное лицо, как и царица Хатшепсут, которая отправила знаменитую экспедицию, чтобы возобновить древнюю торговлю с хоттентотами Пунта. Новая порция негритянской крови попала в царский род через царицу Мутемуа около 1420 года до н. э., сын которой, Аменхотеп III, построил великий храм в Луксоре и Колоссы в Мемноне.

Кульминацией всего периода в некотором смысле стал великий Рамессу II, угнетатель евреев, который со своими египетскими, ливийскими и негритянскими армиями воевал с половиной мира. Однако его правление стало началом упадка, и враги начали давить на Египет с белого севера и черного юга. Жрецы перенесли свою власть в Фивы, а ассирийцы под предводительством Нимрода захватили Нижний Египет. Теперь центр интереса переносится в Эфиопию, и мы переходим к более теневой истории этой земли.

Самый совершенный пример египетской поэзии, оставшийся нам, - это воспевание доблести Усертесена III в ограничении беспокойных негритянских племен территорией ниже Второго катаракта Нила. Египтяне называли эту территорию Куш, а в самых дальних пределах Куша лежал Пунт, колыбель их расы. Для древнего средиземноморского мира Эфиопия (т.е. Страна чернолицых) была краем богов и фей. Зевс и Посейдон каждый год пировали среди "непорочных эфиопов", а черный Мемнон, царь Эфиопии, был одним из величайших героев.

"Эфиопы считают себя, - говорит Диодор Сикул (Lib. III), - более древним народом, чем любой другой; вероятно, что, родившись под лучами солнца, они созрели раньше, чем другие

люди. Они также считают себя изобретателями божественного поклонения, праздников, торжественных собраний, жертвоприношений и всех религиозных обрядов. Они утверждают, что египтяне - одна из их колоний".

Сами египтяне в более поздние времена утверждали, что они и их цивилизация пришли с юга, от черных племен Пунта, и, безусловно, "в самый ранний период, когда были найдены человеческие останки, Египет и Нижняя Нубия, похоже, составляли культурно и расово единую землю".[13]

Опережение Египта в культуре было вызвано в основном экономическими причинами. Эфиопия, живя в гораздо более бедной стране с ограниченными возможностями для ведения сельского хозяйства, придерживалась старых искусств и обычаев и в то же время уступала Египту лучшие элементы своего населения, поглощая тем временем встречные и более дикие негритянские племена с юга и запада. Таким образом, при старой империи Эфиопия оставалась в сравнительной бедности, за исключением того, что некоторые ее племена вторгались в Египет со своими ремеслами.

Как только цивилизация под Вторым катарактом достигла высоты, заметно превышающей эфиопскую, начались постоянные попытки защитить ее от вторжения варваров. Сотни кампаний на протяжении тысячелетий неоднократно покоряли или сдерживали чернокожих, приводили их в качестве пленников, чтобы смешать их кровь с египетской нацией; но египетская граница не была продвинута.

Отдельная и независимая эфиопская культура, наконец, начала зарождаться во времена средней империи Египта с центром в Непате и Мероэ. Возникла широкая торговля золотом, слоновой костью, драгоценными камнями, шкурами, деревом и ремесленными изделиями.[14] Негр стал фигурировать как великий торговец Египта.

Новые богатства Эфиопии возбуждали жадность фараонов, приводили к агрессии и расширению сношений, пока наконец, когда появились грозные гиксосы, Эфиопия не стала как физическим, так и культурным убежищем для завоеванного Египта. Законные фараоны перебрались в Фивы, ближе к границам Эфиопии, и отсюда, под властью негроидных правителей, Нижний Египет был отвоеван.

В последующем новая империя стала свидетелем постепенного включения Эфиопии в состав Египта, хотя темное царство продолжало сопротивляться. Оба фараона-мулата, Аахмес и Аменхотеп I, отправляли экспедиции в Эфиопию, и во времена последнего сыновья правящего фараона стали носить титул "королевского сына Куша" примерно так же, как сын короля Англии становится принцем Уэльским.

Торговые отношения с Пунтом были возобновлены при обстоятельствах, которые заставляют нас поместить эту землю в район африканских озер. Суданские племена были возбуждены этими и другими вторжениями, пока восстания не стали грозными в четырнадцатом веке до нашей эры.

Однако египетская культура постепенно завоевывала Эфиопию там, где ее армии не могли, а египетская религия и гражданское правление стали сосредотачиваться в темном царстве. Поэтому, когда в десятом веке до нашей эры ливиец Шешен I узурпировал трон фараонов, законная египетская династия отправилась в Непату в качестве царских жрецов и установила теократическую монархию. Набирая силу, эфиопское царство при этой династии около 750 года до н. э. распространилось на север и в течение столетия управляло всем Египтом.

Первый царь, Панхий, был египетского происхождения и не был заметно негроидным, но его преемники демонстрировали все больше и больше признаков негритянской крови - кушит Кашта, Шабака, Тархарка и Танутамен. В течение столетия эфиопского правления царский сын был назначен править Египтом, так же как раньше царственный египтянин правил Кушем. Во многих отношениях это эфиопское царство демонстрировало свои негритянские особенности: во-первых, в поклонении явно суданским богам, во-вторых, в жестком обычае наследования по женской линии в царстве, и, в-третьих, в избрании царей из различных претендентов на трон. "Это был расцвет негров. Большую часть века... Египет сам подчинялся неграм, так же как в новой империи Судан подчинялся Египту".^[15]

Теперь Египет начал переходить в руки Азии и был завоеван сначала ассирийцами, а затем персами, но эфиопские цари сохранили свою независимость. Аспелута, мать и сестра которого изображены полнокровными неграми, правил с 630 по 600 год до н. э. Хорсиатеф (560-525 гг. до н. э.) совершил девять походов против воинственных племен к югу от Мероэ, а его преемник Настосенен (525-500 гг. до н. э.) был тем, кто дал отпор Камбису. Он также перенес столицу из Непаты в Мероэ, хотя Непата продолжала оставаться религиозной столицей, а эфиопские цари по-прежнему короновались на ее золотом троне.

С пятого по второй век до нашей эры мы видим дикие суданские племена, наступающие с запада, и греческую культуру, проникающую с востока. Царь Арг-Амен (Эргаменис) проявил сильное греческое влияние и в то же время начал использовать эфиопскую речь в письменности и применил новый эфиопский алфавит.

В то время как эфиопские цари все еще короновались в Непате, Мероэ постепенно стал настоящей столицей и поддерживал в одно время четыре тысячи ремесленников и двести тысяч солдат. Именно здесь в качестве цариц правили знаменитые Кандаки. Плиний рассказывает, что у одной Кандаки времен Нерона было сорок четыре предшественницы на троне, а другая Кандака фигурирует в Новом Завете.^[16]

Вероятно, именно эта Кандация воевала против Рима во времена Августа и получила необычное уважение от своего грозного врага. Престиж Эфиопии в это время был значительным во всем мире. Псевдо-Каллистен рассказывает явно сказочную историю о визите Александра Македонского к Кандас, царице Мероэ, которая, тем не менее, иллюстрирует ее славу: Кандас не пускает его в Эфиопию и говорит, что он не должен презирать ее народ за то, что он черный, ибо он белее душой, чем его белый народ. Она прислала ему золото, девиц, попугаев, сфинксов и корону из изумрудов и жемчуга. Она управляла восьмьюдесятью племенами, которые были готовы наказать тех, кто на нее нападал.

Римляне продолжали испытывать столько проблем с эфиопской границей, что, когда на востоке появились семитские мулаты, император Диоклетиан пригласил с запада дикое суданское племя нубийцев (Nobadæ), чтобы отразить их. Эти нубийцы в конце концов приняли христианство, и северная Эфиопия со временем стала называться Нубией.

Семитские мулаты с востока пришли с высокогорий, граничащих с Красным морем и Азией. По обе стороны этого моря сильно прослеживается негритянская кровь, преобладающая в Африке и влиятельная в Азии. Людольф, писавший в XVII веке, говорит, что абиссинцы "в целом черны, и этот [цвет] им больше всего нравится". Торговля и война объединили два берега, и купцы ходили туда-сюда на протяжении тридцати веков.

Таким образом, арабское, еврейское, египетское, греческое и римское влияние медленно распространялось на негритянскую основу. Ранняя легендарная история гласит, что царица

Македа, или Никаула из Савской области, государства в Центральной Абиссинии, посетила Соломона в 1050 году до н. э. и дала своему сыну Менелику образование в Иерусалиме. Это стало предполагаемым началом Аксумитского царства, столица которого, Аксуме, была процветающим центром торговли. Птолемей Эвергет и его преемники сделали многое, чтобы открыть Абиссинию миру, но большая часть населения в то время была кочевой. В IV веке стало ощущаться византийское влияние, и в 330 году святой Афанасий Александрийский посвятил Фроментия в епископы Эфиопии. Он опекал наследника абиссинского царства и начал его постепенную христианизацию. К началу VI века Абиссиния торговала с Индией и Византией и была настолько признана христианской страной, что император Юстиниан обратился к царю Калебу с просьбой защитить христиан в юго-западной Аравии. Калев завоевал Йемен в 525 году и удерживал его пятьдесят лет.

В конце концов еврейская принцесса Юдифь узурпировала аксумитский трон; абиссинцы были изгнаны из Аравии, и начался долгий период, когда, как говорит Гиббон, "охваченные врагами своей религии, эфиопы спали почти тысячу лет, забыв о мире, которым они были забыты". Однако на протяжении всего средневековья легенда о великом христианском царстве, скрытом в Африке, не утихала, а поиски Престера Джона стали одним из мировых квестов.

Именно растущая мощь Абиссинии заставила Рим призвать нубийцев из западной пустыни. Нубийцы образовали сильную лигу племен и по мере упадка древнего Эфиопского царства оттеснили абиссинцев, которые уже обосновались в Мероэ.

В VI веке византийский священник обратил нубийцев в христианство, и они сразу же начали развиваться. На месте Непаты и Мероэ появилась новая столица Донгола, а к двенадцатому веку появились церкви и кирпичные дома. Когда магометанский поток хлынул вверх по долине Нила, нубийцы сдерживали его в течение двух столетий.

Дальше к югу из Судана вытеснились другие дикие племена, которые начали аналогичное развитие. Главными среди них были фунги, которые основали свою столицу в Сенааре, в месте слияния Белого и Голубого Нила. Когда магометанский поток наконец прошел через Нубию, фунги отвлекли его, объявив себя мусульманами. Таким образом, в пятнадцатом веке фунги оставались доминирующей державой от Трех катарактов до Фазогли и от Красного моря в Суакине до Белого Нила. Затем ислам двинулся на юг по большому кругу, обогнул Великие озера, а затем свернул обратно в Сомалиленд, полностью изолировав Абиссинию.

В период с XIII по XVI века Египетский Судан превратился в скопление магометанских королевств с арабскими, мулатскими и негритянскими королями. Далеко на западе, у озера Чад, в 1520 году возник султанат Багирми, который достиг своего наивысшего могущества в седьмом веке. Эта династия была свергнута негроидными мабасами, которые основали Вадаи на востоке около 1640 года. К югу от Вадаи лежали язычники и каннибалы долины Конго, над которыми ислам никогда не одерживал верх. К востоку от Вадаи и ближе к Нилу лежало родственное государство Дарфур, нубийский народ, чьи султаны правили более двухсот лет и который достиг большого процветания в начале семнадцатого века при Солимане Солоне.

Прежде чем магометанская власть достигла Абиссинии, португальские первопроходцы вошли в страну с востока и начали открывать ее для европейских знаний. Несомненно, в века молчания в Абиссинии процветала цивилизация определенного уровня, но все достоверные записи были уничтожены пожаром в десятом веке. К моменту прихода португальцев древнее Аксумитское королевство пало, и его сменил ряд мелких государств.

Суданские королевства Судана сопротивлялись власти мамлюкских беев в Египте, а затем и власти турок вплоть до XIX века, когда Судан номинально стал частью Египта. Постоянные потрясения, войны и завоевания к тому времени сделали свое дело, и от древней эфиопской культуры мало что сохранилось, кроме работорговли.

Вхождение Англии в состав Египта после строительства Суэцкого канала в конечном итоге вызвало восстание в Судане, вызванное политическими, экономическими и религиозными причинами. Возглавляемый суданским негром Мохаммедом Ахмадом, который провозгласил себя Мессией (Махди), Судан поднял восстание в 1881 году, решив противостоять ненавистной религии, иностранному правлению и вмешательству в их главный промысел - торговлю рабами. Вскоре Судан запылал, и умелый генерал-мулат Осман Дигна, которому помогло восстание язычников динка, на шестнадцать лет вытеснил из Судана Египет и Англию. Только в 1898 году Англия вновь вошла в Судан и в качестве мелкой мести осквернила кости храброго, пусть и заблуждавшегося, пророка.

Тем временем восстание махдистов отсрочило планы Англии в отношении Абиссинии, и итальянцы, заменив ее, попытались установить протекторат. Менелик из Шоа, одного из небольших королевств Абиссинии, был проницательным человеком преимущественно негритянской крови, и после убийства махдистами короля Иоанна его склонили к заключению договора с итальянцами. Точные условия договора оспариваются, но, несомненно, итальянцы пытались таким образом склонить Менелика к вассальной зависимости. Менелик упорно сопротивлялся, и в великой битве при Адуа, одном из решающих сражений современного мира, абиссинцы 1 марта 1896 года нанесли сокрушительное поражение итальянцам, убив четыре тысячи из них и захватив две тысячи пленных. Императрица Тайту, полнокровная негритянка, возглавляла некоторые из атак. В результате этого сражения Абиссиния стала независимой.

Такова в общих чертах странная история долины Нила - Египта, родины человеческой культуры и

"Та звездная эфиопская царица, что стремилась
Чтоб красотой своей возвыситься
Морских нимф".

ССЫЛКИ:

[4] [αὐτός δὲ εἶ κασα τῇδε καὶ ὅτε μελάνχροες εἰσι καὶ οὐλότριχες. Greek: "autos de eikasa tēde kai hote melanchroes eisi kai oulotriches"]. Liber II, Cap. 104.

[5] Cp. Maciver and Thompson: *Ancient Races of the Thebaid*.

[6] *Journal of Race Development*, I, 484.

[7] Петри: *История Египта*, I, 51, 237.

[8] *From West Africa to Palestine*, p. 114.

[9] В зависимости от того, относятся ли так называемые гиксосские сфинксы к периоду правления гиксосских царей или к более раннему периоду (см. Петри, I, 52-53, 237). То, что

негроиды в значительной степени преобладали в ранней истории западной Азии, доказывают памятники.

[10] Петри: *История Египта*, II, 337.

[11] Чемберлен: *Journal of Race Development*, April, 1911.

[12] Петри: *История Египта*, II, 337.

[13] Рейснер: *Archeological Survey of Nubia*, I, 319.

[14] Хоскинс утверждает, что арка берет свое начало в Эфиопии.

[15] Maciver and Wooley: *Areika*, p. 2.

[16] Деяния VIII, 27.

IV

НИГЕР И ИСЛАМ

Арабское выражение "Билад эс Судан" (Земля черных) применялось ко всему региону к югу от Сахары, от Атлантики до Нила. Это территория размером тридцать пять сотен миль на шестьсот миль, площадью два миллиона квадратных миль, население которой на сегодняшний день составляет около восьмидесяти миллионов человек. Таким образом, она на две трети больше Соединенных Штатов и так же густо заселена. В западной части Судана Нигер играет ту же роль, что и Нил на востоке. В этой главе мы проследим историю Нигера.

История этой части Африки, вероятно, была такова: первобытный человек, попав в Африку из Аравии, нашел Великие озера, распространился в долине Нила и побрел на запад к Нигеру. Геродот рассказывает о неких юношах, которые проникли через пустыню к Нигеру и нашли там город черных карликов. Последующие миграции негров и негроидов постепенно вытеснили карликов в негостеприимные леса и заняли Судан, продвигаясь к Атлантике. Здесь новоприбывшие, свернув на север, встретили средиземноморскую расу, спустившуюся через западную пустыню, а на юге негры пришли к Гвинейскому заливу и густым лесам долины Конго. На западном побережье возникли коренные цивилизации в Йоруба и Бенине, и их контакт со средиземноморской расой в пустыне, а также с египетской и арабской с востока, привел к возникновению центров негритянской культуры в Судане в Гане и Мелле, а также в Сонгае, Нупе, штатах Хауса и Борну.

История Судана, таким образом, вновь приводит нас в Эфиопию, этот странный и древний центр мировой цивилизации, жители которого в древнем мире считались самыми благочестивыми и самыми древними людьми. Из этого центра негры, стоявшие у истоков африканской, а в значительной степени и мировой культуры, двинулись не только вниз по течению Нила, но и на запад. Эти негры создали первоначальный субстрат культуры, который последующие влияния изменили, но никогда не вытеснили.

Мы знаем, что египетские фараоны в ряде случаев проникали в западный Судан, и египетское влияние четко прослеживается. Греческая и византийская культура, финикийская и карфагенская торговля также проникали сюда, а ислам в конце концов сделал всю эту землю своей. Однако за всеми этими влияниями с самого начала стояла

коренная негритянская культура. Каменные фигуры Шербро, мегалиты Гамбии, искусство и промышленность западного побережья - все это слишком глубокие и оригинальные свидетельства цивилизации, чтобы быть простым импортом из-за границы.

Судан также не был инертным реципиентом иностранного влияния, когда оно пришло. Согласно достоверной легенде, "Великий царь" в Византии импортировал из Судана стекло, олово, серебро, бронзу, ограненные камни и другие сокровища. Отправлялись посольства, и такие государства, как Нупе, признавали сюзеренитет византийского императора. Жители Нупе особенно гордились тем, что византийцы научились у них некоторым видам работы с бронзой и стеклом, и это взаимодействие прервалось только после магометанского завоевания.

В эту древнюю культуру, несколько измененную византийским и христианским влиянием, пришел ислам. Он пришел с северо-запада, медленно и незаметно, и передавался, в частности, неграми мандинго. Примерно в 1000-1200 гг. н. э. ситуация была такова: Гана находилась на краю пустыни на севере, Мандинголанд - между Нигером и Сенегалом на юге и западной Сахарой, Джолоф - на западе по Сенегалу, Сонгай - по Нигеру в центре. Магометане прибыли в основном как торговцы и нашли уже налаженную торговлю. То тут, то там в крупных городах выделялись районы для этих новых купцов, и магометане часто давали понять, что уважают эти черные народы.

Ислам не основывал новых государств, а модифицировал и объединял уже существовавшие негритянские государства; он не начинал новую торговлю, а развивал уже сложившуюся широкую торговлю. Как говорит Фробениус, "легко доказать на основе хроник, написанных на арабском языке, что ислам был эффективен только в качестве удобрения и стимулятора". Существенным моментом является оживляющая и бодрящая концентрация негритянской силы на службе новой эпохи и мусульманской пропаганды, а также вызванная этим реакция".[17]

В начале восьмого века ислам завоевал Северную Африку и обратил в свою веру берберов. С помощью чернокожих воинов мусульмане проникли в Испанию; в следующем веке берберские и арабские армии пересекли западную часть Сахары и пришли в Негроленд. Позднее, в XI веке, арабы проникли в Судан и Центральную Африку с востока, пройдя через негритянские племена Дарфура, Канема и соседних регионов. Арабы были слишком близки с неграми, чтобы провести абсолютную цветовую линию. Антар, один из великих доисламских поэтов Аравии, был сыном чернокожей женщины, а один из великих поэтов при дворе Харуна аль-Рашида был чернокожим. В двенадцатом веке в Севилье жил поэт-негр, а Сиджилмесса, последний город в Нижнем Марокко по направлению к пустыне, был основан в 757 году негром, который правил берберами. Действительно, многие города в Судане и пустыне управлялись таким образом и не чувствовали ничего предосудительного в таком раскладе. Говорят, правда, что мавры разрушили Аудхогаст, потому что он платил дань черному городу Гана, но это было потому, что город был языческим, а не потому, что он был черным. С другой стороны, есть история о том, что берберский король разрушил один из городов Судана, и все чернокожие женщины покончили с собой, будучи слишком гордыми, чтобы позволить себе попасть в руки белых мужчин.

На западе мусульмане впервые столкнулись с негритянским королевством Гана. Здесь в ранние времена собирали большое количество золота, и мы знаем имена семидесяти четырех правителей до 300 года н. э. на протяжении двадцати одного поколения. Это отбрасывает нас примерно на тысячу лет назад, к 700 году до н. э., или примерно к тому времени, когда фараон Нехо из Египта отправил финикийскую экспедицию, обогнувшую

Африку, и, возможно, до того времени, когда карфагенянин Ганно исследовал западное побережье Африки.

К середине XI века Гана была главным королевством на западе Судана. Уже тогда город имел туземный и мусульманский кварталы, был построен из дерева и камня и окружен садами. У короля была двухсоттысячная армия, а богатство страны было огромным. Спустя столетие король стал магометанином по вере и обзавелся дворцом со скульптурами и стеклянными витражами. Большой причиной такого развития стала торговля через пустыню. Золото, кожи, слоновая кость, орехи кола, эвкалипт, мед, пшеница и хлопок шли на экспорт, и все средиземноморское побережье торговало в Судане. Гану окружали другие и менее крупные черные королевства, такие как Текру, Силла и Масина.

В начале тринадцатого века престиж Ганы начал падать перед поднимающимся на западе королевством Мандинган. Мелле, как его называли, был основан в 1235 году и стал открытой дверью для мусульманских и мавританских торговцев. Новое королевство, которому помогала расширяющаяся торговля, начало расти, и ислам постепенно окружил более древнюю негритянскую культуру на западе, севере и востоке. Однако огромная масса более древней языческой культуры, пробивавшаяся вверх от побережья Гвинеи, вплоть до девятнадцатого века твердо противостояла исламу.

Постепенно магометанство восторжествовало в растущих государствах, которые почти окружили главных героев древней атлантической культуры. Мандинган Мелле в конце концов вытеснил Гану по престижу и могуществу, после того как Гана была свергнута язычниками Су-Су с юга.

Территория Мелле лежала к юго-востоку от Ганы и примерно в пятистах милях к северу от Гвинейского залива. Ее короли были известны под титулом Манса, и с середины XIII века до середины XIV Меллестин, как называлось это владение, был ведущей державой в стране чернокожих. Его величайший царь Мари Джалак (Манса Муса) совершил паломничество в Мекку в 1324 году с караваном из шестидесяти тысяч человек, включая двенадцать тысяч молодых рабов, одетых в фигурный хлопок и персидский шелк. Он взял с собой восемьдесят верблюдов с золотой пылью (стоимостью около пяти миллионов долларов), чтобы покрыть свои расходы, и произвел огромное впечатление на жителей Востока своим великолепием.

По возвращении он обнаружил, что Тимбукту был разграблен мосси, но отстроил город и заполнил новую мечеть учеными неграми из университета Феса. Манса Муса правил двадцать пять лет и "отличался своими способностями и святостью своей жизни. Справедливость его правления была такова, что память о ней жива до сих пор".^[18] Меллестин сохранял свое главенство до начала XVI века, когда жезл суданской империи перешел к Сонгаю, крупнейшей и самой известной из черных империй.

Известная история Сонгая охватывает тысячу лет и три династии и сосредоточена в большой излучине Нигера. В Первой династии было тридцать королей, правивших с 700 по 1335 год. Во время правления одного из них королевство Сонгхай стало вассальным королевством Мелле, находившегося тогда в зените славы. Кроме того, мосси пересекли долину, разграбили Тимбукту в 1339 году и отделили Дженне, первоначальную резиденцию Сонгай, от основной империи. Шестнадцатый король был обращен в магометанство в 1009 году, и после этого все сонгайские принцы были магометанами. В 1326 году Манса Муса взял двух молодых сонгайских принцев ко двору Мелле для обучения. Эти мальчики, когда выросли, сбежали и основали новую династию в Сонгае, Сонни, в 1355 году. Семнадцать из этих царей правили, последним и самым великим был Сонни Али, который взошел на трон в 1464 году. В это время Мелле приходил в упадок, другие города, такие как Дженне с его семьей

тысячами деревень, поднимались, а туареги (берберы с негритянской кровью) захватили Тимбукту.

Сонни Али был солдатом и начал свою карьеру с завоевания Тимбукту в 1469 году. Ему также удалось захватить Дженне и напасть на мосси и других врагов со всех сторон. Наконец он сосредоточил свои силы для разрушения Мелле и покорил почти всю империю на западном изгибе Нигера. Подводя итоги военной карьеры Сонни Али, летопись говорит о нем: "Он превзошел всех своих предшественников в численности и доблести своих воинов. Его завоевания были многочисленны, а его слава распространялась от восхода до заката солнца". Если на то будет воля Божья, о нем еще долго будут говорить".^[19]

Сонни Али был негром из Сонгаи, чей отец был бербером. Его сменил полнокровный негр Мохаммед Абу Бекр, который был его премьер-министром. Мохаммеда прозвали "Аския" (узурпатор), и он наиболее известен как Мохаммед Аския. Он был строго ортодоксален там, где Али был скорее насмешником, и организатором там, где Али был воином. В его паломничестве в Мекку в 1495 году не было ничего от варварского великолепия Мансы Мусы, только блестящая группа ученых и святых людей с небольшим эскортом из пятнадцати сотен солдат и девяти сот тысяч долларов золотом. Он останавливался и советовался с учеными и политиками, изучал вопросы налогообложения, мер и весов, торговли, религиозной терпимости и нравов. В Каире, где он был инвестирован правящим халифом Египта, он, возможно, услышал о борьбе Европы за торговлю Индией и, возможно, о разделе нового мира между Португалией и Испанией. Он вернулся в Судан в 1497 году, основал постоянную армию из рабов, начал священную войну против неукротимых мосси и, наконец, отправился в поход против хауса. Он покорил эти города и даже установил власть чернокожих в берберском городе Агадес, богатом городе купцов и ремесленников с величественными особняками. В целом Аския за время своего правления завоевал и укрепил империю длиной в две тысячи миль и шириной в тысячу миль по наибольшему диаметру; территория, равная всей Европе. Территория была разделена на четыре вице-королевства, и была реализована система Мелле с ее полунезависимыми туземными династиями. Его империя простиралась от Атлантики до озера Чад и от соляных копей Тегацца и города Аугила на севере до 10-го градуса северной широты на юге.

Это было шестимесячное путешествие через всю империю, и, как утверждается, "на самых дальних рубежах империи ему повиновались с такой же покорностью, как и в его собственном дворце, и везде царили великое изобилие и абсолютный мир".^[20] Университет Санкора стал центром переписки с Египтом и Северной Африкой, в нем учились чернокожие суданцы. Здесь изучали право, литературу, грамматику, географию и хирургию. Аския Великий царствовал тридцать шесть лет, и его династия продолжала оставаться на троне вплоть до мавританского завоевания в 1591 году.

Тем временем на востоке возникли два могущественных государства. Они никогда не оспаривали военное превосходство Сонгаи, но их промышленное развитие было удивительным. Государства хауса были образованы семью городами, из которых самым древним был Кано, а самым известным - Катсена. Их величайшие лидеры, Мухаммед Римпа и Ахмаду Кесоке, возникли в XV и начале XVI веков. Земля была подчинена Сонгаи, но города стали промышленными центрами плавки, ткачества и крашения. Катсена, особенно в середине XVI века, описывается как место в тринадцать или четырнадцать миль в окружности, разделенное на кварталы для чужестранцев, для гостей из различных других

государств, а также для различных ремесел и производств, таких как шорники, сапожники, красильщики и т.д.

За штатами хауса и на границе с озером Чад находился Борну. Народ Борну имел значительное вкрапление берберской крови, но был преимущественно негритянским. В ранние времена королями были берберские мулаты, но вскоре их сменили чернокожие. При первых королях, которых можно отнести к третьему веку, этот народ управлял почти всей территорией между Нилом и озером Чад. Страна была известна как Канем, и языческая династия Дугу правила там с середины девятого до конца одиннадцатого века. Магометанство было завезено из Египта в конце одиннадцатого века, и при магометанских царях Канем стал одной из первых держав Судана. К концу двенадцатого века армии Канема были очень мощными, а его правители были известны как "короли Канема и повелители Борну". В тринадцатом веке короли даже осмелились вторгнуться на юг страны, в долину Конго.

В это время в мире за пустыней, океаном и Нилом происходили великие события. Арабское магометанство уступило дикому фанатизму турок-сельджуков. Эти новые завоеватели не только прочно обосновались у ворот Вены, но и заволокли берега Средиземного моря, заставив всю Европу рыскать по морям в поисках утраченных торговых связей с богатствами Индии. Религиозное рвение, страх перед завоеваниями и коммерческая жадность воспламенили Европу против магометан и привели к открытию нового мира, богатства которого хлынули сначала на Испанию. Затем последовало угнетение мавров, и в 1502 году они были изгнаны обратно в Африку, опустошенные и униженные. Здесь их преследовали испанцы, а турки, сражаясь с христианами, захватили средиземноморские порты и навсегда отрезали мавров от Европы. В последующие годы, ютившиеся на северо-западе Африки, они стали упадочным народом и наконец обратили свой взор на негритянскую землю.

Мавры в Марокко смотрели на Судан как на золотую жилу и знали, что Судан особенно зависит от соли. В 1545 году Марокко претендовало на главные соляные копи в Тегазе, но правящая Аския отказалась признать эти притязания.

Когда на трон Марокко взошел султан Эльмансур, он повысил эффективность своей армии, снабдив ее огнестрельным оружием и пушками. Эльмансур решил напасть на Судан и отправил четыреста человек под командованием паши Джудера, который покинул Марокко в 1590 году. Сонгайцы с их луками и стрелами оказались бессильны против пороха и дроби, и они были разбиты при Тенкадибу 12 апреля 1591 года. Аския Исхак, король, предложил условия, и Джудер-паша направил их в Марокко. Султан, разгневанный задержкой своего генерала, сместил его и послал другого, который разгромил и вероломно убил короля и поставил марионетку. После этого было два Аскии: один под властью мавров в Тимбукту, а другой держался в государствах хауса, которые мавры не смогли покорить. В Сонгае воцарилась анархия. Мавры пытались подавить беспорядки, изгнали и убили знатных людей Тимбукту, в результате чего по всему Судану начался разгул грабежа и упадка. Паша сменял пашу, бунтуя и нарушая правила, пока в 1612 году солдаты не избрали собственного пашу и намертво не замкнулись в Судане, отрезав подступы с севера.

Хаусаленд и Борну по-прежнему были открыты для турецкого и магометанского влияния с востока, а Гвинейский залив - для работорговли с юга, но лицо лучшей негритянской цивилизации, которую когда-либо создавал современный мир, было скрыто от Европы и отдано на поругание диким мавританским солдатам. В 1623 году написано: "Солдаты бесконтрольно совершают всевозможные эксцессы", а "страна находится в глубоком смятении и угнетении".^[21] Туареги пришли из пустыни и лишили мавров многих главных

городов. Остальная часть империи Сонгаи к концу XVIII века была разделена между отдельными мавританскими вождями, которые покупали провиант у негритянского крестьянства и были "одновременно самыми тщеславными, гордыми и, возможно, самыми фанатичными, свирепыми и нетерпимыми из всех народов юга".^[22] Они вели кочевой образ жизни, грабя негров. До таких глубин опустили могущественные сонгаи.

По мере упадка Сонгаи в XIX веке возникла новая сила - Фула. Фула, раса которых варьируется от берберских мулатов до полнокровных негров, могут быть результатом миграции на запад некоторых людей, таких как "лейкоэтиопы" Плиния, или же они возникли в результате миграции берберских мулатов в западных оазисах, вытесненных на юг римлянами и арабами.

Эти бродячие скотоводы жили на реке Сенегал и у океана в очень ранние времена, и о них не было слышно до XIX века. К тому времени они превратились в негров или темных мулатов и жили небольшими общинами между Атлантикой и Дарфуром. У них не было ни политического союза, ни национальных чувств, но все они были магометанами. Затем произошла внезапная перемена, и под предводительством религиозного фанатика эти презируемые и гонимые люди стали хозяевами центрального Судана. Именно они, наконец, сломали этот великий клин сопротивления атлантической культуры, после того как он был подорван и разрушен американской работорговлей.

Так ислам окончательно восторжествовал в Судане, а древняя культура соединилась с новой. Сегодня в Судане можно найти свидетельства объединения двух классов людей. Представители более древней цивилизации живут крестьянами в небольших общинах, занимаются производством и говорят на множестве разных языков. Вместе с ними или над ними находится правящая каста магометан, говорящая на четырех основных языках: Мандинго, Хауса, Фула и арабском. Эти последние формируют государственных строителей. Среди обоих классов преобладает негритянская кровь, но среди магометанских захватчиков, естественно, больше берберов.

Европа в средние века имела некоторое представление об этих движениях в Судане и Африке. Мелле и Сонгаи фигурируют на средневековых картах. В литературе мы имеем множество аллюзий: король-мулат Фейрифис был одним из героев Вольфрама фон Эшенбаха; преподобный Иоанн навел бесконечные легенды; воин Отелло и черный король, представленный в средневековом искусстве как один из трех мудрецов, а также различные черные Девы Марии - все это показывает легендарное знание о том, чем занималась африканская цивилизация в то время.

Любопытным комментарием к современным предрассудкам является то, что большая часть этой великолепной истории цивилизации и подъема неизвестна сегодня, а люди уверенно утверждают, что у негров нет истории.

ССЫЛКИ:

^[17] Фробениус: *Голос Африки*, II, 359-360.

^[18] Ибн Халдун, цитируется в Lugard, p. 128.

^[19] Цитируется в Lugard, p. 180.

^[20] Эс-Са'ди, цитируется Лугардом, стр. 199.

[21] Лугард, с. 373.

[22] Мунго Парк, цитируется в Lugard, p. 374.

V

ГВИНЕЯ И КОНГО

Одним из великих городов Судана был Дженне. В хронике говорится, "что его рынки проводятся каждый день недели, а население очень огромно. Семь тысяч его деревень расположены так близко друг к другу, что вождь Дженне не нуждается в посыльных. Если он хочет послать записку, например, на озеро Дибо, ее кричат от ворот города и повторяют из деревни в деревню, и таким образом она достигает места назначения почти мгновенно".[23]

От названия этого города мы получили современное название Гвинея, которое сегодня используется для обозначения страны, прилегающей к большому заливу с таким названием, - территории, часто называемой в целом Западной Африкой. Здесь, от устья Гамбии до устья Нигера, простирается побережье протяженностью шестьсот миль, на котором разыгралась удивительная драма мировой истории. Побережье и его внутренние районы объединяют множество известных названий. Сначала идет древняя Гвинея, затем современные Сьерра-Леоне и Либерия; далее следуют различные "побережья" древнего трафика - зерновое, слоновой кости, золота и рабов - с прилегающими территориями Ашанти, Дагомеи, Лагоса и Бенина, и еще дальше - племенные и территориальные названия Мандинго, Йоруба, Мосси, Нупе, Боргу и другие.

Последние исследования позволяют с уверенностью утверждать, что на этом побережье существовала древняя цивилизация, которая, возможно, существовала еще за три тысячи лет до нашей эры. Фробениус, возможно, причудливо, отождествлял это африканское побережье с Атлантидой греков и частью того великого западного движения человеческой культуры, "за столпами Геркулеса", которое за тринадцать веков до Христа боролось с Египтом и Востоком. Во всяком случае, ясно, что древняя торговля доходила до западного побережья. Финикийцы, 600 г. до н. э., и карфагеняне, столетием или более позже, сообщают о плаваниях, и, возможно, это были попытки возродить еще более древние связи.

В какой-то неизвестный доисторический период эти берега были заселены с плато Нигер на север и запад черными неграми западноафриканского типа, а на западе пустыни эти негры смешались с берберами, образовав различные негроидные расы.

Движение и миграция очевидны вдоль этого побережья в древние и современные времена. Одними из самых ранних прибывших были народы йоруба-Бенин-Дагомея с их замечательным искусством и промышленностью, что ставит их в некоторых областях техники вровень с современным миром. За ними с севера пришли мосси, а в последнее время просочились и многие другие народы, такие как лимба и темни из Сьерра-Леоне и агни-ашанти, которые около двух тысяч лет назад переселились из Боргу на побережье Золота и Слоновой кости.

Мы уже отмечали в основном историю чернокожих вдоль чудесного Нигера и видели, как, надвигаясь от Гвинейского залива, мощный клин древней культуры тысячу лет сдерживал ислам, то побеждая, то упорно оспаривая каждый дюйм отступления. Центр этой культуры, вероятно, в древнейшие времена находился над Бенинской бухтой, вдоль Невольничьего

берега, и простирались на восток, запад и север. Сегодня мы можем проследить ее не только в замечательных традициях местных жителей, но и в каменных памятниках, архитектуре, промышленной и социальной организации, а также в произведениях искусства из бронзы, стекла и терракоты.

Бенинским искусством занимались без перерыва на протяжении веков, и фон Лушан говорит, что "необычайно важно, что к шестнадцатому и семнадцатому векам в Бенине было освоено местное и монументальное искусство, которое во многих отношениях равнялось европейскому и развивало технику высочайшего мастерства".[24]

Подводя итоги йорубской цивилизации, Фробениус заключил, что "техническая вершина этой цивилизации была достигнута в терракотовом производстве, и что самые важные достижения в искусстве были выражены не в камне, а в тонкой глине, запеченной в печи; что пустотелое литье также было хорошо известно и практиковалось этим народом; что железо использовалось в основном для украшения; что, независимо от цели, они хранили свои стеклянные бусы в каменных урнах в своей местности, и что они производили как глиняную, так и стеклянную посуду; что искусство ткачества было высоко развито среди них; что каменные памятники, правда, показывают некоторую ловкость в обращении и пока что поучительны, но в других отношениях свидетельствуют о культурном состоянии, недостаточно зрелом, чтобы понять полезность каменного монументального материала; и, прежде всего, что великая и значительная идея вселенной, изображенная в Тамплиуме, была актуальна в те дни." [25]

Естественно, были предприняты попытки приписать эту цивилизацию белым людям. Сначала ее приписывали португальскому влиянию, но большая ее часть, очевидно, старше португальского открытия. Были упомянуты Египет и Индия, Греция и Карфаген. Но все эти объяснения надуманны. Если когда-либо какой-либо народ и демонстрировал неопровержимые доказательства исконной цивилизации, то это африканцы западного побережья. Несомненно, они адаптировали многое из того, что пришло к ним, использовали новые идеи и развивались благодаря контактам. Но их искусство и культура - негритянские насквозь.

Йоруба образуют одну из трех городских групп Западной Африки; другая находится вокруг Тимбукту, а третья - в государствах хауса. В городах Тимбукту насчитывается от пяти до пятнадцати сотен городов, а в городах йоруба - сто пятьдесят тысяч жителей и более. Среди городов хауса много важных, но лишь немногие из них так же велики, как города йоруба, и расположены они дальше друг от друга. Однако три центра АХ связаны с Нигером, и группа, расположенная ближе к побережью, то есть города йоруба, имеет наибольшее количество городов, наиболее развитые архитектурные стили и самые древние институты.

Города йоруба отличаются от суданских не только по численности населения, но и по социальным отношениям. Суданские города возникли под влиянием пустыни и Средиземноморья и являются ядрами более крупных окружающих монархических государств. Города йоруба, с другой стороны, оставались сравнительно автономными организациями вплоть до современности, и их относительное значение менялось время от времени, не развивая империалистических идей и не подчиняя группу одному властному городу.

Это социальное и промышленное государство йоруба в прошлом распространялось и имело большое влияние. Мы видим, как йоруба протягивают руки и покоряют такие государства, как Нупе, в северном направлении. Но промышленная демократия и городская автономия

йоруба безразлично относились к завоеваниям, и в конце концов государство пало жертвой фанатичных магометан-фула и стало частью современного султаната Гандо.

К западу от Йорубы, в нижнем течении Нигера, находится Бенин, древнее государство, которое в 1897 году проследило историю своих двадцати трех королей на тысячу лет назад; некоторые легенды даже называют линию из шестидесяти королей. Кажется вероятным, что Бенин развил имперскую идею и однажды распространил свою власть на долину Конго. Позже и также к западу от йоруба появляются два государства, демонстрирующие более свирепую и грубую культуру, - Дагомея и Ашанти. Государство Дагомея было основано Такондоми в начале семнадцатого века и превратилось в жестокую и кровавую тиранию с массовыми убийствами. У короля было от двух тысяч до пяти тысяч амазонок, славившихся своей храбростью и вооруженных ружьями. Королевство было свергнуто французами в 1892-93 годах. При Саи Туту к власти в XVII веке пришли ашанти. Была сформирована военная аристократия с жестокими кровавыми жертвоприношениями. К 1816 году в распоряжении короля было двести тысяч солдат. Власть Ашанти была сокрушена англичанами в войне 1873-74 годов.

В этих государствах и в более поздние годы в Бенине весь характер культуры западного побережья как бы меняется. На смену культуре йорубов с ее городской демократией, возвышенными религиозными идеями, тонко организованной промышленностью и благородным искусством пришли ашанти и дагомеи. Что же изменило характер западного побережья, превратив его в оргии войны и кровавые жертвоприношения, о которых мы читаем в этих землях позднее?

Ответ может быть только один: работорговля. Не просто продажа людей, а организованная торговля такого масштаба и разветвленности, которая отвлекала внимание и энергию людей почти от всех других отраслей, поощряла войны и все самые жестокие страсти войны, и сосредоточила эту торговлю именно в той части Африки, которая была наиболее удалена от древних средиземноморских торговых путей.

Не стоит полагать, что культурные изменения были внезапными или абсолютными. Древние йоруба отличались жестокостью полуцивилизованной страны, но они не были доминирующими или тираническими. Современные Бенин и Дагомея демонстрировали следы мастерства, культуры и промышленности наряду с необъяснимой жестокостью и кровожадностью. Но именно работорговля перевернула баланс и отбросила эти земли назад. Дагомея стала последним словом в череде человеческих катастроф, начавшихся с поражения аскии при Тенкадибу.[\[26\]](#)

С середины XV до последней половины XIX века американская работорговля, сосредоточенная в Гвинее, опустошала побережье в моральном, социальном и физическом плане. Европейский ром и огнестрельное оружие обменивались на людей, и только в 1787 году были приняты какие-либо меры по борьбе с этим ужасным злом. В том же году возникла идея репатриировать украденных негров на это побережье и создать цивилизованные центры, чтобы вытеснить работорговлю. Около четырехсот негров из Англии были отправлены в Сьерра-Леоне, к которым организаторы предусмотрительно добавили шестьдесят белых проституток в качестве жен. Однако климат на низком побережье был настолько смертоносным, что вскоре потребовались новые рекруты. Американский негр Томас Питерс, служивший сержантом у сэра Генри Клинтона в британской армии в Америке, отправился в Англию в поисках участка земли для своих товарищей. Компания "Сьерра-Леоне" приняла его и предложила неграм из Новой Шотландии бесплатный проезд и землю в Сьерра-Леоне. В результате в 1792 году пятнадцать судов с одиннадцатьюстами девяноста

неграми отправились в плавание. Прибыв в Африку, они обнаружили, что главный белый человек, управляющий там, настолько пьян, что вскоре умер от делириума. Однако Джон Кларксон, брат Томаса Кларксона, аболициониста, в конце концов взял на себя руководство, основал Фритаун, и колония начала свою многовековую карьеру. В 1896 году колонию спасли от восстания изгнанные с Ямайки негры-мароны. После 1833 года, когда в английских колониях произошла эмансипация, стало возможным принять более жесткие меры против работорговли, и колония начала расти. Сегодня ее импорт и экспорт составляет пятнадцать миллионов долларов в год.

Либерия была похожим американским экспериментом. В 1816 году американские филантропы решили, что рабство должно вымереть, но проблема заключается в том, чтобы избавиться от освобожденных негров, которых в Соединенных Штатах на тот момент насчитывалось двести тысяч. Поэтому в этом году было предложено создать Американское колонизационное общество, которое было основано 1 января 1817 года, а его президентом стал Бушрод Вашингтон. Сначала предполагалось поощрять миграцию в Сьерра-Леоне, и было отправлено восемьдесят восемь негров, но их не приняли. В результате 15 декабря 1821 года была куплена территория в нынешних границах Либерии, и туда начали прибывать колонисты. Чуть позже был создан африканский склад для возвращенных рабов, захваченных в ходе контрабандной работорговли, предусмотренной Законом 1819 года, и в Африку был отправлен агент для создания поселения. Постепенно это поселение было объединено с поселением Колонизационного общества, и из этого союза окончательно сформировалась Либерия.

Последний белый губернатор Либерии умер в 1841 году, и его сменил первый цветной губернатор, Джозеф Дж. Робертс, виргинец. Общая численность населения в 1843 году составляла около двадцати семисот девяноста человек, и с этого момента в 1847 году губернатор Робертс провозгласил независимость государства. В 1849 году последовало признание независимости Либерии всеми странами, кроме Соединенных Штатов. Соединенные Штаты, не желая принимать министра-негра, признали Либерию только в 1862 году.

Не успела Либерия объявить о своей независимости, как Англия и Франция начали долгую серию агрессий с целью ограничить ее территорию и суверенитет. Значительная территория была потеряна по договору, а в попытке получить капитал для развития оставшейся части Либерия оказалась обременена долгом в четыреста тысяч долларов, из которых она получила менее ста тысяч долларов наличными. В итоге либерийцы обратились за капиталом и защитой к Соединенным Штатам. В результате таможня Либерии была поставлена под международный контроль, а майор Чарльз Янг, главный негритянский офицер армии Соединенных Штатов, с несколькими цветными помощниками занялся строительством дорог и созданием констебля для поддержания порядка во внутренних районах страны.

На сегодняшний день площадь Либерии составляет сорок тысяч квадратных миль, береговая линия - около трехсот пятидесяти миль, а общая численность населения оценивается в два миллиона человек, из которых пятьдесят тысяч - цивилизованные. Доходы в 1913 году составили 531 500 долларов. Импорт в 1912 году составил 1 667 857 долларов, а экспорт - 1 199 152 доллара. Последний состоял в основном из каучука, пальмового масла и ядер, кофе, волокна пиассавы, слоновой кости, имбиря, камчатного дерева и арнотто.

Возможно, величайшим гражданином Либерии был покойный Эдвард Уилмот Блайден, который в раннем детстве переселился из датской Вест-Индии и стал пророком возрождения негритянской расы.

Повернув от Гвинеи, мы переходим к западному побережью. В 1482 году португалец Диего Кам, путешествуя по этому побережью, установил камень в устье великой реки, которую он назвал "Могучей", но которая со временем стала известна по имени могущественного негритянского королевства, через которое она протекала, - Конго.

Мы должны думать о долине Конго с ее запутанными переплетениями водных путей и джунглями лесов как об огромном котле, отгороженном поначалу от африканского мира известными и неизвестными физическими препятствиями. Затем в нее проникли крошечные красные карлики, а потом орда за ордой высоких чернокожих людей хлынула в долину, как водоворот, двигаясь обычно с севера на восток и с юга на запад.

Таким образом, долина Конго стала центром формирования тех народов, которые мы сегодня знаем как банту. Это не единый народ, а сплетение племен, отличающихся друг от друга значительным физическим разнообразием, объединенных непреодолимыми узами языка и других обычаев, навязанных завоевателям.

Историю этих вторжений мы должны сегодня в значительной степени представить себе. Между двумя и тремя тысячами лет назад дикие племена негров начали переселяться из региона к югу или юго-востоку от озера Чад. Это всегда была земля теней и легенд, где обитали страшные каннибалы и куда не осмеливались ступить ни египетские, ни эфиопские, ни суданские армии. Возможно, однако, что давление со стороны цивилизации в долине Нила и развивающейся культуры вокруг озера Чад в это время было усилено экспансией культуры йоруба-бенин на западном побережье. Возможно, также, что развивающаяся культура вокруг Великих озер на востоке манила к себе или стало известно о буйном плодородии долин Конго. Во всяком случае, движение началось, то медленными этапами, то дикими набегами. Возможно, было предварительное движение с востока на запад к Гвинейскому заливу. Однако основное движение шло на восток, огибая леса Конго и проходя по реке Виктория-Ньянза и озеру Танганьика. Здесь открывались два пути: на восток - к озерам и морю, на запад - к Конго. Огромный поток людей устремился к океану и, разделившись, повернул на север, пробивая себе путь по долине Нила и в Абиссинские нагорья; другая ветвь повернула на юг и подошла к Замбези, где мы встретим ее снова.

Еще одна орда захватчиков повернула на запад и тремя колоннами вошла в долину Конго. Северная колонна двинулась вдоль рек Луалаба и Конго в Камерун; вторая колонна стала промышленными и государственными народами луба и лунда в южной части долины Конго и Анголе; а третья колонна двинулась в Дамараленд и смешалась с бушменами и хоттентотами.

В долине Конго захватчики селились в деревнях и на равнинах, поглощали тех коренных жителей, которых находили, или загоняли их глубже в лес, и сразу же начинали развивать промышленность и политическую организацию. Они стали искусными земледельцами, выращивая в некоторых местах огромное количество зерновых, фруктов и овощей, таких как маниок, маис, ямс, сладкий картофель, молотые орехи, сорго, тыквы, фасоль, горох, бананы и подорожник. Повсюду они демонстрировали мастерство в добыче и сварке железа, меди и других металлов. Они изготавливали оружие, проволоку и слитки, ткани и керамику, и возникла широко распространенная система торговли. Некоторые племена добывали каучук из корня таламбы, другие разводили замечательные породы птиц и крупного рогатого скота, третьи делили свой народ по ремеслам на земледельцев, кузнецов, строителей лодок, воинов, краснодеревщиков, оружейников и ораторов. Женщины то тут, то там принимали

участие в общественных собраниях и в некоторых случаях были правительницами. Были построены большие города, некоторые из которых требовали нескольких часов пути из конца в конец.

Многие племена развили интеллект высокого порядка. Виссманн назвал ба-луба "нацией мыслителей". Бейтман нашел их "тщательно и безукоризненно честными, храбрыми до безрассудства, верными друг другу и своим начальникам". Один из их королей, Калемба, "действительно князь", по словам Бейтмана, "среди любого народа был бы выдающимся и во многих отношениях великолепным человеком".[27]

Однако эти зачатки человеческой культуры были особенно уязвимы для вторжения более поздних пришельцев. Здесь не было естественных защитных барьеров, таких как узкая долина Нила, горы Конг или леса под озером Чад. Как только пути в долину были открыты, в течение сотен лет туда продолжали прибывать новые люди, особенно из племен к югу от Судана и к западу от Нила, которых поднимающаяся культура за пределами страны держала в беспорядке и смятении.

Против этих вторженцев была только одна защита - государство. Таким образом, государственное строительство было навязано долине Конго. Как рано оно началось, мы сказать не можем, но к моменту прибытия португальцев в XV веке среди ба-конго уже веками существовало крупное государство со столицей в городе, известном сейчас как Сан-Сальвадор.

Негра Мфуму, или императора, в конце концов склонили к принятию христианства. Его сыновья и многие молодые негры высокого происхождения были увезены в Португалию для получения образования. Там некоторые из них были возведены в католическое священство, а один стал епископом; другие отличились в университетах. Так неожиданно возникло католическое королевство к югу от долины Конго, которое просуществовало три века, но было частично свергнуто вторгшимися из внутренних районов страны варварами в семнадцатом веке. Король Конго до сих пор правит в качестве пенсионера Португалии, а на побережье до сих пор сохранились остатки королевства в виде цивилизованных негров и мулатов, которые являются умными торговцами и строителями лодок.

В это же время народ луба-лунда к востоку основал Кантангу и другие государства, а в XVI веке - более крупное и амбициозное королевство Мвата-Ямво. Последний из четырнадцати правителей этой линии был феодалом около трехсот вождей, которые платили ему дань слоновой костью, шкурами, кукурузой, тканью и солью. Его территория включала около ста тысяч квадратных миль и два миллиона или более жителей. Со временем это государство стало раздираться внутренними распрями и восстаниями, особенно нападениями с юга через границу Конго и Замбези.

Дальше к северу, среди ба-лоло и ба-сонго, сохранялась деревенская политика, а каннибалы с северо-востока давили на более оседлые племена. В результате возникло любопытное смешение войны и промышленности, художественных вкусов и дикарских обычаев.

Организованная работоторговля арабов проникла в долину Конго в XVI веке и вскоре стала помогать всем силам беспорядков и волнений. Промышленность пришла в упадок, и многие племена были вынуждены укрываться в пещерах и других укромных местах.

Здесь, как и на западном побережье, последовали дезинтеграция и регресс, поскольку по мере того, как сокращалось американское движение, увеличивалось арабское. Поэтому, когда Стэнли открыл долину Конго для современных знаний, Леопольд II Бельгийский

задумал основать здесь свободное международное государство, которое должно было принести цивилизацию в сердце Африки. В связи с этим в 1878 году был создан международный комитет по изучению этого региона. В итоге Стэнли было поручено выяснить, каким образом лучше всего внедрить европейскую торговлю и культуру. "Мне поручено, - сказал он, - открыть и, по возможности, сохранить открытыми все районы и страны, которые я смогу исследовать, на благо торгового мира". Миссия поддерживается филантропическим обществом, в котором состоят благородные люди нескольких наций. Это не религиозное общество, но мои инструкции полностью соответствуют его духу. Никакого насилия, и в случае отказа миссия должна удалиться и искать другое поле деятельности".[28]

Була Матади, или Каменщик, как называли Стэнли туземцы, энергично взялся за дело и к 1881 году построил дорогу мимо водопада на плато, где таким образом открылись тысячи миль речного судоходства. Были созданы станции, и к 1884 году Стэнли вернулся, вооружившись четырьмястами пятьюдесятью "договорами" с туземными вождями, а новое "государство" обратилось к миру за признанием.

Сначала Соединенные Штаты признали "Свободное государство Конго", которое, наконец, стало суверенной державой под международными гарантиями на Берлинском конгрессе в 1885 году, а его королем был избран Леопольд II. Площадь государства составляла около девятисот тысяч квадратных миль, а население - около тридцати миллионов человек.

Одной из первых задач, стоявших перед новым государством, была борьба с арабскими работорговцами. До этого арабы выступали в роли торговцев и посредников в верховьях Конго, но когда англичане и государство Конго свергли Мзиди, правящего короля в стране Кантанга, произошло всеобщее восстание арабов и мулатов. На некоторое время, в 1892-93 годах, белые были изгнаны, но через год или два арабы и их союзники были покорены.

Однако гуманность и коммерция не заменили арабских работорговцев. На смену им пришли европейская алчность и крепостное право. Земля была конфискована государством и передана частным бельгийским корпорациям. Более дикие племена каннибалов были сформированы в ополчение, чтобы охотиться на трудолюбивых людей, которых облагали определенным налогом на слоновую кость и каучук, а в случае неуплаты бичевали и калечили. Харрис утверждает, что режим короля Леопольда означал смерть двенадцати миллионов туземцев.

"Европа была потрясена зверствами Леопольда, и они действительно были ужасны; но мы, те, кто находился за кулисами, наиболее остро ощущали тот факт, что настоящей катастрофой в Конго было опустошение и убийство в более широком смысле. Вторжение в семейную жизнь, безжалостное разрушение всех социальных барьеров, сокрушение всех племенных законов, введение преступных обычаев, которые поражали вождей народа немой ужасом, - словом, настоящая лавина грязи и безнравственности захлестнула племена Конго".[29]

Эксплуатация и бесправие стали настолько известными, что Леопольд был вынужден принять меры по реформированию, и в итоге в 1909 году Свободное государство стало бельгийской колонией. Некоторые реформы уже начались, за ними могут последовать другие, но долина Конго еще долго будет стоять как памятник позора христианству и европейской цивилизации.

ССЫЛКИ:

[23] Цитируется по книге "Дю Буа: *Timbuktu*.

[24] Von Luschan: *Verhandlungen der berliner Gesellschaft für Anthropologie*, etc., 1898.

[25] Фробениус: *Voice of Africa*, Vol. I.

[26] Cf. p. 58.

[27] Keane: *Africa*, II, 117-118.

[28] *Конго*, I, гл. III.

[29] Харрис: *Рассвет в Африке*.

VI

ВЕЛИКИЕ ОЗЕРА И ЗИМБАБВЕ

Мы уже видели, как ветвь завоевателей-банту повернула на восток, к Великим озерам, и таким образом достигла моря и, в конечном счете, Нила и Южной Африки.

Это привело их в древнюю и загадочную страну далеко вверх по течению Нила, к югу от Эфиопии. Здесь лежал древний Пунт египтян (независимо от того, где он находится - в Сомалиленде или, что кажется гораздо более вероятным, в районе Великих озер), и здесь, как считали египтяне, началась их цивилизация. Самыми первыми обитателями этих земель были, по-видимому, негры из племени бушменов или хоттентотов. Постепенно они были оттеснены на юг и запад вторжением нилотских негров. За пять тысяч лет до нашей эры мулаты-египтяне жили в долине Нила ниже Первого катаракта. Негры находились в долине Нила вплоть до Второго катаракта, а между Первым и Вторым катарактами жили негры, в чьи жилы в большей или меньшей степени проникла семитская кровь. Эти смешанные элементы стали предками современных сомалийцев, гала, бишари и беджа и распространили негритянскую кровь в Аравии за Красным морем. Нилотские негры на юге рано стали великими торговцами слоновой костью, золотом, леопардовыми шкурами, камедью, зверями, птицами и рабами, и они открыли систематическую торговлю между Египтом и Великими озерами.

Результатом стали бесконечные перемещения и миграции как в древние, так и в современные дни, что делает историю культуры региона Великих озер очень сложной для понимания. Однако три основных элемента очевидны: во-первых, египетский элемент, связанный с миграцией на север негритянских предков додинастического Египта и южными завоеваниями и торговлей династического Египта; во-вторых, семитское влияние из Аравии и Персии; в-третьих, негритянское влияние из западной и центральной Африки.

Миграция банту - это первое четко выраженное движение современности. Как мы показали, они начали двигаться на юг по меньшей мере за тысячу лет до нашей эры, огибая леса Конго и странствуя вдоль Великих озер и до Замбези. Что они нашли в этих землях?

Мы не знаем наверняка, но из того, что нам известно, можно реконструировать ситуацию следующим образом: примитивная культура хоттентотов Пунта была развита ими и другими более сильными негритянскими племенами, пока не достигла высокоразвитой культуры.

Широко распространенное сельское хозяйство, добыча золота, серебра и драгоценных камней положили начало торговле, которая проникла в Азию и Северную Африку. Возможно, это и было источником золота Офира.

Возникшее таким образом государство со временем стало сильно организованным; оно использовало рабский труд для дробления твердого кварца, рытья котлованов и прокладки подземных галерей; оно провело систему ирригации и построило каменные здания и укрепления. Сегодня в пустыне Калахари и на севере Родезии сохранилось множество остатков этих построек. Пятьсот групп, занимающих площадь в сто пятьдесят тысяч квадратных миль, расположены между реками Лимпопо и Замбези. Горные работы на этих равнинах велись на протяжении многих поколений, и, по одной из оценок, было добыто золота на сумму не менее трехсот семидесяти пяти миллионов долларов. Некоторые считают, что древние разработки, должно быть, датируются одной или даже тремя тысячами лет до христианской эры.

"Есть и другие рудники, - пишет де Баррос в XVII веке,^[30] - в районе, называемом Тороа, который иначе известен как королевство Бутуа, правителем которого является принц по имени Бурроу, вассал Беномотапы. Эта земля находится рядом с другой, которая, как мы говорили, состояла из обширных равнин, и эти руины - самые древние из тех, что известны в том регионе. Все они находятся на равнине, посреди которой стоит квадратная крепость, вся из обтесанных камней внутри и снаружи, хорошо обработанных и удивительных размеров, без извести, показывающей соединения, стены которой имеют толщину более двадцати пяти рук, но высота не так велика по сравнению с толщиной. А над воротами этого сооружения находится надпись, которую некоторые мавританские торговцы, бывшие там, не смогли прочесть и не сказали, что это за надпись. Все эти сооружения жители этой страны называют симбаоэ [Zimbabwe], что у них означает суд, ибо так называется каждое место, где останавливается Беномотапа".

Более поздние исследования показали, что во многих случаях эти здания были тщательно спланированными и построенными укреплениями. В Никерке, например, девять или десять холмов укреплены концентрическими стенами высотой от тридцати до пятидесяти футов, с местом для деревни на вершине. Постройки представляют собой форты, миниатюрные цитадели, а также мастерские и загоны для скота. Здесь были найдены железные орудия и красивая керамика, а рядом с Замбези находятся необычные укрепления. Дальше к югу, в Иньянге, оборона не столь сильна, а в Умтали укреплений нет, что свидетельствует о том, что строители опасались вторжения с севера.

Эти люди работали с золотом, серебром, оловом, медью и бронзой и изготавливали прекрасную керамику. В постройках есть свидетельства религиозного значения, а то, что называют храмом, было королевской резиденцией и служило своего рода акрополем. Окрестные резиденции в долине, очевидно, были заняты богатыми торговцами и не были укреплены. Сюда поступало золото из окрестных районов и обменивалось с торговцами.

Как обычно, предпринимались неоднократные попытки найти внешнее и особенно азиатское происхождение этой культуры. Однако до сих пор археологические исследования подтверждают ее африканское происхождение. Орудия труда, оружие и искусство являются типично африканскими, и нет никакой очевидной связи с внешними источниками. Как далеко назад уходит эта цивилизация, сказать сложно, многое зависит от датировки железного века в Южной Африке. Если он был таким же, как в Средиземноморье, то самая ранняя граница - 1000 лет до н. э.; однако он мог быть гораздо раньше, особенно если, как

кажется вероятным, использование железа зародилось в Африке. С другой стороны, кульминацию этой культуры некоторые относят к современному средневековью.

Что же послужило причиной гибели этой цивилизации? Несомненно, те же набеги варварских воинов, которые известны нам и в наши дни. Например, в 1570 году на страну Мозамбик, расположенную дальше по побережью, обрушилось "такое наводнение язычников, что их невозможно было сосчитать". Они пришли из той части Мономотапы, где находится большое озеро, из которого вытекают эти великие реки. Они не оставили никаких других признаков городов, через которые проходили, кроме груды развалин и костей жителей". Так же рассказывается о приходе зимбасов, "странного народа, никогда прежде не виданного здесь, который, покинув свою страну, прошел большую часть этой Эфиопии, как бич Божий, уничтожая все живое, что попадалось им на пути. Их было двадцать тысяч человек, и они шли без детей и женщин", точно так же, как четыреста лет спустя шли зулусские импи. В 1602 году из внутренних районов страны снова пришла орда людей, которых называли кабирами, или каннибалами. Они вошли в королевство Мономотапа, и правящий король, будучи слабым, был в большом ужасе. Так постепенно Мономотапа пал, и его власть была рассеяна до каффирско-зулусских набегов наших дней.[31]

Арабский писатель Макуди в десятом веке посетил побережье Восточной Африки где-то к северу от экватора. Он обнаружил, что Индийское море в то время часто посещали арабские и персидские суда, но на африканском берегу не было азиатских поселений. Банту, или, как он их называет, дзенджи, населяли страну вплоть до Софалы, где они граничили с бушменами. Эти банту находились под властью правителя с династическим титулом Ваклими. Он был главенствующим над всеми другими племенами севера и мог выставить в поле триста тысяч человек. Они использовали волов в качестве тягловой силы, в стране в изобилии добывалось золото, а шкура пантеры использовалась в основном для изготовления одежды. Слоновая кость продавалась в Азию, а для личных украшений банту использовали железо вместо золота или серебра. Они ездили на своих волах, которые бегали с огромной скоростью, и питались просом, медом и плотью животных.

В глубине страны среди банту позднее возникла линия правителей, называемых Мономотапа, среди одаренных Макаланга. Их государство было очень обширным, простираясь от побережья далеко вглубь страны и от Мозамбика до Лимпопо. Оно было сильно организовано, имело феодальные союзные государства и вело обширную торговлю с помощью торговцев на побережье. Короли были обращены португальцами в номинальное христианство.

Есть свидетельства торговли между Нупе в Западной Африке и Софалой на восточном побережье, и, несомненно, торговля между Азией и Восточной Африкой возникла раньше начала христианской эры. Азиатские торговцы поселились на побережье и с помощью мулатов и негров-купцов привели Центральную Африку в контакт с Аравией, Индией, Китаем и Малайзией.

Приход азиатов был таким: Заида, правнук Али, племянник и зять Мухаммеда, был изгнан из Аравии как еретик. Он перебрался в Африку и основал там временные поселения. Его люди смешались с чернокожими, и получившиеся в результате торговцы-мулаты, известные как Эмоксаиди, похоже, забрели далеко на юг до экватора. Вскоре другие арабские семьи пришли сюда из-за притеснений и основали города Магадошо и Брава, расположенные недалеко к северу от экватора. Первый город стал важным местом, и появились другие поселения. Эмоксаиди, которых поздние переселенцы считали еретиками, были вытеснены вглубь страны и стали торговцами-переводчиками между побережьем и банту. Некоторые

странники из Магадошо пришли в порт Софала и узнали, что там можно добыть золото. Это привело к появлению небольшого арабского поселения в этом месте.

Семьдесят лет спустя, примерно за пятьдесят лет до нормандского завоевания Англии, некоторые персы поселились в Килве в Восточной Африке во главе с Али, которого презирали в его стране за то, что он был сыном черной абиссинской матери-рабыни. Благодаря этому Килва со временем стала важнейшей торговой станцией на восточноафриканском побережье, и в этом и всех подобных поселениях выросло очень большое количество мулатов, так что очень скоро все поселение стало неотличимо по цвету кожи от банту.

В 1330 году Ибн Батута посетил Килву. Он обнаружил большое количество слоновой кости и золота и узнал, что жители Килвы одерживали победы над зенджи или банту. В Килве в то время было триста мечетей, и она была "построена из красивых домов из камня и извести, очень высоких, с окнами, как у христиан; точно так же у нее есть улицы, и эти дома имеют террасы, и деревянная отделка вместе с каменной, с большим количеством садов, в которых много фруктовых деревьев и много воды".^[32] Через некоторое время Килва захватил Софалу, отняв ее у Магадошо. В конце концов Килва стала хозяйкой острова Занзибар, Мозамбика и многих других территорий. Сорок третьего правителя Килвы после Али звали Абрахам, и он правил, когда прибыли португальцы. Последние сообщили, что эти люди выращивают рис и какао, строят корабли и ведут значительную торговлю с Азией. Все люди, независимо от цвета кожи, были магометанами, а более богатые были одеты в роскошные одежды из шелка и бархата. Они торговали с внутренними банту и многочисленными племенами, получая золото, слоновую кость, просо, рис, скот, домашнюю птицу и мед.

На островах азиаты были независимы, но на основных землях к югу от Килвы шейхи управляли только своим народом под властью банту, которым они были вынуждены ежегодно платить большую дань.

В 1497 году Васко да Гама удвоил мыс Доброй Надежды и отправился на север вдоль восточного побережья вплоть до Индии. За следующие десять лет португальцы заняли более шести различных пунктов на этом побережье, включая Софалу.^[33]

Так цивилизация развивалась и угасала в Восточной Африке среди доисторических негров, арабских и персидских мулатов на побережье, в империи негров банту Зенд или Зенг, а позже - под властью банту Момотапа. И таким образом, среди более поздних толп свирепых и воинственных банту древняя культура этой земли в значительной степени погибла. Но кое-что все же уцелело, и в современном государстве, языке и промышленности банту можно найти четкие связи, которые устанавливают существенную идентичность поглощенных народов со строителями Зимбабве.

До сих пор мы прослеживали историю земель, в которые устремился поток вторгшихся на юг банту, и следовали за ними до реки Лимпопо. Теперь мы обратимся к землям к северу от озера Ньясса.

Аборигены-негры в доисторические времена пережили вторжение с северо-востока негроидов, похожих на древних египтян и на современных галласов, масаев и сомалийцев. К этим миграциям добавились нападения нильских негров с севера и захватчиков банту с юга. Это привело к большим различиям между группами населения и в их обычаях. Одни - свирепые горцы, занимающие холмистые плато на высоте шести тысяч футов над уровнем моря; другие, как ва-суахили, - торговцы на побережье. Есть масаи, шоколадного цвета и с

вьющимися волосами, организованные для войны и скотоводства; и негроидные племена, такие как галлас, которые, смешавшись с бантусами, создали расу современной Уганды.

Именно в этом регионе вождь галла Кинту было основано королевство Китвара. В начале девятнадцатого века империя была расчленена, большая часть досталась Уганде. Последующая история Уганды представляет большой интерес. Когда в 1862 году на престол взошел король Мутеса, он обнаружил в своих землях магометанское влияние и был вынужден принять английских протестантов и французских католиков. После этого Уганда превратилась в необычайное поле религиозной битвы между этими тремя конфессиями. Преемник Мутесы, Мванга, в 1885 году убил английского епископа, полагая (как оказалось впоследствии), что предложенная им религия будет использована в качестве прикрытия для завоеваний. В итоге, после открытой войны между религиями, в 1894 году Уганда стала английским протекторатом.

Негры Уганды - умный народ, организовавший сложное феодальное государство. Во главе стоял король, а под его началом двенадцать феодалов. Нынешний король, Дауди Чуа, является младшим внуком Мутесы и правит под властью Англии.

Многие вещи свидетельствуют о связи между Египтом и этой частью Африки. В Уганде и Верхнем Египте находят одинаковые стеклянные бусы, строят похожие каноэ. Арфы и другие инструменты имеют большое сходство. Наконец, бахима, как называют захватчиков галла, поразительно похожи на египтян; в то же время они, несомненно, негры по цвету волос и кожи. Возможно, здесь мы имеем наилучшую расовую картину того, что представляли собой древние египетские и верхне-нильские регионы в додинастические времена и позднее.

Таким образом, в общих чертах была видна миссия Народа - Ла Банту, как они себя называли. Они мигрировали, они селились, они разрушали, они учились, и их, в свою очередь, часто свергали сменяющие друг друга племена их собственного народа. Они правят своим языком и своей властью во всей Африке к югу от экватора, кроме тех мест, куда проникли европейцы. Они никогда не были покорены, хотя торговцы золотом и алмазами пытались развратить их, а капиталисты, промышляющие слоновой костью и каучуком, жестоко обижали их более слабые группы. Это те африканцы, с которыми завтрашний мир должен считаться, так же как вчерашний мир знал их цену.

ССЫЛКИ:

[30] Цитируется по книге "Бент: *Ruined Cities of Mashonaland*, pp. 203 и далее.

[31] Ср. "Восточная Эфиопия" Дж. Дос Сантоса в *Theal's Records of South Africa*, Vol. VII.

[32] Барбоза, цитируется в Keane, II, 482.

[33] Она называлась Софала, от арабского слова, и может быть связана с Офиром Соломона. Так же и река Саби, протекающая немного в стороне от Софалы, может быть связана с именем царицы Савской, чей род, как предполагалось, был увековечен в могущественных момотапах, а также в абиссинцах.

ВОЙНА РАС НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Первобытный человек в Африке обитает во внутренних джунглях и на краю земли в Южной Африке. Пигмеи, живущие в джунглях, представляют собой небольшое наследие прошлого, но это наследие представляет любопытный интерес, оттесненное потоком завоеваний. На волнах завоевания банту также двигались древние абатва или бушмены. Они небольшого роста, желтого цвета, с четкими закрученными волосами. Традиции бушменов гласят, что они пришли на юг из районов Великих озер, и действительно, король и королева Пунта, как их изображали египтяне, были бушменами или готтентотами.

Их племена можно разделить, в соответствии с их заметными художественными талантами, на художников и скульпторов. Скульпторы попали в Южную Африку, двигаясь на юг через более центральные районы страны, пересекая Замбези и спускаясь к Капской провинции. Художники, напротив, пришли через Дамараленд на западном побережье; когда они достигли больших горных районов, они повернули на восток и могут быть прослежены до гор напротив залива Делагоа. Основная их масса осела в нижней части Капского полуострова и в пустыне Калахари. Художники были настоящими пещерными жителями, а скульпторы жили большими общинами на каменистых холмах, которые они отмечали своей резьбой.

Бушмены верили в существование древней расы людей, которые пришли к ним в Южную Африку раньше. Они приписывали этим неизвестным людям магическую силу и говорили, что некоторые из них были переведены как звезды на небо. До того как их группы рассеялись, у бушменов было регулярное правительство. Племена со своими вождями занимали четко очерченные территории и подразделялись на ветви под руководством вспомогательных вождей. Большая пещера олицетворяла достоинство и славу всего племени.

Бушмены жестоко пострадали во время последующих миграций и завоеваний Южной Африки. Они отчаянно сражались в целях самообороны, видели, как их женщин и детей уводили в рабство, а на них самих охотились как на диких зверей. И дикари, и цивилизованные люди присваивали их земли. И все же они были храбрыми людьми. "В этой борьбе за существование их злейшие враги, какого бы оттенка цвета кожи они ни были, были вынуждены безоговорочно признать мужество и смелость, которые они неизменно проявляли".^[34]

Сюда, в отдаленный уголок мира, где, как сказал один из них, они полагали, что единственными существами в мире являются бушмены и львы, пришла целая серия захватчиков. Это была внешняя рябь цивилизации, зародившаяся вдалеке: коренная и внешняя цивилизации Африки с огромным импульсом бились среди эфиопов и египетских мулатов, суданских негров и йорубов и гнали расу банту на юг. Банту все больше и больше теснили первобытных бушменов, и, вероятно, от смешения бушменов и банту произошли готтентоты.

Хоттентоты, или, как они себя называли, кой-коин (люди людей), были физически более сильной расой, чем абатва, и давали много свидетельств вырождения из высокой культуры, особенно в "феноменальном совершенстве" языка, который "настолько высоко развит, как в его богатой фонетической системе, представленной очень тонко градуированной серией гласных и дифтонгов, так и в его разнообразной грамматической структуре, что Лепсиус искал его родство в египетском на другом конце континента".

Когда Южная Африка была впервые открыта, существовало два различных типа хоттентотов. Более дикие хоттентоты были просто крупными, сильными бушменами, использующими оружие, превосходящее бушменское, без домашнего скота или овец. Другие племена, обитавшие ближе к центру Южной Африки, были более симпатичными на вид и разводили египетскую породу скота, на котором ездили верхом.

В целом хоттентоты были желтокожими, с близко закрученными волосами, высокими скулами и немного косыми глазами. Их переселение началось примерно в конце XIV века и было, как обычно бывает в таких случаях, разрозненным, беспорядочным. Традиции хоттентотов указывают на озерную страну Центральной Африки как на место их происхождения, откуда они были изгнаны бечуанскими племенами банту. Они бежали на запад, к океану, а затем повернули на юг и наткнулись на бушменов, которых они лишь частично покорили, когда в 1652 году к ним прибыли голландцы в качестве поселенцев.

Голландские "буры" начали с покупки земель у хоттентотов, а затем, по мере роста их могущества, они лишили темных людей собственности и попытались поработить их. Так вырос многочисленный голландско-хоттентотский класс. Действительно, фильтрация негритянской крови, заметная у современных буров, объясняет много любопытного в истории. Вскоре после прихода голландцев часть хоттентотов, которых насчитывалось не более тридцати или сорока тысяч, возглавляемая кланами Корана, начала медленно отступать на север, следуя за вторгшимися голландцами и сражаясь с ними, друг с другом и с несчастными бушменами. Во второй половине восемнадцатого века хоттентоты достигли великой внутренней равнины и встретились с наступающими аванпостами народов банту.

Бечуана, которых хоттентоты встретили первыми, были самыми развитыми из негритянских племен Центральной Африки. Они пересекли Замбези в XIV или XV веке; их правительство представляло собой нечто вроде феодальной системы с наследственными вождями и вассалами; они были рачительными земледельцами, закладывали большие города с большой регулярностью и были самыми искусными кузнецами. В строительстве они использовали камень, резьбу по дереву, а многие из них были заядлыми торговцами. Эти племена, продвигаясь на юг, заняли восточно-центральную часть Южной Африки, включающую современный Бечуаналенд. По всей видимости, они начали свой путь из центральной озерной страны где-то в конце пятнадцатого века, а к середине восемнадцатого один из их великих вождей, Тао, встретился с приближающимися хоттентотами.

Хоттентоты вынудили Тао отступить, но с юга прибыли мулаты-грикуа и, объединившись с бечуанами, остановили их бегство. Грикуа произошли от старого племени хоттентотов и получили от него свое название. Во главе их стояли Кок и Барендс, и, добавляя другие элементы, они стали, частично благодаря собственным усилиям, а частично - усилиям миссионеров, сообществом довольно цивилизованных людей. На западе Гриккваленда мулаты-грикуа под руководством своих вождей Кока и Ватербоера жили до открытия алмазов.

Таким образом, племена грикуа и бечуана постепенно вытесняли хоттентотов, когда в XIX веке произошли два новых события: во-первых, англичане завладели Капской колонией, и голландцы начали массово продвигаться в глубь страны; во-вторых, появился более новый и свирепый элемент племен банту, зулу-каффиры. Каффиры, или, как они сами себя называют, амазоны, заявили о своем происхождении от Зуиде, великого вождя пятнадцатого века в стране озер. Это одни из самых высоких людей в мире, их средний рост составляет пять футов десять дюймов, они стройны, хорошо сложены и мускулисты. Более воинственные племена обычно одевались в шкуры леопарда или быка. Скот составлял их главное

богатство, разведение скота, охота и борьба были их основными занятиями. В умственном отношении они были людьми тактичными и сообразительными, их национальная религия основывалась на поклонении предкам, а их правительство представляло собой патриархальную монархию, ограниченную аристократией и почти феодальную по своему характеру. По общему праву, выросшему из решений вождей, глава семьи отвечал за поведение ее ветвей, деревня - за всех своих жителей, а клан - за все свои деревни. Наконец, существовал верховный вождь, который был гражданским и военным отцом своего народа. Эти люди опустошили прибрежные районы и в 1779 году вступили в контакт с голландцами. В период с 1779 по 1795 год последовала серия голландско-каффирских войн, в которых голландцам пришлось несладко.

В 1806 году Капская колония окончательно перешла во владение англичан. В то время здесь проживало двадцать пять тысяч буров, двадцать пять тысяч чистокровных и смешанных готтентотов, а также двадцать пять тысяч рабов, привезенных с восточного побережья. В период с 1811 по 1877 год произошло шесть каффирско-английских войн. Одна из них в 1818 году возникла из-за невежественного вмешательства англичан в племенной строй каффинов; затем последовала ужасная война 1834-1835 годов, в результате которой была аннексирована вся страна до реки Кей. Война при Топоре (1846-48 гг.) привела к дальнейшей аннексии страны англичанами.

Военные действия вновь вспыхивали в 1856 и 1863 годах. В первом году, отчаявшись противостоять вторгшейся Англии, появился пророк, который посоветовал поголовно уничтожить все имущество каффинов, кроме оружия, чтобы эта вера вернула им погибших героев. В результате почти треть нации погибла от голода. Новые беды случились в 1877 году, когда конфедерация Ама-Ксоса была окончательно распалась, и сегодня эти племена постепенно переходят от независимости к состоянию мягкого вассалитета перед британцами.

Тем временем более грозная часть зулусов-кафинов объединилась под властью ужасного вождя Чаки. Он организовал военную систему, отнюдь не новую, но такую, о которой ходили слухи еще в озерных краях в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Макдональд говорит: "Вероятно, никогда не существовало более совершенной системы дисциплины, чем та, с помощью которой Чака управлял своей армией и королевством. На смотре приказ мог быть отдан самым неожиданным образом, что означало смерть для сотен людей. Если полк колебался или осмеливался возразить, дисциплина была столь совершенна, а ревность столь велика, что другой был готов их перебить. Воина, вернувшегося из боя без оружия, предавали смерти без суда и следствия. Та же участь постигала и генерала, вернувшегося с неудачей в главной цели своего похода. Тот, кто вызывал недовольство короля, немедленно казнился. Традиционные суды практически перестали существовать, так как воля и действия тирана не зависели от него". С этой армией Чака обрушивался на племя за племенем. Бечуаны бежали перед ним, а некоторые их племена были полностью уничтожены. Хоттентоты сильно пострадали, а одно из соперничающих с ним зулусских племен под командованием Умсиликаци бежало в Матабилиленд, оттеснив бечуанов. К тому времени, когда англичане пришли в Порт-Наталь, Чака правил всем юго-восточным побережьем от реки Лимпопо до Капской колонии, включая Оранжевое и Трансваальское государства и весь Наталь. Чака был убит в 1828 году, а его преемником стал брат Динган, который правил двенадцать лет. Именно во время правления Дингана Англия попыталась отменить рабство в Капской колонии, но не заплатила за рабов, как обещала; результатом стал так называемый "Великий поход" около 1834 года, когда тысячи буров отправились в глубь страны через реки Оранжевая и Ваал.

Динган и эти буры вскоре вступили в смертельную схватку, в которой зулусы были отбиты, а Дингана сменил Панда. При этом вожде в течение шестнадцати лет было что-то похожее на покой, но в 1856 году началась гражданская война между его сыновьями, один из которых, Сетевайо, сменил своего отца в 1882 году. Он вступил в пограничные споры с англичанами, и результатом стало одно из самых ожесточенных столкновений Европы и Африки в наши дни. Зулусы сражались отчаянно, уничтожив за один раз целый отряд и убив молодого принца Наполеона. Но в конце концов это были ассагаи против пулеметов, и зулусы были окончательно разбиты при Улунди, 4 июля 1879 года. После этого Зулулэнд был разделен между тринадцатью полунезависимыми вождями и стал британским протекторатом.



Древние королевства Африки

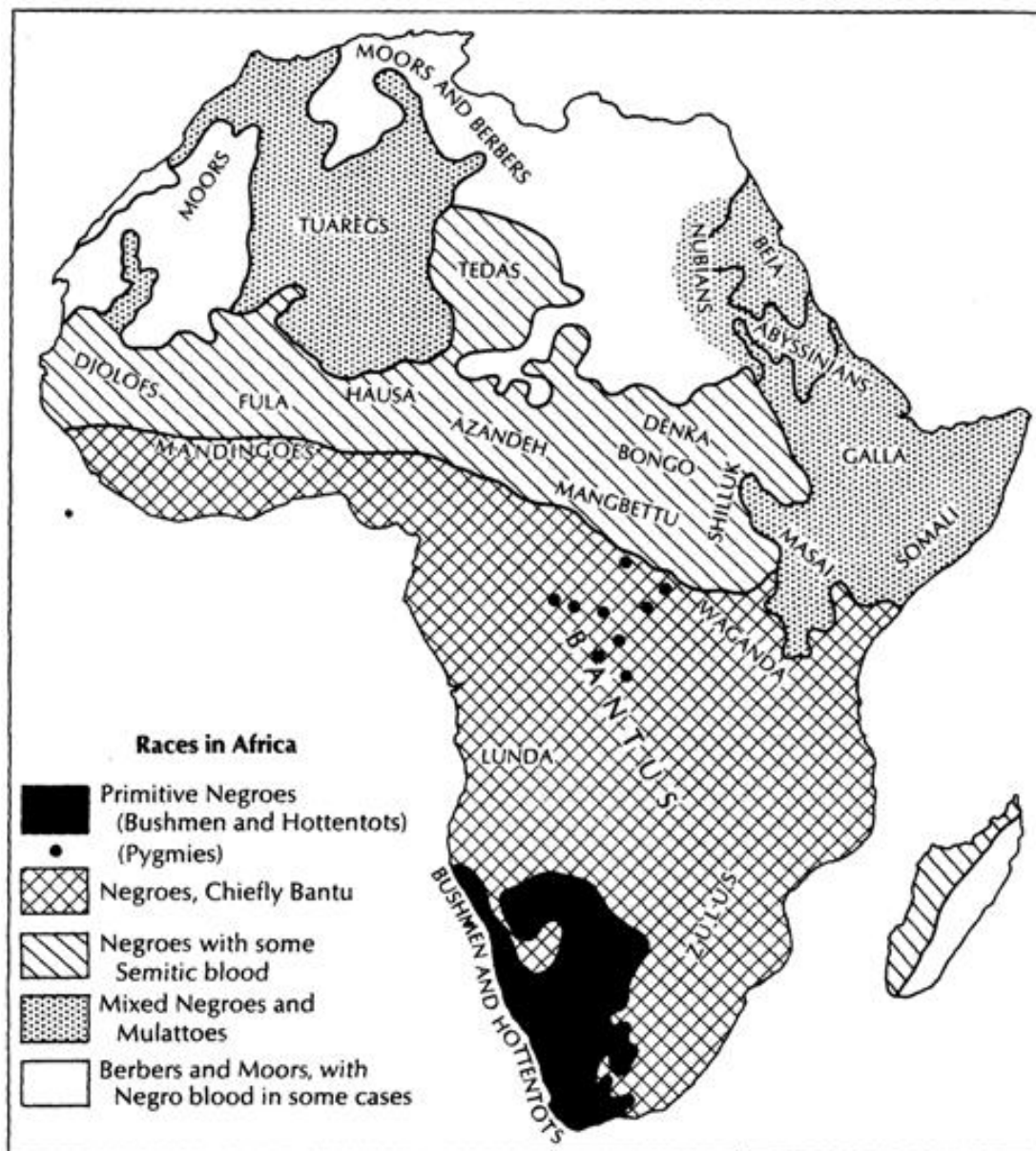
С тех пор лучшие земли постепенно были вновь заняты многочисленными племенами - кафирами с юга и зулусами с севера. Племенная организация, не будучи фактически

разрушенной, была лишена опасных черт путем назначения оплачиваемых старост деревень и превращения наследственного вождя в британского правительственного чиновника. В Натале насчитывается около ста семидесяти племенных вождей, и почти половина из них назначается губернатором.

Умсиликатси, изгнанный в Матабилиленд ужасным Чака в 1828 году и побежденный голландцами в 1837 году, в 1838 году вновь обосновался в Родезии. Здесь он ввел зулусскую военную систему и терроризировал мирное и трудолюбивое население бечуанов. Лобенгула сменил Умсиликаци в 1870 году и, осознав, что его власть ослабевает, начал отступать на север, к Замбези. В 1893 году он был окончательно разбит британскими и туземными войсками, и эти земли были включены в состав Южной Центральной Африки.

В результате всех этих перемещений жители Бечуаналенда были разбиты на многочисленные фрагменты. На юго-западе проживало небольшое количество мулатов-грикуа, на северо-западе - таких же бастардов. Хоттентоты и бушмены были рассеяны по группам и, похоже, обречены на вымирание: последний вождь хоттентотов был свергнут в 1810 году и заменен английским магистратом. Частично цивилизованные хоттентоты все еще живут вместе в своих краалях и являются членами христианских церквей. Бечуаны удерживают свои позиции в нескольких центрах; один из них находится в Басутоленде, к западу от Натала, где под руководством дальновидного Мошеша несколько племен объединились в современную и довольно хорошо цивилизованную нацию. В северной части Бечуаналенда находятся самоуправляемые племена бамангвата и батвана, первым из которых правит Кхама, один из самых грубых современных правителей в Африке.

Тем временем на португальской территории к югу от Замбези возник Газа, современник и соперник Чаки. Его сын, Маникус, был назначен Динганом, преемником Чаки, чтобы изгнать португальцев. Маникусу это не удалось, и, чтобы избежать мести, он переселился на север от Лимпопо. Здесь он основал свой военный крааль в районе, расположенном на высоте тридцать шесть сотен пятьдесят футов над морем и в ста двадцати милях вглубь от Софалы. Отсюда его солдатам почти удалось изгнать португальцев из Восточной Африки. Его сменили сын Умзила и брат Умзила, Гузана (более известный как Гунгуньяна), которые некоторое время осуществляли совместную власть. Гунгуньяна был окончательно свергнут в ноябре 1895 года, взят в плен и перевезен на Азорские острова.



Расы в Африке

К северу от Замбези, на британской территории, главную роль в последнее время играли бечуаны, первые из банту, вернувшиеся на север после южноафриканской миграции. Ливингстон обнаружил там маколо, которые вместе с другими племенами двинулись на север из-за давления голландцев и зулусов внизу и, покорив различные племена в регионе Замбези, создали сильную власть. Это королевство было почти свергнуто восстанием баротсе, и в 1875 году королевство баротсе занимало большую территорию. Сегодня их король, Леваника, прямо или косвенно управляет пятьюдесятью тысячами квадратных миль с населением от одного до двух с половиной миллионов человек. Они находятся под протекторатом Великобритании.

В Юго-Западной Африке широкие перемены вызвали мулаты-хоттентоты, пришедшие с Капской провинции. Они были сильными людьми и смелыми бойцами и вскоре стали доминировать на территории современной немецкой Юго-Западной Африки, где они вели ожесточенные бои с банту ова-херерос. Вооруженные огнестрельным оружием, эти

хоттентоты намаква угрожали португальской Западной Африке, но Германия вмешалась, якобы для защиты миссионеров. Потратив миллионы долларов и тысячи солдат, Германия почти истребила этих храбрецов.

Таким образом, между 1400 и 1900 годами мы имеем великий период миграции вплоть до 1750 года, когда бушмены, хоттентоты, банту и голландцы последовательно появились в Лендс-Энде. Во второй половине XVIII века мы имеем столкновение готтентотов и бечуанов, за которым в XIX веке последовали ужасные войны Чака, кафиров и матабили. Наконец, во второй половине девятнадцатого века мы видим постепенное подчинение каффиов-зулусов и бечуанов под властью англичан и окончательное завоевание голландцами. В результате расовая проблема в Южной Африке оказалась очень запутанной.

К расовой проблеме добавилась огромная проблема современного капитала, пришедшего с открытием золотых и алмазных рудников, так что будущее негритянской расы особым образом связано с развитием событий здесь, на Лендс-Энде, где корабль Летучего Голландца бьется взад-вперед в своих бесконечных поисках.

ССЫЛКИ:

[34] Stowe: Native Races of South Africa, pp. 215-216.

VIII

АФРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Мы проследили историю человечества в Африке по долине Нила, через Эфиопию в Египет; мы видели, как королевства возникали вдоль великой излучины Нигера и боролись с древней культурой в его устье. Мы видели остатки человечества на краю земли, древнюю культуру в Пунте и Зимбабве и следовали за вторгшимися банту на восток, юг и запад до их величайшего центра в обширных джунглях долин Конго.

Теперь мы должны собрать эти нити воедино и спросить, что это были за люди и как далеко и каким образом они продвинулись по пути человеческой культуры.

То, что негритянские народы положили начало цивилизации вдоль Ганга, Евфрата и Нила, кажется доказанным. Ранний Вавилон был основан представителями негроидной расы. В кодексе Хаммурапи, самом древнем из известных, говорится: "Анна и Бел призвали меня, Хаммурапи, возвышенного князя, поклоняющегося богам; чтобы справедливость восторжествовала на земле, чтобы уничтожить нечестивых, чтобы не дать сильным угнетать слабых, чтобы явился, как солнце, над чернокудрой расой, чтобы просветить землю и способствовать благосостоянию народа". В ассирийцах отчетливо прослеживается негроидная раса, а ранний Египет был преимущественно негритянским. Эти самые ранние культуры были грубыми и примитивными, но они представляли собой высшее достижение человечества после десятков тысяч лет непробужденной дикости.

Часто предполагается, что негр физически уступает другим расам и заметно отличается от них; современная наука не дает никаких оснований для такого предположения. Предполагаемая неполноценность не может основываться на цвете кожи, [35] ибо это

"обусловлено совокупным влиянием большого количества факторов окружающей среды, действующих через физиологические процессы", и "какими бы заметными ни были контрасты, не существует соответствующих различий в анатомическом строении".[36] Так же и различия в структуре волос - это вопрос степени, а не вида, и вызваны они теплом, влагой, воздействием и т. п.

В костном скелете нет четко выраженных расовых линий различий. Прогнатизм "представляет слишком много индивидуальных разновидностей, чтобы его можно было принять за отличительный признак расы".[37] Различия в физических размерах не свидетельствуют о том, что негр является более примитивной эволюционной формой. Сравнительная этнология сегодня не дает "никакой поддержки взгляду, который видит в так называемых низших расах человечества переходную стадию от зверя к человеку".[38]

Много говорилось о якобы меньшем мозге негров; но это пока недоказанное предположение, основанное на некритическом измерении менее тысячи негритянских мозгов по сравнению с одиннадцатью тысячами или более европейских мозгов. Даже если будущие измерения докажут, что средний мозг негра легче, подавляющее большинство весов негритянского мозга находится в тех же пределах, что и у белых; и, наконец, "ни размер, ни вес мозга, похоже, не имеют значения" как показатель умственных способностей. Поэтому мы можем сказать вместе с Ратцелем: "Существует только один вид человека. Вариации многочисленны, но не глубоки".[39]

К этому можно добавить слова секретаря Конгресса первых рас: "Таким образом, мы вынуждены заключить, что беспристрастный исследователь будет склонен рассматривать различные важные народы мира как во всех смыслах и целях по существу равные по интеллекту, предприимчивости, морали и телосложению".[40]

Если эти выводы верны, то мы должны ожидать, что в Африке человеческая драма будет разыгрываться так же, как и в других странах, и так оно и было на самом деле. В то же время мы должны ожидать особенностей, вытекающих из физиографии земли - ее климата, количества осадков, пустынь и особой недоступности побережья.

Выделяются три основные зоны обитания: во-первых, степи и пустыни вокруг Сахары на севере и пустыни Калахари на юге; во-вторых, травянистые нагорья, граничащие с Великими озерами и соединяющие эти два региона; в-третьих, леса и реки Центральной и Западной Африки. В пустынях живут кочевники, а в лесных чащах - пигмеи. Пастухи и их скот покрывают степи и нагорья, за исключением тех мест, где им мешает муха цеце. В открытых лесах и на травянистых нагорьях живут земледельцы.

Среди лесных крестьян центром жизни является деревня, в то время как в открытых степях политическая жизнь имеет тенденцию распространяться на более крупные политические единицы. Политической интеграции, однако, мешает легкость внутренней коммуникации, почти такая же, как и трудность достижения внешних миров за пределами континента. Одна только узкая долина Нила представляла собой физические барьеры, достаточно грозные, чтобы сдерживать вторжение варваров с юга, да и то с трудом. В других местах связь была слишком легкой. Некоторое время леса Конго отгораживались от беспокойных людей, но это было лишь временно.

В целом Африка от Сахары до Капской провинции не представляла собой серьезного физического барьера для захватчика, и мы постоянно имеем вихри вторжений, несущихся то на юг, то на север, из внутренних районов к побережью и от побережья вглубь страны, и обрушивающих свою силу на государства, королевства и города. Одни сопротивлялись

поколениями, другие - столетиями, третьи - всего несколько лет. Именно эти внезапные перемены и страх перед ними характеризуют африканскую культуру, особенно в ее политических аспектах, и именно поэтому так трудно проследить это изменчивое прошлое. Тем не менее под всеми изменениями скрывается прочная структура обычаев, религии, промышленности и искусства, которая заслуживает внимания студентов.

Начиная с сельского хозяйства, мы узнаем, что "среди всех больших групп "естественных" рас негры - самые лучшие и самые увлеченные земледельцы. Меньшинство презирует сельское хозяйство и разводит скот; многие совмещают оба занятия. Среди настоящих землепашцев вся жизнь семьи занята сельским хозяйством, и поэтому месяцы по преимуществу называются по тем операциям, которых они требуют. Постоянные вырубки сменяют леса на поля, а землю удобряют пеплом сгоревших зарослей. Посреди полей возвышаются легкие сторожевые башни, с которых сторож отпугивает птиц, поедающих зерно, и других воров. Африканский культурный пейзаж неполноценен без амбаров. Быстрота, с которой в Африке распространяются самые разнообразные формы земледелия, говорит о внимании, которое уделяется этой отрасли экономики. Индустрии, которые можно назвать сельскохозяйственными, такие как приготовление муки из проса и других культур, а также из маниоки, изготовление ферментированных напитков из зерна или производство хлопка, широко известны и активно развиваются".[41]

Бюхер напоминает нам о глубоком впечатлении, которое производит на путешественников внезапный вид ухоженных полей туземцев при выходе из первобытных лесов. "В более густонаселенных частях Африки эти поля часто простираются на многие мили, и усердная забота негритянских женщин сияет в еще более ярком свете, когда мы принимаем во внимание незащищенность жизни, постоянные распри и грабежи, когда никто не знает, сможет ли он в конце концов собрать урожай того, что посеял". Ливингстон дает где-то наглядное описание опустошений, причиняемых охотой на рабов: "Люди лежали убитые, жилища были разрушены; на полях, однако, созревало зерно, и некому было его собрать".[42]

Овцы, козы и куры - домашние животные по всей Африке, и фон Франциус считает Африку родиной домашнего скота, а негра - исконным укротителем. Северо-восточная Африка особенно славится земледелием, скотоводством и культурой фруктов. В восточном Судане и среди больших племен банту, простирающихся от Судана вниз к югу, скот является свидетельством богатства; одно племя, например, имело столько быков, что в каждой деревне было десять или двенадцать тысяч голов. Об этом свидетельствуют Ленц (1884), Буэ-Вильяумез (1848), Геккард (1854), Босман (1805) и Бейкер (1868), а Швайнфурт (1878) рассказывает о больших скотоводческих стоянках с двумя-тремя тысячами голов и о многочисленных земледельческих и скотоводческих племенах. Фон дер Декен (1859-61) описал райский уголок жителей Килиманджаро - бананы, фрукты, бобы и горох, разведение скота с использованием стойлового корма, удобрение полей и ирригация. У негроидных галласов на каждого жителя приходится по семь-восемь голов скота. Ливингстон свидетельствует о том, что бантусы и кафиры занимаются скотоводством. Хулуб (1881) и Чепмен (1868) рассказывают о сельском хозяйстве и выращивании фруктов в Южной Африке. Шатт (1884) обнаружил у племен юго-западного бассейна Конго овец, свиней, коз и крупный рогатый скот. На этой земледельческой и скотоводческой экономической основе возникла организованная промышленность ремесленников, торговцев и производителей.

Хотя пигмеи, все еще живущие в эпоху дерева, не делают железных или каменных орудий, они, похоже, умеют плести корзины из бересты и волокна, а также изготавливать простую экипировку для охоты и рыбалки. Среди бушменов довольно распространено искусство изготовления оружия и работы со шкурами. Хоттентоты еще дальше продвинулись в промышленном искусстве, хорошо разбираясь в изготовлении одежды, оружия и утвари. В выделке шкур и мехов, а также в плетении шнуров и циновок мы находим свидетельства их мастерства. Кроме того, они хорошо обрабатывают железо и медь, используя для этого мехи из овечьих шкур. Ашанты Золотого Берега умеют делать "хлопчатобумажные ткани, переворачивать и глазировать глиняную посуду, ковать железо, изготавливать инструменты и оружие, вышивать ковры и ковровые изделия, оправлять золото и драгоценные камни".^[43] Среди жителей банановой зоны мы находим грубые плетеные корзины, грубую керамику, ткани из травы, и ложки из дерева и слоновой кости. Жители просяной зоны из-за нехватки сельскохозяйственных ресурсов, как правило, занимаются производством. Кузнецы готовят древесный уголь, выплавляют железо и изготавливают многочисленные орудия труда. Среди них - топоры, секиры, мотыги, ножи, гвозди, косы и другие скобяные изделия. Из кожи, выделанной туземцами, делают плащи, обувь, сандалии, щиты, сосуды для воды и масла. Мыло производят в районе Бауцхи, стекло делают, формируют и окрашивают жители Нупеланда, и почти в каждом городе прядут, ткут и окрашивают хлопок. Барт сообщает нам, что ткачество хлопка было известно в Судане уже в одиннадцатом веке. Также широко развито производство деревянной посуды, инструментов, инвентаря и утвари.

Описывая отдельные племена, Бейкер и Фелкин рассказывают о кузнецах с удивительной ловкостью, о козьих шкурах, выделанных лучше, чем это мог бы сделать европейский кожевник, о чашах для питья и бочонках удивительной симметрии, о полах из полированной глины. Швайнфурт говорит: "Наконечники стрел и копий - тончайшей и художественной работы; их щетинистые зазубрины и острия вызывают недоумение, когда понимаешь, как мало инструментов у этих кузнецов". Превосходная резьба по дереву встречается у бонго, овамбо и маколло. Гончарное дело, плетение корзин и тщательное строительство хижин отличают многие племена. Камерон (1877) рассказывает о деревнях, настолько чистых, с такими художественными хижинами, что, если не считать книжных знаний, люди не занимали низшей ступени цивилизации. Мангбетту обрабатывают как железо, так и медь. "Шедевры кузнецов Монбутто [Мангбетту] - прекрасные цепи, которые носят в качестве украшений и которые по совершенству формы и тонкости хорошо сравнимы с нашими лучшими стальными цепями". Шубоц в 1911 году назвал мангбетту "высококультурным народом" в архитектуре и ремесле. Барт обнаружил, что медь, экспортируемая из Центральной Африки, конкурирует с европейской медью в Кано.

Железная промышленность также не ограничивается Суданом. В районе Великих озер и других частях Центральной Африки она широко распространена. Торнтон говорит: "Эта железная промышленность доказывает, что восточноафриканцы отнюдь не стоят на столь низкой ступени культуры, как многие путешественники хотели бы, чтобы мы думали. Нет нужды напоминать, что может сделать народ без обучения и с самыми грубыми инструментами для выполнения такой квалифицированной работы, если его снабдить стальными инструментами". Стрелы, сделанные к востоку от озера Ньянза, были признаны почти такими же хорошими, как лучшее шведское железо в Бирмингеме. Ливингстон уверяет нас, что от Египта до Капской провинции ступка и пестик, длиннорукий топор, мехи из козьей кожи и т.д. имеют одинаковую форму, размер и т.д., что указывает на миграцию на юго-запад. Холуб (1879 г.) на Замбези нашел прекрасные орудия труда из железа и бронзы. В хижинах банту найдены ложки, деревянная посуда, ведра для молока, калабаши, ручные мельницы и топоры.

Каффиры и зулусы на крайнем юге - хорошие кузнецы, а последние, по словам Кранца (1880), плавят медь и олово вместе и тянут из них проволоку. К западу от Великих озер Стэнли (1878) нашел прекрасные образцы кузнечной работы: фигурки из латуни и много работ из меди. Камерон (1878) видел вазы, сделанные у озера Танганьика, которые напомнили ему амфоры из виллы Диомеда в Помпеях. Хорн (1882) хвалит здешние племена за работу с железом и медью. Ливингстон (1871) за одно путешествие прошел мимо тридцати плавилен, а Камерон встретил мехи с клапанами и племена, которые использовали ножи в еде. Он нашел племена, которые никто из европейцев никогда не посещал, которые делали слитки меди в форме креста Святого Андрея, которые распространялись даже на побережье. В южной части бассейна Конго обрабатывают железо и медь, занимаются резьбой по дереву и слоновой кости, а также гончарным делом. В экваториальной Западной Африке Ленц и Дю Шайю (1861 г.) нашли железных рабочих с древесным углем, а также резчиков по кости и слоновой кости. Вблизи мыса Лопес Хьюббе-Шлейден обнаружил племена, изготавливавшие иглы из слоновой кости, инкрустированные черным деревом, а оружие и посуда осака встречаются у многих племен вплоть до Атлантического океана. Уилсон (1856) обнаружил в Западной Африке туземцев, умеющих ремонтировать американские часы.

Негры Золотого Берега делают золотые кольца и цепочки, придавая металлу всевозможные формы. Сойо говорит: "Рельефные работы, которые туземцы Нижней Гвинеи вырезают собственными ножами из слоновой кости и зубов гиппопотама, действительно имеют право называться произведениями искусства, а многие деревянные фигурки фетишей в Этнографическом музее Берлина демонстрируют некоторое понимание пропорций человеческого тела". Великий Бассам Геквард называет "Отечеством кузнецов". Мандинго на северо-западе - замечательные работники по железу, серебру и золоту, о чем нам сообщает Мунго Парк (1800 г.), а на северо-западе Африки есть масса свидетельств о работе с золотом, оловом, ткачестве и крашении. Кайль обнаружил, что негры в Бамбане изготавливают порох (1824-28 гг.), а хауса делают мыло; так же негры в Уганде и других частях делали оружие, увидев европейские модели.

Деятельность негритянских ремесленников и торговцев по изготовлению и обмену железными орудиями была настолько заметна, что все больше археологов сегодня склонны считать негров родоначальниками искусства выплавки железа. Габриэль де Мортилье (1883) объявил негров единственными пользователями железа среди первобытных людей. Некоторые, следовательно, будут утверждать, что негр научился этому у других народов, но Андри заявляет, что негр создал свое собственное "железное царство". Швайнфурт, фон Лушан, Боаз и другие склоняются к мнению, что негры изобрели выплавку железа и передали ее египтянам и современной Европе.

Боаз говорит: "Кажется вероятным, что в то время, когда европеец еще довольствовался грубыми каменными орудиями, африканец изобрел или перенял искусство выплавки железа. Задумайтесь на минуту, что это изобретение означало для прогресса человеческой расы. До тех пор пока молоток, нож, пилу, сверло, лопату и мотыгу приходилось высекать из камня или делать из ракушки или твердой древесины, эффективный промышленный труд был не невозможен, но затруднен. Большой прогресс был достигнут, когда из меди, найденной в больших самородках, стали выковывать инструменты, а затем придавать им форму путем плавления, а также когда появилась бронза; но настоящий прогресс в промышленной жизни начался только после открытия твердого железа. Не исключено, что люди, сделавшие чудесное открытие - восстановление железных руд путем плавки, - были африканскими неграми. Ни древняя Европа, ни древняя Западная Азия, ни древний Китай не знали железа, и все указывает на то, что оно было завезено из Африки. Во времена великих африканских

открытий в конце прошлого века ремесло кузнеца было распространено по всей Африке, с севера на юг и с востока на запад. С помощью простых мехов и костра из древесного угля он измелывал руду, найденную во многих частях континента, и ковал орудия, отличавшиеся большой полезностью и красотой".[44]

Тордей недавно утверждал: "Я чувствую себя убежденным благодаря определенным аргументам, которые, кажется, доказывают мне, что мы обязаны негру за самый краеугольный камень нашей современной цивилизации и что мы обязаны ему открытием железа. То, что железо могло быть случайно открыто в Африке, не вызывает сомнений: так ли это в других частях света, я не берусь сказать. Напомню лишь, что Швайнфурт и Петерик зафиксировали тот факт, что в северной части Восточной Африки плавильные печи работают без искусственного тока воздуха, и, с другой стороны, Штульман и Колманн обнаружили в районе Виктория-Ньянза, что туземцы просто смешивали порошкообразную руду с древесным углем и путем введения воздушных потоков получали металл. Эти простые процессы объясняют, почему железо должно было быть обнаружено в Восточной или Центральной Африке. В черной Африке никогда не находили бронзовых орудий; если бы африканцы получили железо от египтян, бронза предшествовала бы этому металлу и все следы ее не исчезли бы. Черная Африка долгое время была экспортером железа, и даже в двенадцатом веке Идриси фиксирует экспорт в Индию и на Яву.

"Трудно представить, что Египет должен был получать его из Европы, где самая древняя находка (в Халльштадте) не может быть более ранней, чем 800 г. до н.э., или из Азии, где железо известно не ранее 1000 г. до н.э., и где во времена Ашшура Назира Пала оно все еще использовалось одновременно с бронзой, а железные бусы были обнаружены совсем недавно господами Г.А. Уэйнрайтом и Буше Фоксом в додинастической могиле, и где кусок этого металла, возможно, инструмент, был найден в кладке великой пирамиды".[45]

Негр - прирожденный торговец. По словам Ленца, "наши самые ловкие европейские купцы, даже евреи и армяне, могут многому научиться у негров". Мы знаем, что торговля между Центральной Африкой и Египтом была в руках негров на протяжении тысяч лет, и в ранние времена города Судана и Северной Африки богатели за счет негритянской торговли.

Лев Африканский, писавший о Тимбукту в XVI веке, сказал: "Удивительно видеть, какое множество товаров ежедневно привозят сюда и как дороги и роскошны все вещи. Здесь много лавок ремесленников и купцов, особенно тех, кто ткет льняные и суконные ткани".

Задолго до того, как хлопчаткачество стало британской промышленностью, Западная Африка и Судан снабжали хлопчатобумажными тканями большую часть мира. Даже сегодня такие города, как Кука на западном берегу озера Чад и Сокота, являются производственными центрами, где прядут и ткут хлопок, дубят шкуры, делают орудия труда и железные украшения.

"Путешественники, - говорит Бюхер, - часто наблюдали это племенное или местное развитие промышленной техники. "Туземные деревни, - пишет бельгийский наблюдатель из Нижнего Конго, - часто располагаются группами. Их деятельность основана на взаимовыручке, и они в определенной степени дополняют друг друга. У каждой группы есть своя более или менее ярко выраженная специализация. Одна занимается рыболовством; другая производит пальмовое вино; третья посвящает себя торговле и является посредником для остальных, поставляя в общину все продукты извне; другая оставляет за собой работу с железом и медью, изготавливая оружие для войны и охоты, различную утварь и т. д. Однако ни один из них не может выйти за пределы своей специализации, не подвергая себя риску быть повсеместно запрещенным".

На побережье Лоанго Бастиан рассказывает о множестве центров по производству особых изделий отечественной промышленности. "В Лоанго производят циновки и рыболовные корзины, а в Чилунго занимаются резьбой по слоновьим бивням. Так называемые шляпы "мафука" с рельефными узорами производятся в основном в приграничных районах Каконго и Майюме. В Бакунье делают гончарные изделия, которые пользуются большим спросом; в Басанзе - превосходные мечи; в Басунди - особенно красивые орнаментированные медные кольца; на Конго - искусную резьбу по дереву и таблички; в Лоанго - орнаментированную одежду и циновки сложной конструкции; в Майюмбе - одежду из тонко сплетенных циновок; в Каконго - вышитые шапки, а также кувшины из обожженной глины; среди баяков и мантийцев - вещи из плетеной травы".[46]

Студент-негр рассказывает о развитии торговли среди ашанти. "Поощрение торговли было частью государственной системы ашанти. Король раз в сорок дней, по обычаю адаи, распределял между несколькими вождями различные суммы золотой пыли с поручением обратить ее на благое дело. Затем эти вожди отправляли на побережье караваны торговцев, некоторые из которых были их рабами, иногда по две-три сотни человек, чтобы обменять слоновую кость на европейские товары или купить эти товары на золотую пыль, которую король получал из королевских аллювиальных разработок. Вплоть до 1873 года можно было ежедневно наблюдать постоянный поток торговцев из Ашанти, которые направлялись к купцам побережья и обратно, принося купцам Золотого Берега и Великобритании больше определенного богатства и процветания, чем можно ожидать в течение некоторого времени от горнодобывающей промышленности и развития железных дорог вместе взятых. В свое время торговые вожди предоставили бы верный отчет королевским управляющим, получив право оставить себе изрядную долю прибыли. В доме короля тоже были специальные люди, которые непосредственно торговали для него. Важные вожди вели торговлю с побережьем по той же системе, что и король. Таким образом, каждый член государства, начиная с короля, проявлял активный интерес к развитию торговли и поддержанию открытых торговых путей во внутренние районы".[47]

Поощряемая таким образом торговля в различных частях Западной Африки охватывала обширные территории. От Фиш-Ривер до Кука и от Лагоса до Занзибара рынки стали великими центрами торговли, ведущими к цивилизации. Постоянные рынки есть в таких местах, как Уджиджи и Ньянгве, где можно купить и продать все - от глиняной посуды до жен; сюда стекаются от одной до трех тысяч торговцев.

"Как похож этот рынок, со всем его шумом и звуком человеческих голосов, на один из наших собственных рынков! То же соперничество в расхваливании товаров, бурные, резкие движения, выразительные жесты, пытливый, ищущий взгляд, меняющиеся взгляды - то обесценивающий, то торжествующий, то настороженный, то восторженный, то одобрительный". Так говорит Стэнли. Торговые обычаи не везде одинаковы. Если при переговорах с бангалами из Анголы вы не даете им быстро то, что они хотят, они уходят и не возвращаются. Тогда, возможно, они попытаются завладеть желанным предметом с помощью кражи. Иначе обстоит дело с Сонго и Киоко, которые позволяют вам иметь с ними дело обычным способом. Чтобы купить даже небольшую вещь, нужно идти на рынок; люди избегают торговать где-либо еще. Если человек говорит другому: "Продай мне эту курицу" или "этот фрукт", ответ, как правило, будет: "Приходи на рынок". Толпа придает уверенности отдельным людям, а неприкосновенность посетителя рынка, да и самого рынка, выглядит как идея справедливости, освященная долгой практикой. Разве это не напоминает нам древнегерманский "рынок"?"[48]

Обращаясь теперь к семейной и общественной жизни негров, мы видим, как и у всех примитивных народов, полигамию и брак по фактической или симулированной покупке. Из семьи развивается типичная африканская деревенская организация, которая так описывается в Ашанти одним из местных писателей Золотого Берега: "Староста, как следует из его названия, является главой деревенской общины, прихода в поселке или семьи. Его положение очень важно, поскольку ему приходится непосредственно иметь дело с составными элементами общей массы народа.

"Обязанность главы семьи - воспитывать ее членов так, как они должны идти; а под "семьей" следует понимать всех потомков материнского рода, если можно так выразиться. Государство ожидает от него, что он будет воспитывать своих подопечных в знании политических и традиционных вопросов. Его работа - обучать своих подопечных лояльности и послушанию властям предержащим. На него возлагается ответственность за выходки непокорных членов семьи, он должен держать их в рамках и настаивать на соответствии их партии обычаям, законам и традиционным устоям общины. В ранние времена он мог отправить в изгнание путем продажи проблемного родственника, который не соблюдал законы общины.

"Это трудная задача, которую он ставит перед собой, но в этом деле у него есть всемогущие помощники в лице женщин - членов семьи, которые будут либо тетями, либо сестрами, либо кузинами, либо племянницами старосты; и поскольку их интересы во всем совпадают с его интересами, хорошие женщины спонтанно воспитывают своих детей в беспрекословном повиновении старосте, чье правление в семье становится простым и легким делом. Рука, качающая колыбель, правит миром". Какой силой добра в родной государственной системе стали бы матери Золотого Берега и Ашанти, если бы их обучение велось по родному образцу!

"Староста является судьей своей семьи или подопечного. К нему обращаются не только за разрешением домашних склок, но часто он выступает судьей в более серьезных делах, возникающих между одним членом прихода и другим; а если он человек способный и влиятельный, мужчины из других приходов приносят ему свои споры, чтобы он их разрешил. Когда он разрешает споры, ему полагается плата за слушание, которая, однако, не так велика, как в обычном суде короля или вождя.

"Староста, естественно, является важным членом своей компании, а зачастую и ее капитаном. Когда он совмещает две должности - старосты и капитана, - он оказывает обществу очень важную услугу. Ведь во время войны, когда члены прихода не стали бы сердечно служить чужаку, они в любом случае встретят любую опасность под руководством своего сородича. Старосту всегда сменяет его родной брат, двоюродный брат или племянник - линия преемственности, то есть следование обычному закону".^[49]

Мы можем сравнить эту картину с более воинственными банту из Юго-Восточной Африки. Каждое племя жило само по себе в городе с населением от пяти до пятнадцати тысяч человек, окруженном садами проса, бобов и арбузов. За ними бродили их скот, овцы и козы. Их религией был культ предков с жертвоприношениями духам и мертвым, а некоторые племена делали из трупов мумии и одевали их для погребения. Они ткали ткани из хлопка и коры, занимались резьбой по дереву и строили стены из неотесанного камня. У них была постоянная военная организация, а племена имели свои различные тотемы, так что они были известны как Люди Железа, Люди Солнца, Люди Змеи, Сыновья Кукурузных Чистильщиков и т. п. Их система общего права была хорошо продумана, и существовали организованные судебные трибуналы. В сложных случаях искали прецеденты и обращались к знатокам древности. В возрасте пятнадцати или шестнадцати лет мальчиков обрезали и объединяли в

гильдии. Земля принадлежала племени и распределялась между семьями в пользу вождя, а главным богатством племени был скот.

В целом среди африканских кланов идея частной собственности была развита очень слабо и никогда не включала в себя землю. Основная масса видимого богатства принадлежала семье и клану, а не отдельному человеку; только в отношении оружия и украшений признавалась исключительная частная собственность.

Правительство, принадлежащее отцам и вождям, варьировалось в разных племенах от абсолютных деспотий до ограниченных монархий, почти республиканских. Рассматривая Национальную ассамблею басуто в Южной Африке, лорд Брайс недавно написал: "Сходство с первичными собраниями ранних народов Европы достаточно близко, чтобы добавить еще один аргумент к аргументам, дискредитирующим теорию о существовании арийского типа институтов".[50]

Хотя женщин продают в брак по всей Африке, тем не менее их статус далек от рабства. Прежде всего, прослеживание отношений по женской линии, которое в Африке практически повсеместно, дает матери огромное влияние. Родительская привязанность очень сильна, и во всей негритянской Африке мать является самым влиятельным советником, даже при таких тиранах, как Чака или Мутеса.

Ни одна мать не может любить более нежно или быть более глубоко любимой, чем негритянская мать". Робин рассказывает о рабе на Мартинике, который на свои сбережения освободил свою мать, а не себя. "Повсюду в Африке, - пишет Мунго Парк, - я заметил, что нет большего оскорбления для негра, чем оскорбление его матери. Ударь меня, - кричал Мандинго своему врагу, - но не оскорбляй мою мать!" ... Гереро клянутся: "Слезам моей матери!"... У негров Анголы есть поговорка: "Как туман держится на болотах, так держится любовь отца и матери".[51]

Черные королевы часто правили африканскими племенами. Среди ба-лоло, как нам рассказывают, женщины участвуют в общественных собраниях, где обсуждаются все важные вопросы. Система воспитания детей у таких племен, как йоруба, достойна подражания у многих более цивилизованных народов.

С семьей и общественной организацией тесно связана религиозная жизнь негра. Религия Африки - это универсальный анимизм или фетишизм первобытных народов, поднявшийся до политеизма и приблизившийся к монотеизму в основном, но не полностью, в результате христианской и исламской миссий. О фетишизме существует много заблуждений. Это не просто бессмысленная деградация. Это философия жизни. Среди примитивных негров, как напоминает нам мисс Кингсли, не может быть такого разрыва религии с практической жизнью, как это принято в цивилизованных странах. Религия - это жизнь, а фетиш - выражение практического признания доминирующих сил, в которых живет негр. Для него весь мир - это дух. Мисс Кингсли говорит: "Если вы хотите, например, понять положение человека в природе в соответствии с фетишем, то, насколько я знаю, нет более четкого его изложения, чем у Гете в его превосходном "Прометее".[52] Фетиш - это строго логичный способ объяснения мира с точки зрения добрых и злых духов.

"Именно эта способность логически объяснить все, как я полагаю, лежит в основе огромной устойчивости фетиша в Африке и причины многих рецидивов африканцев, обращенных в другие религии; она также объясняет тот факт, что белые люди, живущие в районах, где смерть и опасность - повседневные дела, под мрачным покровом скуки, склонны верить в фетиш, хотя и стыдятся этого. Для африканца, чей разум был пропитан фетишем в ранние и

самые впечатлительные годы, голос фетиша становится почти непреодолимым, когда на него обрушивается несчастье".[53]

Эллис рассказывает о верованиях в духов народа эве, которые считают, что в человеке и во всей природе живет "кра", который бессмертен; что сам человек после смерти может существовать в виде призрака, который часто представляется как вышедший из "кра", теневое продолжение человека. Брайс, говоря о каффирах Южной Африки, отмечает: "Для каффигов, как и для самых диких рас, мир был полон духов - духов рек, гор и лесов. Наиболее важными были призраки мертвых, которые обладали силой вредить или помогать живым, и поэтому их умиляли подношениями в определенные периоды, а также в случаях, когда их помощь была особенно желательна. Этот вид поклонения, который когда-то был наиболее распространен по всему миру и сохранился у греков и итальянцев в самый расцвет древней цивилизации, а также в Китае и Японии в наши дни, был и остается практически религией каффигов".[54]

Однако африканская религия не ограничивается фетишами, а, как и у других народов, тяготеет к политеизму и монотеизму. Среди йоруба, например, Фробениус показывает, что религия и город-государство идут рука об руку.

"Первый опытный взгляд обнаружит здесь тот факт, что этот народ изначально обладал четкой и определенной организацией, настолько упорядоченной и логичной, что мы редко встречаем подобную ей среди всех народов земли. И основная идея происхождения каждого клана - это могущественный Бог; законный порядок, в котором потомки определенного клана объединяются в браке, чтобы основать новые семьи; существенное происхождение каждого новорожденного младенца от основателя его расы и его рассмотрение как частицы Главного Бога; безопасность, с которой новобрачная жена не только может, но и должна служить своему Богу в незнакомом доме."[55]

У йоруба есть легенда об умирающем божестве. "Этот народ... свидетельствует о наличии обобщенной системы; теократической схемы, хорошо продуманной ощутимой организации, воспитанной в ритмически пропорциональной манере".

Мисс Кингсли говорит: "У африканцев есть великий Бог".[56] Миссионер Нассау заявляет: "После более чем сорока лет проживания среди этих племен, свободно владея их языком, зная их обычаи, живя в их хижинах, общаясь с ними в различных отношениях учителя, пастора, друга, хозяина, попутчика и гостя, а также в моей особой должности миссионера, изучая их религиозную мысль (и, таким образом, получая более глубокий вход в арканы их души, чем это было бы предоставлено прохожему исследователю), я могу безоговорочно сказать, что среди всего множества деградировавших людей, с которыми я встречался, я не видел и не слышал ни одного, чья религиозная мысль была бы лишь суеверием.

Стоя на деревенской улице в окружении компании, которую по моей просьбе вежливо созвал их вождь, когда я говорю ему: "Я пришел поговорить с вашим народом", мне не нужно начинать с того, чтобы рассказать им, что Бог есть. Глядя на это пестрое сборище деревенских жителей, - смелого, исхудалого каннибала с его оружием, копьем и кинжалом; ремесленника с грубым клещами в руках или руками, испачканными у старинных мехов в деревенской кузнице; женщины, спешащие от кухонного костра с руками, побелевшими от теста маниока, или все еще хватающие рыбу, покрытую чешуей; и дети, которых проверяют во время игры с крошечным луком и стрелами или пугают с пыльной улицы, когда они гонятся за собакой или козой, - меня еще не спросили: "Кто такой Бог?"[57]

В основе египетской религии лежал "чисто нигритский характер"[58], а в развитой форме жрецы обращались к богам суданских племен и почитали их. В Верхнем Египте, недалеко от границ Эфиопии, на картинах неоднократно изображены черные жрецы, вручающие красным египетским жрецам инструменты и символы жречества. В современном Судане Фробениус выделяет четыре основные религии: первая - поклонение земным предкам, вторая - социальная космогония атлантических рас, третья - религия бори, четвертая - ислам. Религия бори распространяется от Нубии до хауса и от озера Чад в Нигере до йоруба. Это религия владения, и некоторые связывают ее с азиатским влиянием.

Извне пришли два великих религиозных влияния - ислам и христианство. Ислам пришел путем завоеваний, торговли и прозелитизма. В качестве завоевателя он достиг Египта в седьмом веке и к концу четырнадцатого века прочно обосновался в египетском Судане. К концу семнадцатого века он захватил центральный Судан, а в начале девятнадцатого - Сенегамбию и всю долину Нигера вплоть до Гвинейского залива. На востоке ислам появился в качестве торговца в восьмом веке; он распространился в Сомалиленде и захватил Нубию в четырнадцатом веке. Сегодня ислам господствует в Африке к северу от десяти градусов северной широты и силен между пятью и десятью градусами северной широты. На востоке он простирается ниже реки Виктория-Ньянза.

Христианство рано проникло в Африку; действительно, как говорит Моммзен, "именно через Африку христианство стало религией мира". Тертуллиан и Киприан были родом из Карфагена, Арнобий - из Сикка-Венерии, Лактанций и, вероятно, Минуций Феликс, несмотря на свои латинские имена, были уроженцами Африки, и не в меньшей степени Августин. В Африке Церковь нашла своих самых ревностных исповедников веры и самых талантливых защитников".[59]

Однако Африка, о которой здесь идет речь, - это не негритянская земля, а Африка над пустыней, где негритянская кровь была представлена в древней средиземноморской расе и при общении через пустыню. С другой стороны, христианство было рано представлено в долине Нила "святейшим папой и патриархом великого города Александрии и всей земли Египетской, Иерусалима, святого города, Нубии, Абиссинии и Пентаполиса, и всего проповедования святого Марка". В четвертом веке этот патриархат насчитывал сто епископств и включал в себя тысячи чернокожих христиан. Через него Крест предшествовал Полумесяцу в самых отдаленных уголках черной Африки.

Все эти начала были постепенно вытеснены исламом, за исключением коптов в Египте и Абиссинии. Португальцы в XVI веке начали насаждать христианскую религию и некоторое время имели большой успех, как на восточном, так и на западном побережье. В восемнадцатом веке римско-католическая деятельность прекратилась, и за дело взялись протестанты. Сегодня западное побережье усеяно английскими и немецкими миссиями, Южная Африка в значительной степени стала христианской благодаря французскому и английскому влиянию, а регион вокруг Великих озер становится все более христианизированным. В последнее время активизировали свою деятельность римские католики, и прежде всего негры Америки со своими собственными церквями и любопытным "эфиопским" движением.

Переходя к другим духовным аспектам африканской культуры, мы можем говорить о них пока лишь фрагментарно. Грубо говоря, Африку можно разделить на две языковые зоны: к северу от пятого градуса северной широты находится зона разнообразия, в которой насчитывается не менее сотни групп широко различающихся языков; к югу от этой линии есть один

незначительный язык (бушмен-хоттентот), на котором говорят менее пятидесяти тысяч человек, а в других местах преобладает язык банту с его различными диалектами, на котором говорят не менее пятидесяти миллионов. Язык банту, на котором, таким образом, говорят во всей Центральной, Западной и Южной Африке, является агглютинативным языком, в котором особенно часто используются префиксы. Сотни негритянских языков или диалектов на севере страны представляют собой, скорее всего, результат войн и миграций, а также распада древних культурных центров. В Абиссинии и на большом роге Восточной Африки отмечается влияние семитских языков. Несмотря на многочисленные попытки исследователей, до сих пор не удалось доказать азиатское происхождение египетского языка. Как утверждает Серджи, "все говорит в пользу африканского происхождения".[60] Самое блестящее предположение современности связывает воедино египетский язык Северной Африки и языки хоттентотов и бушменов Южной Африки.

Язык был сведен к письменности у египтян и эфиопов и в некоторой степени в других частях Африки. Сохранилось более 100 рукописей эфиопской и эфиопско-арабской литературы, включая версию Библии и исторические хроники. Арабский язык был письменным языком Судана, и негритянская земля подарила нам на этом языке множество хроник и других произведений чернокожих авторов. Величайшее из них, Эпос Судана (Тарих-эс-Судан), заслуживает того, чтобы быть включенным в классику всей литературы. В других частях Африки не было письменности, но, с другой стороны, существовало необычное совершенство устной традиции через бардов и необычайная эффективность телеграфии с помощью барабана и рога.

Фольклор и пословицы африканских племен чрезвычайно богаты. Некоторые из них стали известны английским писателям благодаря работе "Дядюшки Римуса". Другие были собраны Джонстоном, Эллисом и Теалом.

Чернокожий бард наших дней описал наступление матабили в поэзии необычайной силы и красоты:

Они видели, как облака поднимались с равнин:

Это был дым горящих городов.

Смятение вихря

В сердце великого вождя голубого скота.

Поднялся крик,

"Они друзья!"

Но они снова закричали,

"Они враги!"

Пока их приближение не возвестило о том, что они - матабили.

Мужчины схватились за оружие,

и бросились в погоню за антилопой.

Их натиск был подобен голосу молнии,

А их копья - как дрожание леса в осеннюю бурю.[61]

Не может быть никаких сомнений в том, что негр глубоко и тонко чувствует красоту формы, цвета и звука. Сойо говорит об африканской промышленности: "Тот, кто отрицает у них независимую изобретательность и индивидуальный вкус в их работе, либо намеренно закрывает глаза перед совершенно очевидными фактами, либо недостаток знаний делает его некомпетентным судьей".[62] М. Руто недавно рассказал нам о том, как негритянская раса принесла искусство и скульптуру в доисторическую Европу. Кости европейских

негроидов почти без исключения встречаются вместе с рисунками и скульптурами в высоком и низком рельефе; некоторые из их скульптур, например "Венера" Веллендорфа, необычайно хорошо отделаны для первобытного человека. Живопись и резьба бушменов и их предшественников в Южной Африке также вызывают восхищение студентов. Негры были плодовиты в изобретении музыкальных инструментов и подарили западному миру новую и оригинальную музыку.

Швайнфурт, сохранивший для нас большую часть промышленного искусства негров, говорит о том, что они с удовольствием создают произведения искусства для украшения и удобства жизни. Фробениус выразил свое удивление оригинальностью африканцев в храме йоруба, который он посетил. "Возвышенная веранда была отделена от прохода причудливо вырезанными и раскрашенными колоннами. На колоннах были изображены рыцари, мужчины, взбирающиеся на деревья, женщины, боги и мифические существа. В темной камере, лежащей за проходом, виднелась великолепная красная комната с каменными топориками, деревянными фигурками, бусами и кувшинами. Вся картина, колонны, вырезанные в цветах перед цветным алтарем, старик, сидящий в кругу почитающих его людей, открытые подмости из девяноста стропил, производили великолепное впечатление".[63]

Немцы обнаружили в Камаруне города, построенные, кастеллированные и укрепленные таким образом, что они напоминают доисторические города Крита. Здания и укрепления Зимбабве уже были описаны, и кое-что было сказано об искусстве Бенина с его латунью, бронзой и слоновой костью. Все работы Бенина из бронзы и латуни выполнялись методом литья, причем настолько сложными методами, что современному европейскому мастеру было бы нелегко их имитировать.

Возможно, ни одна раса не проявила в своем раннем развитии более величественный художественный импульс, чем негры, и студент не должен забывать, как далеко негритянский гений вошел в искусство в долине Нила от Мероэ и Непата до великих храмов Египта.

Недавно Фробениус обратил внимание всего мира на искусство Западной Африки. Кварц и гранит он нашел обработанными с большим мастерством. Но более величественным, чем каменные монументы, является доказательство того, что в какую-то отдаленную эпоху в Йорубаленде изготавливали и лепили стекло и что здешние жители были блестящими в изготовлении терракотовых изображений. Огромная масса горшков, кусков стекла, куч шлака и т. д. "доказывает, что в прошлом в этой местности процветала стекольная промышленность". Совершенно очевидно, что стеклянные бусы, которые, как выяснилось, были так распространены в Африке, не только не импортировались, но и производились в огромных количествах на родине".

Терракотовые изделия являются "остатками другого древнего и прекрасного вида искусства" и "красноречиво говорят о симметрии, жизненной силе, изысканности форм и практически напоминают о древних греках". Античную бронзовую голову Фробениус описывает как "голову изумительной красоты, великолепно отлитую" и "почти равную по красоте и, во всяком случае, не менее благородную по форме, и столь же древнюю, как терракотовые головы".[64]

В парке памятников Фробениус увидел знаменитые кузницу и молот: огромную массу железа, напоминающую по форме падающую каплю, и глыбу кварца, выточенную в виде барабана. Фробениус считает, что это реликвии, относящиеся к прошлым эпохам культуры, когда

манипуляции с кварцем и гранитом были хорошо изучены, а работа с железом свидетельствовала о мастерстве, не встречающемся в наши дни.

Даже когда мы рассматриваем такие отвратительные пережитки дикости, как каннибализм, мы не можем делать слишком поспешных выводов. Каннибализм распространен во многих частях негритянской Африки, однако сами племена, практикующие каннибализм, часто демонстрируют другие черты промышленности и силы. "Эти каннибалы Бассонга, судя по типам, с которыми мы встречались, были одним из тех редких народов африканских глубин, которые можно отнести к наиболее эстетичным и искусным, наиболее сдержанным и умным из всех тех, которые обычно известны нам как так называемые естественные расы. До арабского и европейского вторжения они жили не в "деревушках", а в городах с двадцатью или тридцатью тысячами жителей, в городах, чьи дороги были затенены аллеями великолепных пальм, посаженных через регулярные интервалы и выстроенных с симметрией колоннад. Их гончарные изделия могли бы послужить хорошим подспорьем для любого европейского ремесленника. Их железное оружие было настолько совершенным, что никакое зарубежное промышленное искусство не смогло бы превзойти его мастерство. Железные клинки были искусно украшены дамасской медью, а рукояти художественно инкрустированы тем же металлом. Кроме того, они были самыми трудолюбивыми и способными земледельцами, чья тщательная обработка пригородных земель делала их способными соперниками любого садовода в Европе. Их сексуальные и родительские отношения свидетельствовали о такте и деликатности чувств, непревзойденных среди нас, как в деревенской простоте, так и в городской утонченности. Изначально их политическая и муниципальная система была организована по типу представительной республики. Правда, известно, что эти хорошо управляемые города часто вели междоусобные войны, но, несмотря на это, с незапамятных времен, даже во времена междоусобиц, у них был неизменный обычай держать торговые пути открытыми и позволять своим и чужим купцам идти своим путем невредимыми. Торговля этих народов текла и текла по дороге неизвестного возраста, пролежавшей от Итимбири до Батубенге, протяженностью около шестисот миль. Эта дорога была разрушена "миссионерами цивилизации" из Аравии только к концу восемнадцатого века. Но даже в мое время еще были кузнецы, которые знали названия мест вдоль этого удивительного торгового пути, проложенного через сердце "непроходимых лесов Конго". Ведь по нему перевозили каждый клочок импортного железа".[65]

По своему нраву негр - один из самых симпатичных людей. Практически все великие путешественники, проводшие в Африке сколько-нибудь значительное время, свидетельствуют об этом и отдают должное той доброте, с которой их принимали. Достаточно вспомнить классическую историю Мунго Парка, сильные высказывания Ливингстона, слова Стэнли и сотни других, чтобы понять это.

Церемония и вежливость характеризуют жизнь негров. Ливингстон снова и снова напоминает нам об "истинном африканском достоинстве". "Когда иллифийские мужчины или женщины приветствуют друг друга, будь то простым и легким реверансом (который здесь является самой простой формой), или преклоняют колени, или бросаются на землю, или целуют пыль лбом, неважно, что именно, все равно в манере приветствия есть продуманность, величие, достоинство, преданная серьезность, которая высвечивает в каждом жесте, в каждой складке одежды глубокое значение и существенный смысл каждого отдельного действия. Каждый может, не слишком напрягая свое внимание, заметить поразительную точность и весомость, с которой высшие и низшие классы туземцев соблюдают эти тонкости общения".[66]

Все это не означает, что африканский негр не является человеком со всеми известными человеческими недостатками. Примитивная жизнь среди них, в конце концов, такая же голая и жестокая, как у первобытных немцев или китайцев, но не более того, и чем больше мы изучаем негра, тем больше понимаем, что имеем дело с нормальным человеческим организмом, который в разумных условиях развивался и будет развиваться так же, как и другие люди. Почему же так много дезинформации и пренебрежения распространено в отношении Африки и ее народа, причем не только среди неразумной массы, но и среди людей образованных и знающих?

Одна из причин, несомненно, кроется в коннотации термина "негр". В Северной Америке негр может быть на семь восьмых белым, поскольку этот термин относится к любому человеку негритянского происхождения. Если мы используем этот термин в том же смысле по отношению к жителям остального мира, мы можем правдиво сказать, что негры были среди лидеров цивилизации во все века мировой истории от древнего Вавилона до современной Америки; что они внесли замечательные дары в искусство, промышленность, политическую организацию и религию, и что они делают то же самое сегодня во всех частях света.

В резком контрасте с этим употреблением термин "негр" в Африке все больше и больше ограничивался, пока некоторые ученые в конце прошлого века не заявили, что огромная масса черных и коричневых людей Африки вовсе не негры, и что "настоящий" негр обитает на небольшом пространстве между Нигером и Сенегалом. Ратцель говорит: "Если мы спросим, что оправдывает столь узкое ограничение, то обнаружим, что отвратительный негритянский тип, который фантазия наблюдателей когда-то видела по всей Африке, но который, как говорит Ливингстон, на самом деле можно увидеть только как вывеску перед табачными лавками, при ближайшем рассмотрении испарился из всех частей Африки, чтобы поселиться неизвестно как только в этом регионе. Если мы понимаем, что за подлинную и чистую форму был принят крайний случай, то даже в этом случае мы не понимаем, чем обусловлено его географическое ограничение и местонахождение; ведь везде, где обитают темноволосые мужчины, появляется и этот уродливый тип. Здесь мы имеем дело с утонченностью науки, которая для непредвзятого взгляда вряд ли окажется убедительной".[67]

В этом ограниченном смысле у негра нет ни истории, ни культуры, ни способностей, по той простой причине, что такие человеческие существа, у которых есть история, культура и способности, не являются неграми! Между этими двумя крайними определениями с бессознательной ловкостью были сделаны самые необычные и противоречивые выводы.

Поэтому позвольте раз и навсегда заявить, что расовая неполноценность не является причиной антинегритянских предрассудков. Боаз, антрополог, говорит: "Непредвзятая оценка антропологических данных, представленных до сих пор, не позволяет нам согласиться с верой в расовую неполноценность, которая не позволяет представителям негритянской расы принимать участие в современной цивилизации. Мы не знаем ни одного требования, предъявляемого к человеческому телу или разуму в современной жизни, которое, как показали бы анатомические или этнологические данные, было бы не под силу негру".[68]

"У нас есть все основания полагать, что все расы способны под надлежащим руководством вписаться в сложную схему нашей современной цивилизации, и политика искусственного исключения их из ее благ столь же неоправданна с научной точки зрения, сколь и

отвратительна с этической".[69] Что же представляет собой это так называемое "инстинктивное" современное предубеждение против чернокожих?

Лорд Брайс говорит о смешении черных и белых в Южной Америке: "Легкость, с которой испанцы смешивались путем брака с индейскими племенами, а португальцы делали то же самое не только с индейцами, но и с более физически непохожими неграми, показывает, что расовое отвращение не является таким постоянным и неизменным фактором в человеческих делах, как склонны считать представители тевтонских народов. Вместо того чтобы быть, как мы, тевтоны, полагаем, правилом в этом вопросе, мы скорее являемся исключением, поскольку в древнем мире, похоже, расовое отвращение было незначительным".

Почти в каждом веке и в каждой стране выделялись люди негритянского происхождения. В литературе это Теренций в Риме, Носсейб и Антар в Аравии, Эс-Са'ди в Судане, Пушкин в России, Дюма во Франции, Аль Канеми в Испании, Хередиа в Вест-Индии и Данбар в Соединенных Штатах, не говоря уже о предполагаемой негритянской составляющей в Эзопе и Роберте Браунинге. Как правители и воины мы помним таких негров, как царица Нефертари и Аменхотеп III, а также многих других в Египте; Кандас и Эргаменис в Эфиопии; Манса Муса, Сонни Али и Мухаммед Аскай в Судане; Диас в Бразилии, Туссен Л'Овертур в Хаити, Ганнивалов в России, Сакануэ Тамурамаро в Японии, старший Дюма во Франции, Казембе и Чака среди банту, Менелик в Абиссинии; многочисленные черные лидеры Индии и мулаты Александра Гамильтона. В музыке и искусстве мы вспоминаем Бриджуотера, друга Бетховена, и необъяснимый цвет лица отца самого Бетховена; Кольриджа-Тейлора в Англии, Таннера в Америке, Гомеса в Испании; Айру Олдриджа, актера, и Джонсона, Кука и Берли, которые создают новую американскую синкопированную музыку. В церкви мы знаем, что негритянская кровь текла в жилах многих африканских католических отцов, если не некоторых римских пап; а в наше время были Бенуа из Палермо, Святой Бенедикт, епископ Кроутер, Махди, изгнавший Англию из Судана, и такие американцы, как Аллен, Лот Кери и Александр Краммелл. В области науки, открытий и изобретений негры называют Лизлет Жоффруа из Французской академии, Латино и Амо, хорошо известных в европейских университетских кругах; а в Америке - исследователей Дорантеса и Хенсона; Баннекера, составителя альманаха; Вуда, усовершенствовавшего телефон; Маккоя, изобретателя современной смазки; Матселигера, совершившего революцию в сапожном деле. Это имена, представляющие все степени гениальности и таланта - от посредственных до самых высоких, но они являются убедительным человеческим свидетельством способностей этой расы.

Поэтому мы должны искать истоки современных цветовых предрассудков не в физических или культурных причинах, а в исторических фактах. И мы найдем ответ в современном негритянском рабстве и работорговле.

ССЫЛКИ:

[35] "Некоторые авторы пишут, что эфиопы красят дьявола в белый цвет, презирая наш цвет лица" - Людольф: *History of Ethiopia*, p. 72.

[36] Рипли: *Races of Europe*, pp. 58, 62.

[37] Денникер: *Races of Men*, p. 63.

[38] Г. Фино: *Расовые предрассудки*. F. Herz: *Moderne Rassentheorien*.

[39] Ратцель: цитируется в Spiller: *Inter-Racial Problems*, p. 31.

- [40] Spiller: *Inter-Racial Problems*, p. 35.
- [41] Ратцель: *История человечества*, II, 380 и далее.
- [42] *Индустриальная эволюция*, с. 47.
- [43] Эти и другие ссылки в данной главе взяты из Schneider: *Culturfähigkeit des Negers*.
- [44] Листовка Атлантического университета, № 19.
- [45] *Journal of the Royal Anthropological Institute*, XLIII, 414, 415. Ср. также *The Crisis*, Vol. IX, p. 234.
- [46] Bücher: *Industrial Revolution* (tr. by Wickett), pp. 57-58.
- [47] Хейфорд: *Native Institutions*, pp. 95-96.
- [48] Ratzel, II, 376.
- [49] Хейфорд: *Native Institutions*, pp. 76 ff.
- [50] *Impressions of South Africa*, 3d ed., p. 352.
- [51] Уильям Шнайдер.
- [52] *Западноафриканские исследования*, гл. V.
- [53] *Op. cit.*
- [54] *Впечатления о Южной Африке*.
- [55] Фробениус: *Голос Африки*, том I.
- [56] *West African Studies*, p. 107.
- [57] Нассай: *Fetishism in West Africa*, p. 36.
- [58] *Encyclopædia Britannica*, 9th ed., XX, 362.
- [59] *The African Provinces*, II, 345.
- [60] *Средиземноморская раса*, с. 10.
- [61] Stowe: *Native Races*, etc., pp. 553-554.
- [62] Цитируется в Schneider.
- [63] Фробениус: *Голос Африки*, т. I, гл. XIV.
- [64] Фробениус: *Голос Африки*, том I.
- [65] Фробениус: *Голос Африки*, I, 14-15.
- [66] Фробениус: *Голос Африки*, I, 272.
- [67] Ратцель: *История человечества*, II, 313.
- [68] Публикации Атлантического университета, № 11.
- [69] Роберт Лоуи в "*Нью ревью*", сентябрь, 1914.

IX

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Цвет кожи никогда не был отличительным признаком рабства ни в древнем, ни в средневековом мире, не является он таковым и в современном мире за пределами христианских государств. Гомер поет о чернокожем человеке, "преподобном вестнике".

С лицом торжественным, печальным, но соболиного оттенка,
Короткие шерстяные кудри украшали его склоненную голову...
Эврибиат, в чьей большой душе один,
Улисс увидел свой собственный образ.

Греция и Рим получали своих главных рабов из Европы и Азии. Египет порабощал расы всех цветов кожи, и если среди ее рабов было больше черных, чем других, то среди ее вельмож и фараонов также было больше черных, и оба факта объясняются ее расовым происхождением и географическим положением. Падение Рима привело к прекращению работорговли, но после долгого перерыва началась торговля белыми рабами сарацинами и маврами и, наконец, современная торговля неграми.

Рабство в том виде, в каком оно повсеместно существует у первобытных людей, - это система, при которой пленных во время войны заставляют работать по дому и в поле, освобождая таким образом воинов для систематической борьбы, а женщин - для отдыха. Такое рабство было характерно для всех народов и широко распространено в Африке. Относительное количество африканских рабов в таких условиях было невелико, а труд не тяжел; они были членами семьи и могли занять высокое положение в племени.

Если вспомнить, что в пятнадцатом веке между цивилизацией Негроландии и Европы не было большой разницы, то в чем же заключалась разительная разница в последующем развитии? Европейская цивилизация, отгороженная физическими барьерами от дальнейшего вторжения варварских рас, все больше и больше оседала на систематическом производстве и господстве одной религии; африканской культуре и промышленности угрожали могущественные варвары с запада и центра континента и мавры на севере, а ислам лишь частично обратил в свою веру ведущие народы.

Поэтому, когда в Америке возникла потребность в рабочих руках, вывоз европейцев был ограничен религиозными узами и экономической стабильностью. Африканский экспорт поощрялся не только христианским отношением к язычникам, но и мусульманской враждой к необращенным неграм. Таким образом, две великие современные религии были согласны, по крайней мере, в политике порабощения язычников-негров, а свержение маврами черной Аскии при Тенкадибу привело к экономическому хаосу среди развитых негритянских народов и движению среди более варварских племен, что оказалось очень полезным для развития систематической торговли людьми.

Современная работорговля началась с магометанских завоеваний в Африке, когда языческих негров захватывали для обеспечения гаремов, а также в качестве солдат и слуг. Их покупали у хозяев и захватывали на войне, пока растущее богатство и роскошь завоевателей не потребовали большего количества. Тогда негры из Египетского Судана,

Абиссинии и Занзибара стали в большом количестве переходить в Аравию, Персию и Индию. По мере роста могущества негритянских королевств и племен работорговля становилась для них выгодной и естественной, ведь набеги, в ходе которых захватывались рабы, были обычными межплеменными войнами. Только в XVIII и XIX веках спрос на рабов в христианских странах сделал рабов объектом, а не инцидентом африканских войн.

В магометанских странах рабство было отблеском надежды. В вымысле и на самом деле у чернокожего раба был шанс. Приняв ислам, он становился лучшим братом, а братство по вере не было пустой ложью, которой его наделили христианские рабовладельцы. В Аравии чернокожие лидеры возникали подобно Антару; в Индии чернокожие рабы вырезали княжества, где их потомки правят до сих пор.

Некоторое количество негритянских рабов было завезено в Европу испанцами в XIV веке, а небольшую торговлю продолжили португальцы, отвоевавшие в начале XV века территории у "тауни" - мавров Северной Африки. Позже, после тяжелого поражения при Аль-Каср-Аль-Кабу, португальцы стали пробираться к западному побережью в поисках торговли. В 1441 году они достигли Золотой реки, и их предводитель рассказал, что захватил несколько свободных мавров и на следующий год обменял их на десять черных рабов, шкуру, страусиные яйца и немного золотой пыли. Торговля была легко оправдана тем, что мавры были магометанами и отказывались принимать христианство, а языческие негры были бы лучшими объектами для обращения и более сильными работниками. В последующие несколько лет небольшое количество негров продолжали ввозить в Испанию и Португалию в качестве слуг. Например, в 1474 году мы видим, что рабы-негры были обычным явлением в Севилье. Существует письмо Фердинанда и Изабеллы от 1474 года к знаменитому негру Хуану де Вальядолиду, которого обычно называют "негритянским графом" (El Conde Negro), с просьбой назначить его на должность "мэра негров" в Севилье. К рабам, очевидно, относились доброжелательно, им разрешалось устраивать свои танцы и праздники, иметь собственного вождя, который представлял их в судах против их же хозяев и улаживал их частные ссоры.

В период с 1455 по 1492 год о рабах в торговле с Африкой почти ничего не говорится. Говорят, что Колумб предложил негров для Америки, но Фердинанд и Изабелла отказались. Тем не менее, к 1501 году мы имеем первое случайное упоминание о неграх, отправляющихся в Америку, в декларации о том, что рабам-неграм, "рожденным во власти христиан, должно быть позволено проехать в Индию, а офицеры королевских доходов должны получить деньги, которые будут уплачены за их разрешение".

Около 1501 года Овандо, губернатор Испанской Америки, возражал против негритянских рабов и "просил не посылать негров на Испаньолу, поскольку они бегут среди индейцев, учат их дурным обычаям и никогда не могут быть пойманы". Тем не менее в письме короля к Овандо, датированном пятнадцатым сентября 1505 года в Сеговии, говорится: "Я пришлю больше негров-рабов, как вы просите; думаю, их может быть сто. Каждый раз с ними будет отправляться надежный человек, который может иметь некоторую долю в золоте, которое они могут собрать, и может пообещать им облегчение, если они будут хорошо работать".^[70] Есть сведения о том, что в этом же году было отправлено сто рабов, а Диего Колумб получил уведомление о пятидесяти, которые должны были быть отправлены из Севильи на рудники в 1510 году.

После этого времени частые уведомления показывают, что негры были обычным явлением в новом мире.^[71] Например, когда Писарро был убит в Перу, его тело тащили к собору два негра. После битвы при Анакито голову вице-короля отрубил негр, а во время сильного

землетрясения в Гватемале самой примечательной фигурой был гигантский негр, которого видели в разных частях города. Нуньес взял с собой тридцать негров на вершину Сьерры, и ходили слухи о существовании в Южной Америке племени негров-аборигенов. Одним из последних действий короля Фердинанда был призыв не отправлять больше негров в Вест-Индию, но при Карле V епископ Лас Касас разработал план содействия переселению в Америку и в 1517 году попросил для переселенцев право ввозить двенадцать негров-рабов, в обмен на которых должны были быть освобождены индейцы.

Лас Касас, писавший в преклонном возрасте, признает свою ошибку: "Этот совет о том, что следует разрешить ввоз негров-рабов в эти земли, клириго Касас дал впервые, не учитывая несправедливости, с которой португальцы захватывают их и делают рабами; этот совет, после того как он понял суть дела, он не дал бы за все, что у него было в мире. Ибо он всегда считал, что их сделали рабами несправедливо и тиранически, по той же причине, что и индейцев[72]."

Как только этот план был предложен, савойец Лоренс де Гомено, губернатор Брезы, получил монополию на эту предполагаемую торговлю и проницательно продал ее генуэзцам за двадцать пять тысяч дукатов. Другие монополии были предоставлены в 1523, 1527 и 1528 годах[73]. Таким образом, американская торговля утвердилась и постепенно развивалась, переходя последовательно в руки португальцев, голландцев, французов и англичан.

Поначалу торговля была такого же рода и объема, как и та, что уже шла на север по пустынным маршрутам. Вскоре, однако, развилась американская торговля. Сильный, бесконтрольный спрос на грубую рабочую силу в Вест-Индии и на американском континенте рос, пока не достиг кульминации в XVIII веке, когда негры-рабы пересекали Атлантику со скоростью от пятидесяти до ста тысяч в год. Это привело к тому, что набеги на рабов приняли масштабный характер и охватили все районы Африки - западное побережье, западный и египетский Судан, долину Конго, Абиссинию, озерные области, восточное побережье и Мадагаскар. В набегах участвовали не только деградировавшие и слабые типы негров, но и сильные банту, мандинго и сонгай, нубийские и нильские негры, фула и даже азиатские малайцы.

Таким образом, в наши дни началось новое рабство и работорговля. Оно отличалось от прежнего тем, что со временем все больше основывалось на расовых кастах, а эти касты стали фундаментом новой промышленной системы. В течение четырехсот лет, с 1450 по 1850 год, европейская цивилизация вела систематическую торговлю людьми в таких огромных масштабах, что ее физические, экономические и моральные последствия до сих пор отчетливо видны во всем мире. К этому следует добавить масштабную работорговлю в мусульманских землях, которая началась в седьмом веке и почти бесконтрольно бушевала до конца девятнадцатого столетия.

Это были не дни упадка, а период, подаривший миру Шекспира, Мартина Лютера и Рафаэля, Харун-аль-Рашида и Авраама Линкольна. Это был день наибольшего распространения двух самых претенциозных мировых религий и зарождения современной организации промышленности. На фоне этого прогресса и подъема работорговля и рабство принесли больше человеческих страданий, привили больше неуважения и пренебрежения к человечеству, больше бездушия к страданиям и больше мелкой, жестокой, человеческой ненависти, чем можно подсчитать. Мы можем оправдывать и смягчать это явление, писать историю так, чтобы люди забыли о нем, но оно остается самым непростительным и отвратительным пятном на современной истории человечества.

Португальцы построили первый форт для работорговли в Эльмине, на Золотом побережье, в 1482 году и распространили свою торговлю по западному и восточному побережьям. При них отвратительная торговля становилась все шире и шире, пока не превратилась в самую важную в денежном выражении из всех видов торговли в бассейне Замбези. Ни сельское хозяйство, ни горнодобывающая промышленность, ни какой-либо другой прогресс не могли развиваться там, где этот промысел был так широко распространен .[74]

Однако именно голландцы положили начало заморской работорговле как регулярному явлению. Они начали борьбу за свободу от Испании в 1579 году; в 1595 году в качестве военной меры против Испании, которая в то время доминировала над Португалией, они совершили свое первое путешествие в Гвинею. К 1621 году они захватили различные невольничьи крепости Португалии на западном побережье и открыли шестнадцать крепостей вдоль побережья Гвинейского залива. Корабли отправлялись из Голландии в Африку, получали рабов в обмен на свои товары, везли рабов в Вест-Индию или Бразилию и возвращались домой, нагруженные сахаром. В 1621 году все частные компании, торговавшие на западе, были объединены в Голландскую Вест-Индскую компанию, которая за четыре года отправила в Бразилию пятнадцать тысяч четыреста тридцать негров, вела войны с Испанией, снабжала даже английские плантации и постепенно стала великим работорговцем того времени.

Торговое превосходство голландцев рано вызвало зависть и подражание англичан. Навигационный ордонанс 1651 года был направлен против них, и потребовалось две войны, чтобы вырвать у них работорговлю и передать ее в руки англичан. Окончательные условия мира, помимо прочего, предусматривали передачу Новых Нидерландов Англии и открывали Англии путь к тому, чтобы отныне стать величайшим в мире работорговцем.

Английская торговля началась с путешествий сэра Джона Хокинса в 1562 году и позже, в которых "Иисус, наш главный корабль" играл ведущую роль. Опустошительная торговля велась англичанами до середины XVII века, когда стали появляться английские зафрахтованные работорговые компании. В 1662 году "Королевские авантюристы", среди которых были король, вдовствующая королева и герцог Йоркский, вложили деньги в торговлю, и, наконец, в 1672 году была создана Королевская африканская компания, ставшая главным в мире работорговцем, и в течение четверти века вела растущую торговлю. Ямайка была захвачена и удержана Оливером Кромвелем в 1655 году и стала вест-индской базой для торговли людьми.

Главным договором по торговле неграми был знаменитый "Асьенто", или соглашение короля Испании о ввозе рабов в испанские владения. Демаркационная булла папы римского 1493 года запретила Испании владеть Африкой и заставила ее заключать договоры с другими странами на поставку рабов. В 1600 году этот договор находился в руках португальцев, в 1640 году его получили голландцы, а в 1701 году - французы. Война за испанское наследство принесла эту монополию Англии.

Асьенто 1713 года - соглашение между Англией и Испанией, по которому последняя предоставляла первой монополию на торговлю рабами в испанских колониях на тридцать лет, а Англия обязывалась поставлять в колонии в течение этого времени не менее ста сорока четырех тысяч рабов из расчета сорок восемь сотен в год. Англичане считали этот приз величайшим результатом Утрехтского договора (1713), завершившего могущественную борьбу с властью Людовика XIV. Англичане удерживали монополию до Экс-ла-Шапельского договора (1748), хотя в 1739 году им пришлось вступить в войну из-за нее.

Это соглашение принесло работорговцам огромную прибыль. Центр торговли находился в Ливерпуле, и коммерческое величие этого города во многом было построено на этом фундаменте. В 1709 году он отправил одного раба весом в тридцать тонн; поощряемая парламентскими субсидиями, которые составили почти полмиллиона долларов в период с 1729 по 1750 год, торговля достигла пятидесяти трех судов в 1751 году; восьмидесяти шести в 1765 году, а в начале девятнадцатого века ста восьмидесяти пяти, которые перевозили сорок девять тысяч двести тринадцать рабов за один год.

Работорговля, начатая португальцами, расширенная голландцами и доведенная до кульминации англичанами, сосредоточилась на западном побережье вблизи очага, возможно, самой древней и интересной культуры Африки. Это произошло в критический момент. Культура йоруба, бенин, моссиленд и нупе исчерпала себя в отчаянной попытке остановить надвигающийся поток магометанской культуры. Им удалось сохранить свои небольшие, слабо объединенные города-государства, приспособленные для торговли, промышленности и искусства. Она оказала сильное сопротивление строителям государства Судан на севере, как в случае с воюющими мосси; но за этим воинственным сопротивлением скрывалась мирная городская жизнь, которая дала промышленные идеи Византии и разделила кое-что из эфиопской и средиземноморской культуры.

Первое пришествие работорговцев усилило и стимулировало местную промышленность, о чем свидетельствует бронзовая работа Бенина; но вскоре она была отодвинута на задний план, поскольку Европе нужен был не бронзовый металл, а бронзовая плоть. Новая тирания, кровавая, жестокая и построенная на войне, вырвалась вперед в дельте Нигера. Могуущественное государство Дагомея возникло в начале восемнадцатого века и стало разрушительной тиранией, достигнув наивысшего могущества в начале девятнадцатого века. Ашанти, похожее королевство, начало свои завоевания в 1719 году и росло вместе с работорговлей. Таким образом, государственное строительство в Западной Африке стало заменять городскую экономику, но это было государство, построенное на войне, на войне, поддерживаемой и поощряемой в основном ради торговли человеческой плотью. Туземные производства были изменены и дезорганизованы. Семейные связи и государство были ослаблены. Далеко в сердце Африки проникла эта дьявольская дезинтеграция, соединенная с христианским ромом и магометанскими набегами. Лицо Африки было обращено на юг, к этим работорговцам, а не на север, к Средиземноморью, где две тысячи лет и более Европа и Африка встречались в законной торговле и взаимном уважении. Теперь стало ясно все значение битвы при Тенкадибу, в которой были повержены аскии. В дальнейшем Африка на протяжении веков должна была предстать перед миром не как страна золота и слоновой кости, Манса Мусы и Мероэ, а как связанный и плененный раб, немой и униженный.

Естественное желание избежать болезненной темы привело к тому, что историки обходят подробности работорговли стороной и создают впечатление, что она была локальным явлением на западном побережье и ограничивалась несколькими годами. Напротив, работорговля охватывала весь континент и длилась столетиями, являясь экономической, социальной и политической катастрофой, вероятно, не имеющей аналогов в истории человечества.

Точные пропорции работорговли можно оценить лишь приблизительно. С 1680 по 1688 год мы знаем, что только Английская африканская компания отправила 249 кораблей в Африку, доставила туда 60 783 негритянских раба и, потеряв 14 387 во время среднего пути, доставила 46 396 в Америку.

Представляется вероятным, что в период с 1698 по 1707 год в Америку прибывало 25 000 негров в год. После Асьенто 1713 года это число возросло до 30 000 в год, а перед Революционной войной достигло по меньшей мере 40 000, а возможно, и 100 000 рабов в год.

Общее количество импортированных рабов неизвестно. По оценкам Данбара, в шестнадцатом веке в Америку прибыло около 900 000, в семнадцатом - 2 750 000, в восемнадцатом - 7 000 000, в девятнадцатом - более 4 000 000, всего, возможно, 15 000 000. Определенно кажется, что по крайней мере 10 000 000 негров были высланы из страны. Вероятно, на каждого импортированного раба приходилось в среднем пять трупов в Африке или в открытом море. Таким образом, американская работорговля означала уничтожение по меньшей мере 60 000 000 негров с их родины. Магометанская работорговля означала изгнание или насильственную миграцию в Африку еще почти такого же количества людей. Консервативно было бы сказать, что работорговля стоила негритянской Африке 100 000 000 душ. И все же сегодня люди спрашивают о причинах застоя культуры в этой стране с 1600 года!

Такое количество рабов можно было получить только путем организованных набегов на все уголки Африки. Африканский континент постепенно революционизировался. Целые регионы обезлюдели, исчезли целые племена; деревни строились в пещерах, на холмах или в лесных чащах; в характере народов, подобных бенинскому, вместо уже процветавшего мирного искусства развились худшие проявления жестокости. Темная, непреодолимая хватка фетиша все сильнее овладевала умами людей.

Дальнейшее продвижение к цивилизации стало невозможным. Не только огромный спрос на рабов, который находил выход на западном побережье, но и караваны рабов, идущие через пустыню к побережью Средиземного моря и вниз по долине Нила к центрам магометанства. Это было изнасилование континента в масштабах, не имевших аналогов ни в древние, ни в современные времена.

В американской торговле были не только ужасы набегов рабов, устилавших извилистые тропы африканских джунглей белыми костями, но и ужасы того, что называлось "средним переходом", то есть плавания через Атлантику. По словам сэра Уильяма Долбена, "негры были прикованы друг к другу по рукам и ногам и уложены так тесно, что их ширина не превышала полутора футов на каждого. Сбитые вместе, как сельди в бочке, они заражались гнилью и смертельными болезнями, так что тем, кто приходил осматривать их по утрам, приходилось время от времени выбирать мертвых рабов из рядов и отвязывать их туши от тел их несчастных собратьев, к которым они были прикованы^[75]."

Было подсчитано, что из каждых ста лотов, отправленных из Африки, только около пятидесяти доживали до того, чтобы стать эффективными работниками за морем, а среди белых за один год в этой торговле погибало больше моряков, чем за два года во всей остальной торговле Англии. Полное осознание ужасов работорговли медленно доходило до ушей и сознания современного мира, так же как и сегодня обращение с темнокожими туземцами в европейских колониях становится достоянием гласности с величайшим трудом. Первый шаг против работорговли в Англии был сделан парламентом в 1776 году, но только через тридцать один год, в 1807 году, торговля была запрещена благодаря упорным усилиям Кларксона, Уилберфорса, Шарпа и других.

Дания уже отменила торговлю, а Соединенные Штаты попытались сделать это в следующем году. Португалия и Испания были вынуждены отменить торговлю в период с 1815 по 1830 год. Несмотря на эти законы, контрабандная торговля продолжалась вплоть до начала

Гражданской войны в Америке. Причинами этого были огромные прибыли от торговли и постоянный спрос американских рабовладельческих баронов, которые не жалели усилий, направленных на прекращение поставок дешевой рабочей силы.

Однако филантропия не была одинока в борьбе с негритянским рабством и работорговлей. Сначала в Англии, а затем и в других странах стало ясно, что рабство как промышленная система не может удовлетворительно работать в современную эпоху. Его стоимость была слишком велика, и одной из причин этой стоимости были восстания рабов с самого начала, когда рабы восстали на плантации Диего Колумба, вплоть до Гражданской войны в Америке. Фактические и потенциальные восстания рабов в Вест-Индии, в Северной и Южной Америке держали рабовладельцев в страхе и волнении или требовали создания полицейской системы, которую было трудно поддерживать. В Северной Америке восстание в конце концов приняло форму организованного бегства на Север, и это, вместе с растущей нехваткой подходящей земли и моральным бунтом, привело к Гражданской войне и исчезновению американской работорговли.

Однако оставалась еще магометанская работорговля, с которой нужно было бороться, и это стало делом XIX и начала XX веков. В последней четверти XIX века десять тысяч рабов ежегодно продавались на южном и восточном побережье Средиземного моря и на большом невольничьем рынке в Борну.

На восточном побережье Африки в 1862 году девятнадцать тысяч рабов были переправлены в Занзибар и далее в Аравию и Персию. В 1880 году ежегодно переправляли по три тысячи человек, но сейчас торговля почти прекращена. На сегодняшний день единственными центрами реальной работорговли можно назвать плантации какао на Португальских островах на западном побережье Африки и Свободное государство Конго.

Такова история изнасилования Эфиопии - гнусная, жалкая, жестокая история. Рафаэль рисовал, Лютер проповедовал, Корнель писал, а Мильтон пел; и через все это в течение четырехсот лет темные пленники спускались в море среди белеющих костей мертвецов; четыреста лет акулы следовали за разбегающимися кораблями; четыреста лет Америка была усеяна живыми и умирающими миллионами пересаженной расы; четыреста лет Эфиопия простирала свои руки к Богу.

ССЫЛКИ:

[70] Cp. Helps: *Spanish Conquest*, IV, 401.

[71] Helps, *op. cit.*, I, 219-220.

[72] Helps, *op. cit.*, II, 18-19.

[73] Helps, *op. cit.*, III, 211-212.

[74] Теаль: *История и этнография Южной Африки до 1795 года*, I, 476.

[75] Ингрэм: *История рабства*, с. 152.

ВЕСТ-ИНДИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Это был замечательный век, пятнадцатый, когда люди поняли, что за хмурыми западными водами скрываются мечты. Любопытно и в то же время грубо человечно, что на фоне всей этой поэзии и романтики возникло одновременно самое грязное учреждение современного мира и самое дорогое. Ведь на негритянском рабстве в Америке было построено не просто несостоявшееся хлопковое королевство, а фундамент того современного империализма, который основан на презрении к отсталым людям.

По некоторым данным, Алонзо, "негр", пилотировал один из кораблей Колумба, и среди его матросов наверняка была негритянская кровь. Уже в 1528 году в новом мире насчитывалось около десяти тысяч негров. Мы слышим о них во всех частях света. В Гондурасе, например, негра посылают сжечь туземную деревню; в 1555 году городской совет Сантьяго-де-Чили проголосовал за то, чтобы разрешить негру, имеющему право голоса, владеть землей в городе, и, очевидно, обращался с ним так же, как с белыми просителями. Д'Аллион, исследовавший побережье Виргинии в первой четверти XVI века, использовал негров-рабов (которые впоследствии восстали) для строительства кораблей и помощи в исследованиях; Бальбоа имел при себе тридцать негров, которые в 1513 году помогли построить первые корабли на тихоокеанском побережье; Кортес в 1522 году имел триста негров-носильщиков.

До 1530 года в Мексике было достаточно негров, чтобы привести к восстанию, где негры отчаянно сражались, но были побеждены, а их главари казнены. Позже последователи другого негритянского повстанца, Байано, были схвачены и отправлены обратно в Испанию. В 1570 году негры основали город Сантьяго-дель-Принсипе, а в 1540 году негр, раб Эрнандеса де Аларкона, был единственным из партии, кто смог пронести послание через всю страну к зунисам из Новой Мексики. Негр Стивен Дорантес открыл Новую Мексику. Этот Стивен или "Эстеванико" был послан вперед испанскими монахами в "Семь городов Киболы". "Как только Стивен покинул этих монахов, он решил заработать всю репутацию и почет для себя, и чтобы смелость и дерзость того, что он один открыл эти многоэтажные деревни, о которых так много говорят по всей стране, приписывались ему; И, взяв с собой людей, которые следовали за ним, он попытался пересечь пустыню, которая находится между Чиболой и страной, через которую он прошел, и он так далеко опередил монахов, что когда они прибыли в Чичильтикалли, который находится на краю пустыни, он уже был в Чиболе, которая находится в восьмидесяти лигах пустыни за ней." Но индейцы новой и незнакомой страны встревожились и решили, что Стивен "должно быть, шпион или проводник каких-то народов, которые намереваются прийти и завоевать их, потому что им казалось неразумным, что он говорит, что люди белые в стране, откуда он пришел, будучи сам черным и посланным ими".^[76]

Рабы, импортированные по договорам Асьенто, попадали во все части Северной и Южной Америки. К концу XVIII века в Испанской Америке насчитывалось десять тысяч в Санто-Доминго, восемьдесят четыре тысячи на Кубе, пятьдесят тысяч в Порто-Рико, шестьдесят тысяч в Луизиане и Флориде и шестьдесят тысяч в Центральной и Южной Америке.

История негров в Испанской Америке сосредоточена на Кубе, Венесуэле и Центральной Америке. В XVI веке на Кубу начали завозить рабов, и негры присоединялись ко многим исследовательским экспедициям, отправлявшимся оттуда в различные части Америки. Во второй половине XVIII века работорговля значительно расширилась, а после революции в

Хайти на Кубе поселилось большое количество французских эмигрантов с этого острова. Это и испанская жадность усилили жестокость рабства и в конечном итоге привели к восстанию негров. В 1844 году губернатор О'Доннел начал жестокое преследование негров из-за обнаруженного среди них заговора. Наконец в 1866 году разразилась Десятилетняя война, в которой сошлись негритянские и белые повстанцы. Они требовали отмены рабства и равных политических прав для коренных жителей и иностранцев, белых и черных. Война была жестокой и кровопролитной, но закончилась в 1878 году отменой рабства, а новое восстание в следующем году обеспечило неграм гражданские права. Однако испанское экономическое угнетение продолжалось, и ведущие вожди Десятилетней войны, включая таких лидеров, как мулат Антонио Масео, с большим количеством негритянских солдат снова вышли на поле боя в 1895 году. Результатом стало освобождение Кубы благодаря вмешательству Соединенных Штатов. Негритянские полки из США сыграли здесь ведущую роль. Многие лидеры Кубы в политической, промышленной и литературной сферах были людьми негритянского происхождения.

Рабство было отменено в Гватемале в 1824 году и в Мексике в 1829 году. Аргентина, Перу, Боливия, Чили и Парагвай перестали признавать его примерно в 1825 году. Между 1840 и 1845 годами рабство прекратилось в Колумбии, Венесуэле и Эквадоре. Боливар, Паес, Сукре и другие южноамериканские лидеры использовали негритянских солдат в борьбе за свободу (1814-16), а Хайти дважды в критические моменты оказывал помощь и дважды принимал Боливара в качестве беженца.

Бразилия была центром португальского рабства, но рабы не завозились в больших количествах примерно до 1720 года, когда на территории над Рио-Жанейро были обнаружены алмазы. Постепенно побережье от Пернамбуку до Рио-Жанейро и далее заполнилось неграми, и хотя работорговля к северу от экватора была теоретически отменена Португалией в 1815 году, а к югу от экватора - в 1830 году, а Бразилией в этих регионах - в 1826 и 1830 годах, тем не менее с 1825 по 1850 год было ввезено более миллиона с четвертью негров. И только после отмены рабства в Бразилии в 1888 году импорт полностью прекратился. Бразильское рабство позволяло рабу выкупить свою свободу, а цветовая линия не была строгой. Даже в XVIII веке в стране были чернокожие священнослужители и епископы; более того, негритянское духовенство, похожее, находилось на более высоком моральном уровне, чем белое.

Часто предпринимались попытки восстания, особенно среди негров-магометан в окрестностях Баии. В 1695 году племя восставших рабов долго сопротивлялось. В 1719 году широкомасштабный заговор провалился, но многие лидеры бежали в лес. В 1828 году тысяча человек подняла восстание в Баие, и еще раз в 1830 году. С 1831 по 1837 год восстание витало в воздухе, а в 1835 году произошло великое восстание магометан, которые попытались возвести на престол королеву. Негры сражались с неистовой храбростью, но в итоге потерпели поражение.

К 1872 году число свободных негров очень сильно увеличилось, так что эмансипация не стала шоком. Хотя негры-магометане по-прежнему доставляли хлопоты и в некоторых случаях были отправлены обратно в Африку, в целом эмансипация прошла мирно, и белые, негры и индейцы сегодня объединяются в новую расу. "В настоящее время едва ли найдется скромный или высокопоставленный федеральный или провинциальный чиновник во главе

или в составе любого из крупных государственных департаментов, в жилах которого не текла бы в большей или меньшей степени негритянская или американо-индейская кровь".[77]

Лорд Брайс говорит: "Не будет лишним сказать, что на побережье от Рио до Баии и Пернамбуку, а также в некоторых внутренних районах за этими двумя городами преобладает черное население..... Представители низшего класса Бразилии свободно вступают в браки с чернокожими; представители среднего класса - с мулатами и квадрунами. Бразилия - единственная страна в мире, помимо португальских колоний на восточном и западном побережьях Африки, в которой слияние европейской и африканской рас происходит без контроля со стороны закона или обычая. Доктрины человеческого равенства и человеческой солидарности здесь работают в полную силу. Результат настолько удовлетворителен, что классовые трения практически отсутствуют. Белые не линчуют негров и не обращаются с ними жестоко; более того, я никогда не слышал о линчевании где-либо в Южной Америке, за исключением случаев, когда оно происходит в рамках политической конвульсии. Негра не обвиняют в наглости и, похоже, не развивают преступность больше, чем это естественно для любого невежественного населения с распушенными представлениями о морали и собственности.

"Какое влияние окажет смешение кровей на европейский элемент в Бразилии, я не берусь предсказать. Если судить по нескольким примечательным случаям, оно не обязательно приведет к снижению интеллектуального уровня. Один из самых способных и утонченных бразильцев, которых я знал, обладал некоторым цветом кожи; мне рассказывали и о других подобных случаях. Необходимо отказаться от предположений и предубеждений, какими бы правдоподобными они ни казались".[78]

На Первом расовом конгрессе один бразильский писатель сказал: "Сотрудничество *метисов*[79] в продвижении Бразилии печально известно и далеко не бесценно. В течение многих лет в Бразилии они играли главную роль в кампании за отмену рабства. Я мог бы привести прославленные имена не одного из этих *метисов*, которые поставили себя во главе литературного движения. Они стойко и неустрашимо сражались в прессе и на трибуне. Они мужественно противостояли самым серьезным опасностям, которым подвергались в борьбе с могущественными рабовладельцами, находившимися под защитой консервативного правительства. Они продемонстрировали патриотизм, самоотречение и благодарность во время долгой кампании в Парагвае, героически сражались при abordage кораблей в морском сражении при Риачуэло и в атаках на бразильскую армию, неоднократно участвуя в этой долгой южноамериканской войне. Именно благодаря их поддержке на руинах империи была возведена республика".[80]

Голландцы привезли первых рабов на североамериканский континент. Джон Рольф рассказывает, что в последних числах августа 1619 года в Виргинию прибыл "голландский военный человек, который продал нам двадцать негров".[81] Вероятно, это был один из кораблей многочисленных частных голландских торговых компаний, которые рано включились в развитую и прибыльную африканскую работорговлю. Хотя голландцы таким образом начали континентальную работорговлю, на самом деле они не поставляли большое количество рабов в английские колонии за пределами Вест-Индии. Небольшая торговля к 1698 году принесла несколько тысяч в Нью-Йорк и еще меньше в Нью-Джерси.

Голландцы нашли лучшее место для рабов в Гвиане, которую они заселили в 1616 году. Сахарный тростник стал основной культурой, но негры рано начали бунтовать, и голландцы стали завозить ост-индских кули. С рабами обращались плохо, и беглецы присоединялись к восставшим неграм Буша во внутренних районах страны. С 1715 по 1775 год шли

непрерывные войны с неграми Буша и восстания, пока, наконец, в 1749 году не был заключен официальный договор между шестнадцатью сотнями негров и голландцами. Сразу же восстала новая группа под предводительством магометанина Араби, которая получила землю и свободу. В 1763 году восстали негры побережья. Они были остановлены, но заключили соглашение и поселились во внутренних районах страны. Негры Буша сражались против французов и англичан, чтобы сохранить Гвиану для голландцев, но в итоге Гвиана была разделена между ними. Негры Буша до сих пор сохраняют свою независимость и энергичность.

Французы поощряли поселения в Вест-Индии в семнадцатом веке, но в конце концов, обнаружив, что французские иммигранты не едут, они начали около 1642 года импортировать негров. Из-за войн с Англией рабов поставляли голландцы и португальцы, хотя с 1701 по 1713 год Королевская сенегальская компания владела желанным Азиенто.

Однако именно на острове Хайти сосредоточилось французское рабство. Пираты многих стран, но в основном французы, стали часто посещать остров, и в 1663 году французы аннексировали восточную часть, разделив таким образом остров между Францией и Испанией. К 1680 году рабов и мулатов стало так много, что Людовик XIV издал свой знаменитый Кодекс Нуар, который был примечателен тем, что заставлял хозяев-холостяков, отцов детей-рабов, жениться на своих наложницах. Дети следовали за матерью в том, что касалось рабства или свободы; они не могли иметь собственности; предусматривались суровые наказания, но семьи не могли быть разделены путем продажи, за исключением взрослых детей; эмансипация с предоставлением полных гражданских прав была возможна для любого раба в возрасте двадцати лет и более. Когда была заселена Луизиана и побережье Алабамы, туда были завезены рабы. Луизиана была передана Испании в 1762 году, вопреки сопротивлению поселенцев и рабов, но Испания завладела ею в 1769 году и завезла еще больше негров.

Позже, в Хайти, более либеральная политика поощряла торговлю; война закончилась, и в страну хлынули капиталы и рабы. Здесь выращивали сахар, кофе, шоколад, индиго, красители и специи. В стране было много мулатов, многие из которых получили образование во Франции, и многие хозяева женились на негритянках, унаследовавших большие владения, подобно тому как в Соединенных Штатах сегодня белые мужчины охотно женятся на индианках, живущих на Западе. Однако когда в 1749 году увеличилась иммиграция белых, против мулатов возникли предрассудки, и были приняты суровые законы, лишавшие их гражданских прав, права на профессию и на занятие должностей; суровые указы касались одежды, имен и общения в обществе. Наконец, после 1777 года мулатам было запрещено приезжать во Францию.

Когда разразилась Французская революция, хейтианцам удалось отправить в Париж двух делегатов. Тем не менее плантаторы сохранили преимущество, и один из цветных делегатов, Оге, вернувшись, начал небольшое восстание. Он и его спутники были убиты с особой жестокостью. Это заставило французское правительство предоставить полные гражданские права свободным неграм. Сразу же плантаторы и свободные негры бросились с оружием в руках друг против друга, а затем, внезапно, 22 августа 1791 года, черные рабы, которых было четыреста пятьдесят две тысячи, подняли восстание, чтобы помочь свободным неграм.

В течение многих лет беглые рабы прятались в горах под властью своих вождей. Одним из самых первых таких вождей был Полидор, в 1724 году его сменил Макандал. Во время восстания рабов главным вождем этих беглецов или "маронов" был Жан Франсуа, которого вскоре сменил Биассу.

Пьер Доминик Туссен, известный как Туссен Л'Овертюр, присоединился к этим маронским бандам, где его называли "доктором армий короля", и вскоре стал главным помощником Жана Франсуа и Биассу. После их смерти Туссен возвысился до главного командира. Он получил полный контроль над чернокожими не только в военных вопросах, но и в политике и социальной организации; "солдаты считали его высшим существом, а крестьяне преклонялись перед ним. Все его генералы трепетали перед ним (Дессалин не смел взглянуть ему в лицо), и весь мир трепетал перед его генералами".[82]

Началось восстание, чернокожие и мулаты убивали белых без пощады, а белые наносили ответные удары. Из Франции были присланы уполномоченные, которые потребовали лишь гражданских прав для вольноотпущенников, но не эмансипации. Собственно, это было все, чего требовал сам Туссен. Плантаторы вступили в интригу с англичанами, и это, а также обезглавливание короля (нечестивый поступок в глазах негров), побудило Туссена присоединиться к испанцам. В 1793 году были высажены британские войска, и французские комиссары в отчаянии объявили об эмансипации рабов. Это сразу же отвоевало Туссена у испанцев. Он стал верховным правителем на севере, в то время как Риго, лидер мулатов, удерживал юг и запад. К 1798 году англичане, потеряв большую часть своих сил из-за желтой лихорадки, сдали Туссену Моле-Сент-Николас и ушли. Риго, наконец, уехал во Францию, а Туссен в 1800 году стал хозяином Хайти. Он провозгласил конституцию, согласно которой Хейти должна была стать самоуправляемой колонией; все люди были равны перед законом, а торговля была практически свободной. Туссен должен был стать пожизненным президентом, имея право назначать своего преемника.

Наполеон Бонапарт, хозяин Франции, в это время мечтал о великой американской империи и ответил новому правительству Туссена, отправив двадцать пять тысяч человек под командованием своего шурина, чтобы покорить самонадеянных негров в качестве предварительного шага к захвату и освоению долины Миссисипи. Ожесточенные бои и желтая лихорадка уничтожили французов, но и с неграми дела шли тяжело, и Туссен в конце концов предложил уступить. Его вежливо приняли с воинскими почестями, а затем, как только это стало возможным, вероломно схватили, связали и отправили во Францию. Он был заключен в тюрьму в форте Жу и умер, возможно, от яда, после изученных унижений, 7 апреля 1803 года.

Так погиб величайший из американских негров и один из великих людей всех времен в возрасте пятидесяти шести лет. Один французский плантатор сказал: "Бог на своем земном шаре не общался с более чистым духом".[83] Уэнделл Филлипс сказал: "Некоторые сомневаются в мужестве негра. Поезжайте в Хейти, встаньте на пятьдесят тысяч могил лучших солдат, которые когда-либо были у Франции, и спросите их, что они думают о мече негра. Я бы назвал его Наполеоном, но Наполеон проложил свой путь к империи через нарушенные клятвы и море крови. Этот человек никогда не нарушал своего слова. Я бы назвал его Кромвелем, но Кромвель был всего лишь солдатом, и государство, которое он основал, сошло с ним в могилу. Я бы назвал его Вашингтоном, но великий виргинец держал рабов. Этот человек скорее рискнул своей империей, чем разрешил работорговлю в самой скромной деревушке своих владений. Вы считаете меня фанатиком, потому что читаете историю не глазами, а с учетом своих предрассудков. Но через пятьдесят лет, когда истина будет услышана, муза истории поставит Фокиона на место грека, Брута - римлянина, Хэмпдена - англичанина, Ла Файетта - француза, выберет Вашингтона как яркий, совершенный цветок нашей ранней цивилизации, а затем, окунув перо в солнечный свет, напишет в ясной синеве, над всеми ними, имя солдата, государственного деятеля, мученика Туссена Л'Овертюра".

Вероломное убийство Туссена не покорило Хайти. В 1802 и 1803 годах около сорока тысяч французских солдат умерли от войны и лихорадки. Возник новый цветной лидер, Дессалин, и все восемь тысяч оставшихся французов сдались блокирующему британскому флоту.

Последствия всего этого были далеко идущими. Наполеон отказался от своей мечты об американской империи и продал Луизиану за бесценок. "Таким образом, вся Индейская территория, весь Канзас, Небраска, Айова, Вайоминг, Монтана и Дакота, большая часть Колорадо и Миннесоты, все штаты Вашингтон и Орегон достались нам как косвенный труд презируемого негра. Восхваляйте, если хотите, работу Роберта Ливингстона или Джефферсона, но сегодня давайте не забывать о нашем долге перед Туссеном Л'Овертюром, который косвенно стал средством расширения Америки благодаря Луизианской покупке 1803 года".[84]

После освобождения Хайти в 1801 году наступило столетие борьбы за то, чтобы люди обрели завоеванную свободу. Они все еще оставались рабами, подавленными жестоким рабством, без образования и религиозного воспитания. Хайтийские лидеры объединились с Дессалином, чтобы сохранить независимость республики. Дессалин, как и Туссен и его лейтенант Кристоф, во времена рабства отличался суровостью по отношению к своим товарищам и дисциплиной, на которой он настаивал. Ему были присущи и другие черты африканских вождей. "Бывали периоды, когда он преодолевал свою природную угрюмость и показывал себя открытым, приветливым и даже щедрым. Его тщеславие было чрезмерным и проявлялось в необычных извращениях".[85] Он был человеком большой личной храбрости и сумел сохранить независимость Хайти, которая уже стоила французам пятидесяти тысяч жизней.

1 января 1804 года в том месте, где Туссен был вероломно схвачен и отправлен во Францию, военачальники провозгласили независимость Хайти. Дессалин был назначен пожизненным генерал-губернатором, а затем провозгласил себя императором. Это не было актом грандиозности и мимикрии. "Правильнее сказать, что и Дессалин, и позже Кристоф руководствовались ясным пониманием социальной истории и особенностей своего народа. В конституции не было ничего, что не имело бы аналога в Африке, где организация общества была деспотической, с выборными наследственными вождями, королевскими семьями, полигамическими браками, советами и регентствами".[86]

Население делилось на воинов и рабочих. Территория была распределена между вождями, а рабочие были привязаны к земле и работали под строгим надзором; часть продукции шла на их содержание, а остальное - вождям, королю, правительству и армии. В армии царила суровая дисциплина, а военная служба была обязательной. Большую часть сельскохозяйственного труда выполняли женщины. При Туссене управление этой системой было поручено Дессалину, который проводил ее в жизнь со всей строгостью; затем его примеру последовал Кристоф. Последний даже импортировал из Африки четыре тысячи негров, из которых сформировал национальную гвардию для патрулирования земель. Эти правила на некоторое время вернули острову былое процветание.

Суровость, с которой Дессалин следил за исполнением законов, вскоре стала настраивать многих против него. Особенно образованные мулаты возражали против подчинения диким африканским *нравам*. Дессалин начал подавлять их восстание, но был убит из засады в октябре 1806 года.

Великобритания начала плести интриги с целью установления протектората над островом, а испанская часть острова оказалась под угрозой нападения. Эти трудности были преодолены, но ценой большого внутреннего напряжения. После смерти Дессалина

казалось, что Хейти вот-вот распадется на множество мелких подразделений. В одно время Кристоф правил как король на севере, Петион - как президент в Порт-о-Пренсе, Риго - на юге, а полуразбойник Гоман - на крайнем юго-западе. Однако очень скоро соперничество свелось к Петиону и Кристофу. Петион был человеком значительных способностей и многое сделал не только для Хейти, но и для Южной Америки. Уже в 1779 году, до революции в Хайти, хайтийские негры помогали Соединенным Штатам. В 1778 году англичане захватили Саванну. В конце того же года французский флот появился у берегов Джорджии и получил приказ набрать людей в Хайти. Восемьсот молодых вольноотпущенников, негров и мулатов, предложили принять участие в экспедиции, они доблестно сражались при осаде и покрыли себя славой. Именно этот легион бросился на англичан и спас отступающую американскую армию. Среди сражавшихся там людей был и Кристоф.

Когда в 1815 году Симон Боливар, коммодор Аури и многие венесуэльские семьи были изгнаны из своей страны, они и их корабли нашли временное убежище в Хайти. Несмотря на бедственное положение республики, Петион принял их и дал им четыре тысячи ружей с боеприпасами, провизию и, наконец, печатный станок. Он также уладил некоторые международные ссоры между членами групп, и Боливар впоследствии говорил, что был "переполнен великодушными милостями".^[87]

Петион умер в 1818 году, и его преемником стал его друг Бойер. В следующем году Кристоф покончил жизнь самоубийством, и Бойер стал не просто правителем западной части Хайти, но и, договорившись с восточной частью острова, получил власть там, где опасались испанской агрессии. Таким образом, с 1822 по 1843 год Бойе, человек весьма способный, управлял всем островом и добился признания независимости Хайти от Франции и других государств.

Франция при Карле X потребовала репарации в размере тридцати миллионов долларов, чтобы возместить плантаторам конфискованные земли и имущество. Хайты попытались заплатить, но ежегодные выплаты оказались непосильным бременем для обедневшей страны. Были начаты дальнейшие переговоры. Наконец в 1838 году Франция признала независимость республики, и сумма репараций была снижена до двенадцати миллионов долларов. Даже это было непосильным бременем для Хайти, и его выплата на долгие годы стала для острова непосильной ношей.

В 1825-26 годах Соединенные Штаты и Великобритания признали независимость Хайти. Был заключен конкордат с Папой Римским для управления церковью в Хайти, и, наконец, в 1860 году церковь перешла под управление французской иерархии. Таким образом, дела Бойера шли необычайно хорошо; но необходимые уступки Франции ослабили его влияние на родине, и, наконец, землетрясение, разрушившее несколько городов в 1842 году, подняло против него суеверное население. Он ушел в отставку в 1843 году, оставив казну хорошо наполненной; но с его уходом испанская часть острова была потеряна для Хайти.

Последующая история Хайти с 1843 года - это борьба маленькой разделенной страны за сохранение политической независимости. Богатые ресурсы страны требовали привлечения иностранного капитала, но внешний капитал означал политическое влияние из-за рубежа, которого маленькая нация справедливо опасалась. Внутри страны старый антагонизм между вольноотпущенниками и рабами перерос в цветовую границу между мулатами и чернокожими, что на какое-то время означало разницу между образованным либерализмом и реакционным невежеством. Это различие в значительной степени исчезло, но некоторые пережитки цветовой линии остались. Результатом стали реакция и дикость при Сулуке,

Доминике и Норд-Алексисе и решительный прогресс при таких президентах, как Ниссаж-Саге, Соломон, Легитим и Ипполит.

В политической жизни Хайти все еще находится в шестнадцатом веке; но в экономической жизни она преуспела в размещении на своих собственных маленьких фермах самого счастливого и довольного крестьянства в мире, после того как подняла их из настоящего ада рабства. Если современную капиталистическую алчность удастся удержать от вмешательства до тех пор, пока лучшие элементы Хайти не получают постоянное политическое руководство, триумф революции будет полным.

В других частях франко-американского владычества рабы добились свободы также путем восстания. В Гваделупе они помогли французам изгнать англичан и таким образом добились освобождения. На Мартинике для обретения свободы потребовалось три восстания и гражданская война.

Английская рабовладельческая империя в Америке сосредоточилась на Бермудах, Барбадосе, Ямайке и малых островах, а также в Соединенных Штатах. На Барбадосе был разработан жестокий рабский кодекс, результатом которого стали попытки восстания рабов в 1674, 1692 и 1702 годах. Они не увенчались успехом, но восстание в 1816 году уничтожило много имущества под руководством мулата Вашингтона Франклина, после чего последовала отмена плохих законов и, в конечном счете, предоставление права голоса цветному населению. Один барбадосский мулат, сэр Конрад Ривз, занимал пост главного судьи острова и был посвящен в рыцари. Восстание негров в Доминике под руководством Фарсея сильно обеспокоило Англию в 1791 и 1794 годах и задержало отмену работорговли; в 1844 и 1847 годах произошли новые восстания, которые продолжались с 1853 по 1893 год.

Главным островным владением английского рабства была Ямайка. Именно Оливер Кромвель в своем рвении к Богу и работорговле отправил экспедицию для захвата Хайти. Его флот, отбитый там, захватил Ямайку в 1655 году. Англичане обнаружили, что горы уже кишат беглыми рабами, известными как "мароны", и еще больше негров присоединилось к ним, когда англичане прибыли на остров. В 1663 году свобода маронов была признана, им были выделены земли, а их лидер Хуан де Болас был произведен в полковники ополчения. Однако в следующем году он был убит, и с 1664 по 1738 год три с лишним тысячи чернокожих маронов вели партизанскую войну с Британской империей. Против них были направлены солдаты, индейцы и собаки, и наконец в 1738 году капитан Куджо и другие вожди заключили официальный мирный договор с губернатором Трелони. Им было предоставлено двадцать пять сотен акров земли, и их свобода была признана.

Мир продлился до 1795 года, когда они снова восстали и устроили англичанам жестокое побоище, а также убили плантаторов. Снова были завезены ищейки. Мароны предложили сдаться при условии, что никто из их числа не будет депортирован с острова, как того желало законодательное собрание. Генерал Уолпол колебался, но не смог добиться мира ни на каких других условиях и дал слово. Мароны сдали оружие, и тут же белые схватили шестьсот главарей и перевезли их в снега Новой Шотландии! После этого законодательное собрание выделило генералу Уолполу меч стоимостью двадцать пять сотен долларов, который он с негодованием отказался принять. В конце концов эти изгнанные мароны попали в Сьерра-Леоне (Западная Африка), чтобы успеть спасти эту колонию для британской короны.^[88]

Настойчивое желание белых плантаторов заключить мир с маронами было вызвано новой культурой сахара, введенной в 1673 году. Вслед за этим значительно возрос спрос на рабов, и в период с 1700 по 1786 год было импортировано шестьсот десять тысяч рабов; тем не

менее, их так жестоко гнали, что в последнем году на Ямайке насчитывалось всего триста тысяч негров.

Несмотря на моравские миссии и другие усилия в конце XVIII века, волнения среди рабов и вольноотпущенников Ямайки росли и усиливались из-за антирабовладельческой агитации в Англии и восстания в Хайти. В 1796 году произошло восстание, а в 1831 году негры северо-запада Ямайки, нетерпеливые из-за медленного продвижения эмансипации, снова подняли восстание и уничтожили имущество на сумму почти три с половиной миллиона долларов, практически разорив тамошних плантаторов. На следующий год было освобождено двести пятьдесят пять тысяч рабов, за которых плантаторам заплатили почти тридцать миллионов долларов. После этого наступило удручающее состояние промышленности. Белые чиновники, присланные в эти дни, были произвольны и коррумпированы. Для народных масс мало что делалось, а налоги были непомерно высокими. Тем не менее, отсталость колонии приписывали неграм. В 1865 году губернатор Эйр жаловался, что молодые и сильные ни на что не годятся и заполняют тюрьмы; но в то же время миссионер сообщил правду о чиновниках. Это взбудоражило цветное население, и мулат Джордж Уильям Гордон созвал собрание. Впоследствии проводились и другие собрания, и, наконец, в 1861 году негритянское крестьянство устроило бунт, в ходе которого было убито восемнадцать человек, лишь несколько из которых были белыми.

В результате губернатор Эйр судил и казнил по приговору военного трибунала 354 человека, а кроме того, убил без суда 85, всего 439 человек. Тысяча негритянских домов была сожжена дотла, а тысячи негров подвергнуты порке или изувечены. Детям выбивали мозги, беременных женщин убивали, а Гордона судили военным трибуналом и повесили. По словам королевских комиссаров, наказание было "безрассудным и совершенно варварским".^[89]

Этот бесцеремонный поступок возмутил Англию. Эйр не был наказан, но в 1866 году остров стал колонией короны, а в 1886 году получил представительство в законодательном органе.

На острове Сент-Винсент индейцы сначала пытались поработить беглых негров, потерпевших там кораблекрушение, но негры забрали женщин-карибов, а затем прогнали индейцев-мужчин. Эти "черные карибы" воевали с индейцами, англичанами и другими народами в течение трех четвертей века, пока индейцы не были истреблены. Англичане захватили владения в 1763 году. Черные карибы сопротивлялись и после упорных боев подписали договор в 1773 году, получив треть острова в свою собственность. Впоследствии они помогали французам против англичан и в конце концов были депортированы на остров Руатан, расположенный у берегов Гондураса. В Тринидаде и Британской Гвиане происходили мятежи и бунты рабов, а также любопытное смешение рас.

О других частях Южной Америки придется кратко рассказать из-за недостатка данных. В Колумбии и Венесуэле, где проживает, возможно, восемь миллионов человек, по меньшей мере треть населения составляют негры и индейцы. Здесь Симон Боливар со своими неграми, мулатами и индейцами начал войну за освобождение Южной Америки. В Центральной Америке доля негроидов меньше, возможно, всего сто тысяч человек. Боливия и Перу имеют небольшое количество негритянской крови, а Аргентина и Уругвай - очень мало. Негритянское население в этих странах повсеместно находится в процессе быстрого слияния с белыми и индейцами.

ССЫЛКИ:

- [76] Перевод рассказа Кастанеды де Нафера, выполненный Х.О. Флиппером.
- [77] Джонстон: *Negro in the New World*, p. 109.
- [78] Bryce: *South America*, pp. 479-480.
- [79] Т.е. мулаты.
- [80] *Межрасовые проблемы*, с. 381.
- [81] Смит: *Всеобщая история Виргинии*.
- [82] La Croix: *Mémoires sur la Révolution*, I, 253, 408.
- [83] Маркиз д'Эрмонас. Ср. Johnston: *Negro in the New World*, p. 158.
- [84] ДеВитт Талмейдж, в *Christian Herald*, 28 ноября 1906 г.
- [85] Эймс: *African Institutions in America* (перепечатано из *Journal of American Folk Lore*), p. 25.
- [86] Brown: *History of San Domingo*, II, 158-159.
- [87] См. Leger: *Hayti*, гл. XI.
- [88] Ср. главу V, с. 69.
- [89] Джонстон: *Негр в Новом Свете*.
-

XI

НЕГР В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Когда Декларация независимости провозгласила, что "все люди созданы равными, что они наделены своим Творцом некоторыми неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью", на территории Соединенных Штатов насчитывалось полмиллиона рабов. Страна, которая таким образом возвестила о своем вхождении в семью народов, поддерживала институт рабства на протяжении ста пятидесяти семи лет и была обречена цепляться за него еще восемьдесят семь лет.

Величайший эксперимент по использованию негритянского рабства в качестве современной промышленной системы был проведен на материковой части Северной Америки и в пределах нынешних Соединенных Штатов. И этот эксперимент был столь масштабным и столь продолжительным, что его стоит изучить и осмыслить. В 1910 году в Соединенных Штатах и их зависимых территориях насчитывалось 9 828 294 человека признанного негритянского происхождения, не считая значительного количества негритянской крови, которое не признается и часто не известно. Сегодня число людей, называемых неграми, вероятно, составляет около десяти с четвертью миллионов. Эти люди почти полностью являются потомками африканских рабов, привезенных в Америку в шестнадцатом, семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках.

Импорт негров на материковую часть Северной Америки был невелик до тех пор, пока в 1713 году британцы не получили желанную привилегию Асьенто. До этого северные штаты, такие

как Нью-Йорк, получили некоторое количество рабов от голландцев, а Новая Англия рано развила торговлю, в рамках которой она импортировала некоторое количество домашней прислуги. Корабли отправлялись к африканскому побережью с ромом, продавали его и привозили рабов в Вест-Индию; там они обменивали рабов на сахар и патоку, а патоку возвращали в Новую Англию, чтобы сделать из нее ром для дальнейших подвигов. После заключения Асьенто негритянское население увеличилось в XVIII веке с примерно 50 000 в 1710 году до 220 000 в 1750 году и до 462 000 в 1770 году. Когда колонии стали независимыми, иностранная работорговля вскоре была признана незаконной; но незаконная торговля, присоединение территорий и естественный прирост увеличили негритянское население с чуть более миллиона в начале девятнадцатого века до четырех с половиной миллионов к началу Гражданской войны и до десяти с четвертью миллионов в 1914 году.

В настоящее время так называемое негритянское население Соединенных Штатов составляет:

1. Смесь различных африканских народностей, банту, суданцев, негров западного побережья, некоторых карликов и следов арабской, берберской и семитской крови.
2. Смешение этих штаммов с кровью белых американцев в результате системы наложничества с цветными женщинами во времена рабства, а также некоторых законных браков.

Цифры, касающиеся мулатов^[90], время от времени официально признаются заниженными. Вероятно, одна треть негров Соединенных Штатов имеет явные следы белой крови. Такое смешение рас привело к появлению интересных человеческих типов, но расовые предрассудки до сих пор препятствовали научному изучению этого вопроса. В целом негритянское население Соединенных Штатов имеет коричневый цвет кожи, темнеющий до почти черного и переходящий в желтый и белый, и в некоторых случаях неотличимо от белого населения.

О черном человеке в Америке написано немало, но в основном с точки зрения белых, так что мы знаем о влиянии негритянского рабства на белых, о борьбе белых за и против отмены рабства и о вытекающей из этого проблеме негров в отношении белого населения.

Однако в этой главе мы рассматриваем этот вопрос скорее с точки зрения самой группы негров, пытаясь показать, что значило для них рабство, как они реагировали на него, что они делали, чтобы добиться своей свободы, и что они делают со своей частичной свободой сегодня.

Рабы, высаживавшиеся с 1619 года, сначала принимались колониями как рабочая сила, наравне с другими работниками. Долгое время в законе не было различий между белым слугой из Англии и черным слугой из Африки, за исключением срока их службы. Но даже здесь это различие соблюдалось не всегда: некоторые белые оставались на службе дольше положенного срока, а негры время от времени получали свободу. Постепенно плантаторы осознали преимущество пожизненного содержания рабочих, но столкнулись с определенными моральными трудностями. Противники рабства с самого начала были в значительной степени успокоены, когда было заявлено, что это метод обращения язычников в христианство. Следствием этого было то, что после обращения раба в христианство он становился свободным. До 1660 года или около того в большинстве колоний и в английской Вест-Индии считалось, что крещение в христианской церкви освобождает негра-раба. Поэтому в XVII веке хозяева неохотно шли на то, чтобы их рабы получали христианское

образование. Массачусетс впервые принял закон по этому вопросу, постановив в 1641 году, что рабство должно ограничиваться пленными в справедливых войнах "и такими чужеземцами, которые добровольно продают себя или продаются нам", [91] подразумевая под "чужеземцами", очевидно, язычников, но ничего не говоря о последствиях обращения. Коннектикут принял аналогичное законодательство в 1650 году, а Вирджиния объявила в 1661 году, что негры "не способны компенсировать" время, потерянное при побеге, путем продления срока службы, подразумевая тем самым, что они являются пожизненными рабами. В 1663 году Мэриленд объявил, что рабы-негры должны служить *durante vita*, но только в 1667 году Вирджиния наконец набралась смелости, чтобы решительно подойти к этому вопросу, и законодательно объявила: "Крещение не изменяет состояния человека в отношении его рабства или свободы, чтобы различные хозяева, освобожденные от этого сомнения, могли более тщательно стремиться к распространению христианства". [92]

Переселение негра из африканского клана на вест-индскую плантацию стало социальной революцией. Брак стал географическим и скоротечным, а женщины и девушки оказались без защиты.

Частный дом как самостоятельная и независимая единица не существовал. Этот мощный институт, полигамный африканский дом, был почти полностью разрушен, и на его месте в Америке возникла сексуальная распущенность, слабая общинная жизнь, с общим жильем, питанием и детскими яслями. Внутренняя работорговля еще больше ослабила естественные связи. Небольшое число привилегированных домашних слуг и ремесленников возвысилось над этим - они имели свои частные дома, соприкасались с культурой господского класса и усвоили многое из американской цивилизации. Однако это было исключением; в целом же наибольший социальный эффект американского рабства заключался в том, что вместо полигамного негритянского дома появилась новая полигамия, менее охраняемая, менее эффективная и менее цивилизованная.

На первый взгляд может показаться, что рабство полностью уничтожило все остатки спонтанного движения среди негров. Это не совсем так. Огромная власть священника в африканском государстве хорошо известна; только его сфера - религия и медицина - оставалась практически незатронутой плантационной системой. Поэтому негритянский священник рано стал важной фигурой на плантации и выполнял функции толкователя сверхъестественного, утешителя скорбящих, а также того, кто грубо, но живописно выражал тоску, разочарование и обиду украденного народа. Из таких истоков возникла и с удивительной быстротой распространилась негритянская церковь, первый ярко выраженный негритянский социальный институт Америки. Поначалу это была отнюдь не христианская церковь, а просто адаптация тех фетишистских обрядов, которые в Америке называют поклонением *обе*, или "вудуизмом". [93] Ассоциация и миссионерские усилия вскоре придали этим обрядам видимость христианства, и постепенно, через два столетия, церковь стала христианской, с простым кальвинистским вероучением, но со многими старыми обычаями, все еще сохранившимися на богослужениях. Именно этот исторический факт, что современная негритянская церковь опирается на единственный сохранившийся социальный институт африканской родины, объясняет ее необычайный рост и жизнеспособность.

Сначала рабовладельческие кодексы были на самом деле трудовыми кодексами, основанными на попытке восстановить в Америке ослабевающий феодализм Европы. Рабочие были в основном чернокожими и содержались пожизненно. Над ними возвышались ремесленники, свободные белые с несколькими чернокожими, а над ними - господский класс. Феодализм вызвал к жизни плантационную систему, и плантационная

система, развившаяся в Америке, в частности в Виргинии, поначалу была феодальным владением. На этих плантациях хозяин был практически верховным. Кодексы законов о рабах в ранние времена были умеренно суровыми, позволяя хозяину наказывать, но сдерживая его в крайних случаях и обеспечивая уход за рабами и престарелыми. Однако, когда власть находилась исключительно в руках класса хозяев, а хозяин был верховным на своей плантации, его власть над рабом была практически такой, какой он хотел ее видеть. В некоторых случаях жестокость была столь же велика, как на худших плантациях Вест-Индии. В других случаях власть была мягкой и отеческой.

Через этот американский феодализм негр начал подниматься. В восемнадцатом веке он выучил английский язык, его начали причислять к христианской церкви, он в значительной степени смешивал свою кровь с господским классом. Особенно благосклонно относились к домашней прислуге, в некоторых случаях она получала образование, и число свободных негров постепенно росло.

Современных студентов часто озадачивает кажущаяся противоречивость южного рабства. С одной стороны, мы слышим о спокойном и мягком патриархате, о широких и сонных плантациях с лордом и прислугой, о легкости и счастье; с другой стороны, мы слышим о варварской жестокости, необузданной власти и широком угнетении людей. Какая картина правдива? Ответ прост: обе. Это не противоположные стороны одного щита, это разные щиты. С одной стороны, это картины домашней прислуги в больших загородных домах и городах, а с другой - тружеников полей, выращивающих огромные урожаи табака, риса и хлопка. Таким образом, мы не только небрежно смешали картины того, что на самом деле было разными видами рабства, но и того, что представляло собой различные степени развития экономической системы. Домашнее рабство было более древней феодальной идеей личного удержания, развитой в Вирджинии и Каролине в семнадцатом и восемнадцатом веках. Она обладала всеми преимуществами и недостатками такой системы: преимуществом сильной личной связи и недостатком непреклонных кастовых различий с вытекающими из них аморальностями. В худшем случае, однако, это был вопрос прежде всего человеческих отношений.

Из этого более древнего типа рабства на северном Юге в XVIII и XIX веках на южном Юге развился тип рабства, который соответствует современной фабричной системе в ее наихудшей мыслимой форме. Оно представляло собой крупномасштабное производство основного продукта; между хозяином и рабочим стояли надсмотрщик и погонщики. Рабов били кнутом и заставляли выполнять механические задания. Требовалась обширная территория, так что в конце концов стало распространено заочное землевладение. Именно этот последний тип рабства был характерен для хлопкового королевства, а расширение территории этой системы на юг и запад ознаменовало агрессивные мировые завоевательные планы рабовладельческих баронов. С другой стороны, это была более мягкая и совсем другая виргинская домашняя служба и личная аренда в городской жизни, в которой выросло большинство белых детей; именно она произвела впечатление на их воображение и которую они так ярко изобразили. Негры, однако, знали и другую сторону, поскольку девять десятых из них жили под более суровой и бессердечной погоней на полях.

Среди негров рано начали происходить внутреннее развитие и рост самосознания: например, в городах Новой Англии стали избирать негритянских "губернаторов". Отчасти это был перенесенный африканский обычай, отчасти - попытка передать управление рабами в их собственные руки. В те времена негры голосовали: например, в Северной Каролине до 1835 года Конституция распространяла право голоса на всех свободных людей, а когда в 1835 году негры были лишены избирательных прав, несколько сотен цветных мужчин были

лишены права голоса. На самом деле, как говорит Альберт Бушнелл Харт, "в колониях освобожденные негры, как и освобожденные белые рабы, приобретали собственность, основывали семьи и вступали в политическое сообщество, если у них хватало энергии, бережливости и удачи, чтобы приобрести необходимую собственность".[94]

Гуманитарное движение XVIII века было активно по отношению к неграм из-за той роли, которую они сыграли в Революционной войне. Негритянские полки и роты были сформированы в Коннектикуте и Род-Айленде, большое количество негров входило в состав континентальных армий в других странах. Отдельные негры отличились. По оценкам, в американских армиях сражались пять тысяч негров.

К моменту принятия Конституции большинство американцев считали, что негритянское рабство обречено. Вскоре на Севере появилась целая серия законов об освобождении рабов: Вермонт начал в 1779 году, затем последовало судебное решение в Массачусетсе в 1780 году и постепенная эмансипация в Пенсильвании, начавшаяся в том же году; в Нью-Гэмпшире эмансипация была осуществлена в 1783 году, а в Коннектикуте и Род-Айленде - в 1784 году. Знаменательное исключение рабства на Северо-Западной территории произошло в 1787 году, а постепенная эмансипация началась в Нью-Йорке и Нью-Джерси в 1799 и 1804 годах.

Среди цветного населения стали появляться благотворительные и страховые общества. Почти в каждом городе Вирджинии любого размера в начале XVIII века существовали негритянские организации по уходу за больными и погребению умерших. По мере увеличения числа свободных негров, особенно на Севере, эти финансовые общества стали создаваться открыто. Одним из самых ранних было Свободное африканское общество Филадельфии. Со временем оно превратилось в нынешнюю Африканскую методистскую церковь, которая на сегодняшний день насчитывает полмиллиона членов и имеет собственность на сумму более одиннадцати миллионов долларов.

Негров стали принимать в белые церкви отдельными общинами, и до 1807 года зафиксировано образование восьми таких негритянских церквей. Это привело к появлению лидеров, которые обычно становились проповедниками в этих церквях. Одним из них был Ричард Аллен, основатель Африканской методистской церкви; другим - Лот Кери, один из основателей Либерии. На Юге был Джон Чевис, который прошел обычный курс обучения в нынешнем Университете Вашингтона и Ли. Он открыл школу для белых юношей в Северной Каролине, и среди его учеников были сенатор Соединенных Штатов, сыновья главного судьи Северной Каролины, губернатор штата и многие другие. Он был полнокровным негром, но один южный писатель утверждает, что "все сходятся во мнении, что Джон Чевис был джентльменом. Его принимали в обществе лучших белых и приглашали к столу".[95]

В войне 1812 года тридцать три сотни негров помогли Джексону выиграть битву при Новом Орлеане, а многие сражались в штате Нью-Йорк и на флоте под командованием Перри, Ченнинга и других. Негритянка Филлис Уитли писала стихи, а мулат Бенджамин Баннекер опубликовал одну из первых американских серий альманахов.

В общем, в первые годы девятнадцатого века казалось, что рабство в Соединенных Штатах постепенно исчезнет и негр со временем получит шанс стать мужчиной. Однако в период с 1820 по 1830 год произошли перемены, которые напрямую связаны с промышленной революцией XIX века.

В период с 1738 по 1830 год произошел ряд замечательных изобретений, которые произвели революцию в методах изготовления тканей. В эту серию вошли изобретение летучего

челнока, чесальной машины, парового двигателя и ткацкого станка. Мир начал искать более дешевое и крупное волокно для ткачества. Оно было найдено в хлопчатнике, и юг Соединенных Штатов был особенно приспособлен для его выращивания. Изобретение хлопкоочистительной машины устранило последние трудности. Теперь у южан была культура, которую можно было выращивать с помощью неквалифицированного труда и на которую был практически неограниченный спрос. Земли, и богатой земли, было в избытке. В результате урожай хлопка в Соединенных Штатах вырос с 8 000 тюков в 1790 году до 650 000 тюков в 1820 году, до 2 500 000 тюков в 1850 году и до 4 000 000 тюков в 1860 году.

В этом росте можно увидеть экономическую основу нового рабства в Соединенных Штатах, которое поднялось во втором десятилетии девятнадцатого века. Очевидно, что роковое промедление с решением проблемы рабства в восемнадцатом веке получило в девятнадцатом веке свое страшное вознаграждение. Изменение отношения к рабству проявлялось по-разному. Юг больше не оправдывал рабство, а стал защищать его как экономическую систему. Исполнение законов о работорговле стало печально известным, и появилась тенденция к ужесточению рабских кодексов.

Это привело к мести со стороны негров. До этого в Соединенных Штатах не было такого количества попыток восстания. Рабы были распределены по обширной территории, и прежде чем они стали достаточно разумными, чтобы сотрудничать, перед ними открылась возможность эмансипации. Упоминается несколько небольших восстаний в Южной Каролине в начале XVIII века, а одно из них, устроенное Катонем в Стоно в 1740 году, вызвало всеобщую тревогу. Негритянский заговор в Нью-Йорке в 1712 году довел город до истерики. Больше заговоры не принимали никаких масштабов вплоть до восстания Хейтиана, когда Габриэль в Вирджинии предпринял неудачную попытку. В 1822 году свободный негр Дания Весей в Южной Каролине провалил хорошо спланированный заговор, а через десять лет после этого, в 1831 году, Нат Тернер возглавил восстание в Виргинии и убил пятьдесят одного человека. Результатом этого восстания стала кристаллизация тенденций к суровости, которые экономическая революция делала целесообразными.

По Югу прокатилась волна законов, запрещающих рабам учиться читать и писать, запрещающих неграм проповедовать и препятствующих проведению негритянских религиозных собраний. В 1831 году в Вирджинии было объявлено, что ни рабы, ни свободные негры не могут проповедовать, а также посещать религиозные службы по ночам без разрешения. В Северной Каролине рабам и свободным неграм было запрещено проповедовать, увещевать или учить "на любом молитвенном собрании или другом культовом объединении, где собираются рабы разных семей" под страхом наказания в виде тридцати девяти ударов плетью. Подобные законы были приняты в Мэриленде, Джорджии и других штатах.

Однако реальное восстание негров против рабства происходило не путем борьбы, а путем бегства, обычно на Север, который недавно освободился от рабства. С начала девятнадцатого века рабы стали бежать в значительных количествах. В основном бегство происходило по четырем географическим маршрутам: один из них, ведущий на юг, проходил по линии болот вдоль побережья от Норфолка, штат Вирджиния, до северной границы Флориды. Это породило негритянский элемент среди индейцев Флориды и привело к двум войнам с семинолами в 1817 и 1835 годах. Эти войны на самом деле были набегами на рабов, чтобы заставить индейцев отказаться от негров и полукровок, проживавших среди них. Войны обошлись Соединенным Штатам в десять миллионов долларов и две тысячи жизней.

Великий Аппалачский хребет с прилегающими к нему горами был самым безопасным путем на север. Третий путь пролегал через Теннесси, Кентукки и сердце Камберлендских гор, используя известняковые пещеры, а западным туннелем служила долина Миссисипи.

Эти беглецы и освобожденные северяне вскоре начали формировать группу людей, которые стремились рассмотреть проблему рабства и судьбы негра в Америке. За годы с 1700 по 1850 год они прошли через множество психологических изменений. Сначала, в начале восемнадцатого века, была только одна мысль: восстание и месть. Развитие второй половины века принесло надежду и приспособление и подчеркнуло различия между рабом и свободным негром. В первой половине XIX века возникли два движения: среди свободных негров - попытка саморазвития и защиты через организацию; среди рабов и недавних беглецов - явный возврат к старой идее бунта.

Когда новое промышленное рабство, последовавшее за подъемом хлопкового королевства, стало давить все сильнее, в черном мире наступил период бури и стресса, и в 1829 году появился первый полновзвучный, почти истерический протест негра против рабства и цветовой линии в "Обращении" Дэвида Уокера, который побудил законодательные органы Юга к действию.

Десятилетие 1830-40 годов стало суровым периодом испытаний. Не только на Юге цепи рабства были крепче, но и на Севере свободный негр начинал ощущать остракизм и конкуренцию со стороны белых рабочих, местных и иностранных. В Филадельфии с 1829 по 1849 год шесть толп хулиганов и иностранцев убивали и жестоко обращались с неграми. На Среднем Западе суровые черные законы, принятые еще в прежние времена, были извлечены из своих тайников и приведены в действие. Ни одному негру не разрешалось селиться в Огайо, если он в течение двадцати дней не давал залог в размере пяти тысяч долларов в качестве гарантии своего хорошего поведения и содержания. За укрывательство или сокрытие беглецов полагался крупный штраф, и ни один негр не мог давать показания по любому делу, где стороной выступал белый человек. Эти законы начали исполняться в 1829 году, и в течение трех дней в Цинциннати продолжались беспорядки, а негры стреляли и убивали. Возбужденные, негры отправили депутацию в Канаду, где им предложили убежище. Из Огайо переселилось около двух тысяч человек. Позже к ним присоединилось большое количество людей из других частей Соединенных Штатов.

В 1830-31 годах в Филадельфии были созваны первые негритянские съезды, на которых рассматривалось отчаянное положение негритянского населения, а в 1833 году съезд собрался вновь, и были созданы местные общества. Первая негритянская газета была выпущена в Нью-Йорке в 1827 году, а позднее эмансипация в Британской Вест-Индии принесла некоторое оживление во тьму.

Была создана система отдельных негритянских школ, появилась маленькая группа аболиционистов во главе с Гаррисоном и другими. Несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, внутреннее развитие свободного негра на Севере продолжалось. С 1830 по 1840 год негритянское население увеличилось на двадцать три процента; в Филадельфии в 1838 году насчитывалось сто небольших благотворительных обществ, а негры из Огайо владели десятью тысячами акров земли. Мятеж рабов на креольском судне, создание негритянского общества Odd Fellows и рост негритянских церквей - все это свидетельствовало о прогрессе.

В период с 1830 по 1850 год согласованное сотрудничество по оказанию помощи беглецам стало известно как Подземная железная дорога. Это была организация не только белых филантропов, но и негров, которые сотрудничали с ними в самой трудной части работы.

Сотни негров посещали рабовладельческие штаты, чтобы переманить рабов, а список операторов Подземной железной дороги, приведенный Зибертом, содержит сто двадцать восемь имен негров. В Канаде и на севере Соединенных Штатов существовало тайное общество, известное как Лига свободы, которое специально помогало рабам бежать. Гарриет Табман была одной из самых энергичных проводниц рабов и вывезла несколько тысяч рабов. Уильям Ламберт, цветной человек, по слухам, в период с 1829 по 1862 год помог бежать тридцати тысячам.

Десятилетие 1840-50 годов было периодом надежд и подъема для негритянской группы, с явными признаками явного самоутверждения и продвижения вперед. Появилось несколько хорошо подготовленных юристов и врачей, а цветные заняли свое место среди ораторов, выступающих за отмену рабства. В их руки в значительной степени перешел ресторанный бизнес в Филадельфии и других городах, появились мелкие торговцы. Прежде всего, в 1841 году Фредерик Дуглас произнес свою первую речь и впоследствии стал одной из самых заметных фигур в крестовом походе за отмену рабства. В конце сороковых годов начала собираться новая серия национальных конвентов, делегатами которых становились ремесленники и высшие служащие, что свидетельствовало о значительном росте эффективности рядовых членов свободных негров.

К 1850 году численность негров возросла до трех с половиной миллионов. Те, кто жил в Канаде, объединялись в поселения и накапливали имущество. Бегство беглых рабов систематизировалось, и собирались самые представительные конвенции. Один из них, в частности, в 1854 году, откровенно обсуждал проблему эмиграции. Казалось, что негры не смогут остаться в Соединенных Штатах и быть свободными. Еще в 1788 году негритянский союз из Ньюпорта, штат Род-Айленд, предложил организовать всеобщий исход в Африку. Джон и Пол Каффе, подав петицию о праве голоса в 1780 году, в 1815 году отправились в Африку, организовав за свой счет экспедицию, которая обошлась в четыре тысячи долларов. Лот Кэри организовал Общество африканской миссии в 1813 году, а первый негр, окончивший колледж, отправился в Либерию в 1829 году и стал суперинтендантом государственных школ. Колонизационное общество поощряло эту миграцию, а сами негры организовали исход в Канаду.

Негритянский съезд в Рочестере в 1853 году высказался против миграции, но, тем не менее, в разные стороны были отправлены эмиссары, чтобы узнать, какие стимулы можно предложить. Один отправился в долину Нигера, другой - в Центральную Америку, а третий - в Хейти. Поездка в Хайти оказалась успешной, и в итоге в Хайти поселилось около двух тысяч чернокожих эмигрантов.

Дилейни, отправившийся в Африку, заключил договор с восемью королями, предлагая неграм заманчивые условия, но из этого ничего не вышло. В 1853 году негры, такие как Пурвис и Барбадос, помогли в создании Американского общества борьбы с рабством, и некоторое время цветные сотрудничали с Джоном Брауном и, возможно, оказали бы ему значительную помощь, если бы были хорошо осведомлены о его планах. Как бы то ни было, шесть или семь из двадцати двух его последователей были неграми.

В то же время рабовладельческая власть была вынуждена из-за высокой цены на рабов и истощения хлопковых земель предъявлять все более высокие требования. В 1820 году рабство было введено к северу от линии Мейсона и Диксона; в 1850 году была присоединена новая рабовладельческая империя с тысячами рабов; был принят закон о беглых рабах, который ставил под угрозу свободу каждого свободного негра; наконец, была предпринята решительная попытка ввести рабство на Северо-Западе в конкуренции со свободным белым

трудом, и возникли менее эффективные, но мощные движения за присоединение новых рабовладельческих территорий к югу и за возобновление африканской работорговли.

Это выглядело как триумфальное шествие для рабовладельческих баронов, но каждый шаг обходился дороже предыдущего. Миссури дал толчок раннему аболиционистскому движению. Мексика и закон о беглых рабах вызвали глубокую оппозицию на Севере, а Канзас развил атаку на систему свободного труда не только Севера, но и всего цивилизованного мира. Результатом стала война, но война эта была не против рабства. Она велась для того, чтобы защитить свободных белых рабочих от конкуренции со стороны рабов, а сделать это считалось возможным путем сегрегации рабства.

Первое, что беспокоило армии северян на южной земле во время войны, - это вопрос о том, как распорядиться беглыми рабами, которых сразу же стало прибывать все больше и больше. Батлер конфисковал их, Фремонт освободил, Хэллек поймал и вернул; но их число выросло до таких размеров, что просто экономическая проблема их присутствия затмила все остальное, особенно после принятия Прокламации об эмансипации. Линкольн был рад их появлению, как только осознал их силу для Конфедерации.

Прокламация об эмансипации была вынужденной не только из-за необходимости парализовать промышленность на Юге, но и из-за необходимости нанимать негритянских солдат. В течение первых двух лет войны никто не хотел брать негров-солдат. Было объявлено, что это "война белого человека". Генерал Хантер попытался собрать полк в Южной Каролине, но военное министерство отклонило это предложение. В Луизиане негры стремились записаться в полк, но их удерживали. Тем временем война шла не так хорошо, как надеялись северяне, и двадцать шестого января 1863 года военный министр разрешил губернатору Массачусетса сформировать два полка негритянских войск. Фредерик Дуглас и другие с энтузиазмом взялись за дело, и в итоге в армию северян записались сто восемьдесят семь тысяч негров, из которых семьдесят тысяч были убиты и ранены. Поведение этих солдат было образцовым. Они были незаменимы в лагере и храбры на поле боя, где сражались в двухстах тринадцати битвах. Генерал Бэнкс писал: "Их поведение было героическим. Ни одно войско не могло быть более решительным или более смелым".[96]

Штурм форта Вагнер, возглавляемый тысячей чернокожих солдат под командованием белого полковника Шоу, является одним из величайших подвигов отчаянной храбрости в истории. С другой стороны, обращение с негритянскими солдатами, попавшими в плен к конфедератам, было варварским. В форте Пиллоу, после капитуляции федеральных войск, цветной полк был без разбора зарублен, а некоторые из них были похоронены заживо.

Авраам Линкольн сказал: "Малейшее знание арифметики докажет любому человеку, что армии мятежников невозможно уничтожить с помощью демократической стратегии. Для этого пришлось бы пожертвовать всеми белыми людьми Севера. Сейчас на службе Соединенных Штатов находится около двухсот тысяч трудоспособных цветных мужчин, большинство из них под оружием, защищают и завоевывают территорию Союза..... Откажитесь от всех постов, которые сейчас гарнизионованы чернокожими; возьмите двести тысяч человек с нашей стороны и выведите их на поле боя или кукурузное поле против нас, и мы будем вынуждены отказаться от войны через три недели".[97] Таким образом, эмансипация стала военной мерой, призванной сломить мощь Конфедерации, сохранить Союз и завоевать симпатии цивилизованного мира.

Однако двести сорок четыре года рабства не могли быть остановлены одним указом. Существовали юридические трудности, медленная проблема экономического переустройства, а также тонкие и далеко идущие вопросы будущих расовых отношений.

Особые обстоятельства эмансипации заставили юридические и политические трудности выйти на первый план, и они были настолько яркими, что с тех пор заслоняют собой все остальные в глазах студентов. Совершенно неожиданно и непредусмотрительно нация эмансипировала четыре миллиона рабов. Как только дело было сделано, большинство народа обрадовалось и признало, что это, в конце концов, единственный результат страшной четырехлетней войны, который хоть в какой-то степени ее оправдывал. Но как закрепить этот результат на все времена? Существовало три возможности: (1) объявить раба свободным и оставить его на милость прежних хозяев; (2) установить тщательную правительственную опеку, призванную провести раба от юридической к реальной экономической свободе; (3) дать негру политическую власть, чтобы он сам защищал себя так хорошо, как только мог, во время этого развития. Очень легко забыть, что правительство Соединенных Штатов последовательно испробовало каждый из этих способов и было буквально вынуждено принять третий, потому что первый полностью провалился, а второй был признан слишком "отеческим" и особенно слишком дорогостоящим. Оставить негров беспомощными после бумажного эдикта об эмансипации было явно невозможно. Это означало бы, что война велась напрасно.

Карл Шурц, проехавший по Югу сразу после войны, отмечал: "Во многих районах Юга царил настоящий террор. Негр не находил справедливости в местных судах против белого человека. Он мог искать защиты только в вооруженных силах Соединенных Штатов, которые все еще стояли гарнизонами в штатах, недавно охваченных восстанием, и в Бюро свободных людей".^[98] Бюро свободных людей было предложено Чарльзом Самнером. Если бы оно было представлено сегодня, а не пятьдесят лет назад, его сочли бы предложением куда менее революционным, чем государственное страхование в Англии и Германии. Однако полвека назад, в стране, где экономика *laissez faire* подверглась самому жестокому испытанию, Бюро свободных людей показалось всей нации немыслимым, разве что в качестве временной меры и для облегчения наиболее острых форм бедствия после войны. Однако предложения Бюро были просты и разумны:

1. Контролировать заключение и исполнение контрактов о заработной плате для вольноотпущенников.
2. Выступать в судах в качестве лучшего друга вольноотпущенников.
3. Обеспечить вольноотпущенников минимальным количеством земли и капитала.
4. Основать школы.
5. Обеспечить такие учреждения помощи, как больницы, пункты помощи на открытом воздухе и т. д.

Как здравомыслящие люди могли рассчитывать на то, что смогут провести раба к свободе, имея меньше, чем это, трудно представить. Даже при таком обучении, растянувшемся на два-три десятилетия, конечной целью должно было стать получение гражданства, политической и социальной свободы для тех вольноотпущенников, которые достигли определенного стандарта. В противном случае все обучение не имело ни цели, ни гарантий. Именно по этой причине бывшие хозяева всеми силами противостояли Бюро вольноотпущенников. Они не хотели ни обучать негров, ни действительно освобождать их, и безжалостно критиковали многочисленные ошибки нового Бюро.

Сначала северяне думали оплатить основные расходы на Бюро свободных людей за счет конфискации имущества бывших рабовладельцев; но, обнаружив, что это не соответствует

закону, они поняли, что ввязываются в предприятие, которое должно было добавить много миллионов к и без того ошеломляющим расходам на войну. Поэтому, увидев, что отмена рабства не может быть возложена на белый Юг и не может быть осуществлена Севером без времени и денег, они решили возложить ответственность на самого негра. Это был, без сомнения, грандиозный эксперимент, но при всех своих явных ошибках он увенчался поразительным успехом. Он сделал невозможным немедленное восстановление старого рабства, и это был, пожалуй, единственный быстрый способ сделать это. Она дала сыновьям вольноотпущенников шанс начать образование. Это отвлекало энергию белых рабов Юга на восстановление политической власти, и в этот промежуток времени, каким бы маленьким он ни был, негр делал первые шаги к экономической свободе.

Трудности, с которыми столкнулись политики реконструкции, заключались в следующем: (1) Они должны были действовать быстро. (2) Эмансипация увеличила политическую власть Юга на одну шестую часть. Можно ли отдать эту возросшую политическую власть в руки тех, кто, защищая рабство, разрушил Союз? (3) Как отмена рабства должна была стать эффективной? (4) Какова должна быть политическая позиция освобожденных?

За свою короткую жизнь Бюро вольноотпущенников выполнило большую задачу. Карл Шурц в 1865 году с полным основанием утверждал, что "и половины того, что было сделано на Юге в этом году или будет сделано в следующем, не было бы сделано и не будет сделано, если бы не усилия Бюро вольноотпущенников" (Freedmen's Bureau....). Никакое другое учреждение, кроме того, которое было создано национальным правительством, не могло бы обладать той моральной властью, чье вмешательство было так необходимо, чтобы предотвратить падение южного общества в хаос всеобщего столкновения между его различными элементами".^[99] Несмотря на это, Бюро было временным, рассматривалось как временная мера и вскоре было упразднено.

Тем временем частичное избирательное право негров казалось не только справедливым, но и почти неизбежным. В 1864 году Линкольн "осторожно" предложил Луизиане рассмотреть в частном порядке, "не могут ли некоторые цветные люди быть допущены к участию, например, очень умные, и особенно те, кто доблестно сражался в наших рядах. Они, возможно, помогли бы в грядущие трудные времена сохранить жемчужину свободы в семье свободы". Действительно, "семья свободы" в Луизиане была тогда несколько мала, кому же еще можно было доверить эту "драгоценность"? Позже и по другим причинам Джонсон в 1865 году писал в Миссисипи: "Если бы вы могли распространить избирательное право на всех цветных, которые могут прочитать Конституцию Соединенных Штатов на английском языке и написать свое имя, и на всех цветных, которые владеют недвижимостью стоимостью не менее двухсот пятидесяти долларов и платят с нее налоги, вы бы полностью обезоружили противника и показали бы пример, которому последуют другие штаты. Это вы можете сделать с полной уверенностью, и таким образом вы поставите южные штаты в отношении свободных цветных людей на одну основу со свободными штатами. Я надеюсь и верю, что ваш съезд так и поступит".

Негры сами стали требовать избирательного права. Съезд Джорджии в Августе (1866) выступил с "предложением предоставить избирательное право тем, кто умеет хорошо писать и читать и обладает определенным имущественным цензом". Ответ Юга на эти предложения был решающим. Только в Теннесси была предпринята попытка хотя бы предположить возможность предоставления неграм избирательного права в будущем, и она провалилась. Во всех остальных штатах принятые "Черные кодексы", конечно, не обнадеживали друзей

свободы. Конечно, это было не то время, когда можно было ожидать спокойных, хладнокровных, продуманных действий со стороны белого Юга. Их экономическое положение было плачевным, их страх перед свободой негров - неподдельным. И все же разумно было ожидать от них чего-то меньшего, чем подавление и полная реакция на рабство. В какой-то степени эти ожидания оправдались. Отмена рабства была признана на законодательном уровне, и гражданские права на владение собственностью и выступление в качестве свидетеля по делам, в которых он был участником, были, как правило, предоставлены неграм; однако во многих случаях это сопровождалось суровыми и невыносимыми правилами, которые в значительной степени нейтрализовали уступки и, конечно, давали основания предполагать, что, получив свободу, Юг фактически вновь обратит негров в рабство. Сами цветные, естественно, опасались этого, протестуя, как в Миссисипи, "против преобладающей реакционной политики и выражая опасение, что законодательное собрание примет такие предписывающие законы, которые изгонят освобожденных из штата или практически обратят их в рабство".

Кодексы говорили сами за себя. Как говорит Берджесс, "почти каждое действие, слово или жест негра, не согласующиеся с хорошим вкусом и хорошими манерами, а также с хорошей моралью, считались преступлением или проступком, за который он мог быть сначала оштрафован магистратом, а затем отправлен в состояние почти рабства на неопределенное время, если он не мог оплатить счет".^[100]

Учитывая все вышесказанное, представляется вероятным, что, если бы Югу позволили идти своим путем в 1865 году, суровость негритянского рабства была бы смягчена настолько, чтобы затруднить работорговлю и сделать возможным для негра владеть собственностью и выступать в некоторых случаях в суде; но в большинстве других аспектов негры остались бы в рабстве.

Что могло бы предотвратить это? Бюро свободных людей, созданное на десять, двадцать или сорок лет, с тщательным распределением земли и капитала и системой образования для детей, могло бы предотвратить такое расширение рабства. Но страна не прислушалась к такому всеобъемлющему плану. Ограниченное предоставление избирательного права, добровольно сделанное штатами, стало бы обнадеживающим доказательством желания справедливо относиться к вольноотпущенникам и, по крайней мере, частично уравнило бы возросшую политическую власть Юга. Но такого стремления не наблюдалось.

Например, в Луизиане в рамках предложенной реконструкции "ни один негр не был допущен к голосованию, хотя в то самое время богатые интеллигентные свободные цветные жители штата платили налоги на имущество, оцененное в пятнадцать миллионов долларов, и многие из них были хорошо известны своим патриотическим рвением и любовью к Союзу".^[101]

Таким образом, аргументы в пользу всеобщего избирательного права негров с самого начала были сильны и остаются таковыми до сих пор, и никто бы не усомнился в их силе, если бы не предположение, что эксперимент провалился. Фредерик Дуглас сказал президенту Джонсону: "Ваш благородный и гуманный предшественник вложил в наши руки меч, чтобы помочь спасти нацию, и мы надеемся, что вы, его умелый преемник, благосклонно отнесетесь к тому, чтобы вложить в наши руки избирательный бюллетень, с помощью которого мы сможем спасти себя".^[102]

Карл Шурц писал: "Напрасно говорить, что настанет время говорить о негритянском избирательном праве, когда вся цветная раса будет образована, ибо избирательный бюллетень может быть ему необходим для обеспечения образования".^[103]

Предоставление неграм полного избирательного права означало для Юга одну из двух альтернатив: (1) возвышение негров в целях самосохранения. Именно этого ожидали Шурц и более здравомыслящий Север. Как сказал один из школьных суперинтендантов Юга: "Повышение статуса этого класса - дело первостепенной важности, поскольку избирательный бюллетень в руках чернокожего гражданина имеет такую же силу, как и в руках белого". Или (2) негритянское избирательное право означало решительную концентрацию усилий Юга, направленных на то, чтобы лишить негров избирательного права или аннулировать его использование. Последнее и произошло на самом деле. Но даже в этом случае было потрачено столько сил на то, чтобы лишить негра права голоса, что план по удержанию его в виртуальном рабстве и лишению его образования частично провалился. Потребовалось десять лет, чтобы частично аннулировать избирательное право негров, и двадцать лет, чтобы избавиться от страха перед федеральным вмешательством. За эти двадцать лет огромное количество негров вышло из рабства навсегда. Долговой пеонаж можно было применить к части сельского Юга, что и было сделано; но даже здесь появился новый негр-землевладелец. Таким образом, несмотря ни на что, Пятнадцатая поправка, и только она, стала смертельным ударом по рабству.

Шаги к принятию Пятнадцатой поправки делались медленно. Сначала неграм разрешили участвовать в восстановлении правительств штатов. Это было неизбежно, если мы хотели получить лояльные правительства. Затем восстановленным правительствам штатов было предписано предоставить право голоса всем гражданам, черным или белым, или пропорционально сократить их представительство в Конгрессе. Наконец, Соединенные Штаты сказали последнее слово простой справедливости: штаты могут регулировать избирательное право, но ни один штат не может лишить человека права голоса только потому, что он негр или был рабом.

По этим причинам негр был лишен избирательных прав. Каков же был результат? Ни один язык не жалеет слов, чтобы описать эти результаты как худшие из всех мыслимых. Это неправда. Были плохие результаты, и плохие результаты, вытекающие из избирательного права негров; но эти результаты не были такими плохими, как их обычно рисуют, и избирательное право негров не было главной причиной многих из них. Не будем забывать, что белый Юг считал жизненно важным для своего благополучия, чтобы эксперимент с избирательным правом для негров бесславно провалился, и что почти все белые были готовы обеспечить этот провал либо активной силой, либо пассивным попустительством; кроме того, как и следовало ожидать, были люди, черные и белые, северяне и южане, слишком охотно воспользовавшиеся такой ситуацией, чтобы свить собственное гнездо. В таком случае должно быть много зла; но обвинять в этом зле негритянское избирательное право несправедливо. Его можно списать на гнев, бедность, продажность и невежество, но гнев и бедность были почти неизбежным последствием войны; продажность была гораздо выше среди белых, чем среди негров, как на Севере, так и на Юге, и хотя невежество было проклятием негров, вина была не их, и они взяли на себя инициативу по ее исправлению.

Главные обвинения в адрес негритянских правительств - это расточительность, воровство и некомпетентность чиновников. Нет ни одного серьезного обвинения в том, что эти правительства угрожали цивилизации или основам общественного порядка. Обвинения сводятся к тому, что они угрожают собственности и что они неэффективны. Отчасти эти обвинения, несомненно, верны, но зачастую они преувеличены. Юг был страшно обнищавшим и обремененным новым социальным бременем. Другими словами, штатам с меньшими ресурсами было предложено выполнить не только работу по восстановлению, но и большую социальную работу. Владельцы собственности были в шоке. Они не просто

отказались, но, предрекая разорение и революцию, обратились к тайным обществам, к запугиванию, силе и убийствам. Они отказывались верить в то, что эти новички в правительстве и их друзья были не кем иным, как мошенниками и глупцами. В обстоятельствах, сложившихся непосредственно после войны, самый мудрый государственный деятель был бы вынужден прибегнуть к увеличению налогов и, в свою очередь, был бы осужден как экстравагантный, нечестный и некомпетентный. Поэтому легко понять, какие пламенные и невероятные истории о правительствах Реконструкции могли получить широкую огласку и веру. На самом деле экстравагантность, хотя и большая, не была всеобщей, и во многом она объяснялась духом экстравагантности, пронизывающим всю страну в день раздутых валютных курсов и спекуляций.

То, что негры, возглавляемые ловкими ворами, поначалу стали орудиями труда и получали небольшую долю добычи, - правда. Но к этому следует добавить два соображения: большая часть законов, которые привели к мошенничеству, была представлена неграм как хорошие законы, и таким образом их голоса были обеспечены путем преднамеренного введения в заблуждение. Возьмем, к примеру, земельные махинации в Южной Каролине. Один мудрый негритянский лидер этого штата, выступая за покупку государством фермерских земель, сказал: "Одним из величайших оплотов рабства была адская система плантаций, когда один человек владел тысячей, другой - двадцатью, третий - пятьюдесятью тысячами акров земли. Это единственный способ разрушить эту систему, и я утверждаю, что наша свобода не будет иметь никакого значения, если мы позволим ей сохраниться". В чем главная причина процветания Севера? В том, что у каждого человека есть своя ферма, и он свободен и независим. Пусть земли Юга будут разделены таким же образом".[104]

Подобные аргументы побудили негров поддержать план покупки земли и ее распределения. Однако большая часть из восьмисот тысяч долларов, выделенных на эти цели, была потрачена впустую и ушла в карманы белых землевладельцев.

Самый непростительный обман негров произошел через Банк свободных людей. Этот банк был учрежден Конгрессом в 1865 году, и в списке его учредителей значились такие известные в Америке люди, как Питер Купер, Уильям Каллен Брайан и Джон Джей. Однако в 1874 году банк потерпел крах, задолжав вольноотпущенникам их первые сбережения в размере более трех миллионов долларов. Они так и не были возмещены.

Многие негры, несомненно, были продажными, но еще больше было невежественных и обманутых. Вопрос в другом: Проявляли ли они хоть какие-то признаки склонности к обучению? Теория демократического правления заключается не в том, что воля народа всегда правильна, а в том, что нормальные человеческие существа со средним уровнем интеллекта, если им дать шанс, научатся правильному и лучшему курсу на горьком опыте. Именно это и продемонстрировали негритянские избиратели. Во-первых, они стремились создать школы, чтобы ликвидировать невежество, а во-вторых, все большее их число восставало против расточительности и воровства, которыми было омрачено начало Реконструкции, и вместе с лучшими элементами проводило реформы. Самое большое клеймо на белом Юге не в том, что он выступал против избирательного права негров и возмущался воровством и некомпетентностью, а в том, что, видя, как растут и даже в некоторых случаях побеждают реформаторские движения и все большее число черных избирателей учатся голосовать за честность и способности, он все равно предпочел Царство террора кампании просвещения и лишил негров избирательных прав вместо того, чтобы наказывать негодяев.

Никто не выразил это убедительнее, чем негр, который сам был членом законодательного собрания Южной Каролины времен Реконструкции и выступал на съезде, лишившем его избирательных прав, против одного из натисков Тиллмана. "Мы были у власти восемь лет. Мы построили школы, создали благотворительные учреждения, создали и поддерживали пенитенциарную систему, обеспечили образование глухонемых, перестроили тюрьмы и судебные здания, восстановили мосты и паромы. Короче говоря, мы реконструировали штат и поставили его на путь процветания, и в то же время своими актами финансовой реформы передали правительству Хэмптона задолженность, которая не превышала более чем на два с половиной миллиона долларов кабальный долг штата в 1868 году, до прихода к власти негров-республиканцев и их белых союзников".[105]

Так и в Луизиане в 1872 году, и в Миссисипи позже, лучший элемент республиканцев одержал победу на выборах и, объединившись с демократами, провел реформы, отказался от худших расточительств и начал двигаться к лучшим вещам. К сожалению, была одна вещь, которой белый Юг боялся больше, чем негритянской нечестности, невежества и некомпетентности, и это была негритянская честность, знание и эффективность.

Несмотря на все эти трудности, негритянские правительства на Юге совершили много положительного. Мы можем выделить три вещи, которые негритянское правление дало Югу: (1) демократическое правительство, (2) бесплатные государственные школы, (3) новое социальное законодательство.

В целом, слова судьи Альбиона У. Турги, белого "упаковщика ковров", верны, когда он говорит о негритянских правительствах: "Они подчинились Конституции Соединенных Штатов и аннулировали облигации штатов, графств и городов, которые были выпущены для ведения войны с мятежниками и содержания армий в полевых условиях против Союза. Они создали систему государственных школ в странах, где до этого не было государственных школ. Они открыли избирательные урны и суды присяжных для тысяч белых мужчин, которые были лишены доступа к ним из-за отсутствия земных благ. Они ввели самоуправление на Юге. Они отменили бичевание, клеймо, колодки и другие варварские формы наказания, которые до этого времени преобладали. Они сократили число тяжких преступлений с двадцати до двух или трех. В эпоху расточительности они были расточительны в суммах, выделенных на общественные работы. За все это время ни один человек не посягнул на права личности под действием закона. Жизнь, дом, очаг и бизнес каждого демократа были в безопасности. Ни один человек не преграждал белому путь к избирательной урне, не препятствовал его свободе слова и не бойкотировал его по причине его политической веры".[106]

Тщательное изучение законодательства, сопровождавшего эти конституции, и его последующих изменений показывает сравнительно небольшое количество изменений в законодательстве и правительстве, которые принесло свержение негритянского правления. Были введены резкие и зачастую болезненные экономические изменения, ознаменовавшие возвращение собственности к власти; произошла масштабная смена чиновников, но основной массив законодательства Реконструкции остался в силе. Демократия Реконструкции привела к появлению новых лидеров и определенно свергла старую аристократию Юга. Среди этих новых людей были достойные и способные негры. Джон Р. Линч, будучи спикером Палаты представителей Миссисипи, получил публичный отзыв от республиканцев и демократов, а ведущая белая газета отметила: "Его поведение на посту было настолько правильным, а его решения так резко контрастировали с пристрастным поведением бесчестных белых из его партии, которые стремились стать лидерами черных, что консерваторы с радостью присоединились к отзыву".[107]

О цветном казначее Южной Каролины белый губернатор Чемберлен сказал: "Я никогда не слышал ни одного слова и не видел ни одного поступка мистера Кардозы, которые не подтвердили бы мою уверенность в его личной честности, политической чести и рвении к честному управлению правительством штата. Во всех случаях и при любых обстоятельствах он выступал против мошенничества и грабежа и в пользу хороших мер и хороших людей".[\[108\]](#)

Джонатан К. Гиббс, цветной человек и первый суперинтендант штата Флорида, был выпускником Дартмута. Он создал эту систему и привел ее к успеху, а в 1874 году умер в упряжке. Таких людей - а были и другие - не стоит забывать или смешивать с другими типами цветных и белых лидеров Реконструкции.

Несомненно, жажда чернокожего человека к знаниям, жажда, которая была слишком настойчивой и долговременной, чтобы быть простым любопытством или прихотью, привела к появлению системы государственных школ на Юге. Это был вопрос, на котором больше всего настаивали чернокожие избиратели и законодатели, и хотя в некоторых южных штатах до войны можно найти остатки бесплатных школ, все же всеобщая, устоявшаяся система возникла с того дня, когда чернокожий человек получил политическую власть.

Наконец, если говорить о законодательстве, касающемся собственности, широких функций государства, наказания за преступления и т. п., то достаточно сказать, что законы по этим вопросам, принятые законодательными органами Реконструкции, не только отличались от законов старого Юга и даже были революционными, но были настолько мудрыми и так хорошо соответствовали потребностям нового Юга, что, несмотря на регрессивное движение, последовавшее за свержением негритянских правительств, масса этих законов, с уточнениями и развитием, все еще остается в сводах законов Юга.[\[109\]](#)

Победа реакции на Юге открыла новую эру, в которой можно выделить три фазы: возобновление попытки низвести негров до крепостной зависимости, подъем негритянского метайера и экономическое бесправие рабочего класса Юга.

Попытка заменить индивидуальное рабство была сорвана Бюро свободных людей и Пятнадцатой поправкой. За лишением гражданских прав в 1876 году последовал повсеместный рост "преступного" пеонажа. Были приняты строгие законы о бродяжничестве, опеке и трудовых договорах, а судьям и присяжным была предоставлена большая свобода действий в делах о мелких преступлениях. В результате негров стали систематически арестовывать под малейшим предлогом, а труд осужденных сдавать в аренду частным лицам. Эта "система аренды каторжников" была почти повсеместной на Юге примерно до 1890 года, когда ее вопиющие злоупотребления и жестокость вызвали возмущение всей страны. Она до сих пор сохранилась на обширных территориях и является не только причиной впечатления, что негр - прирожденный преступник, но и неспособности южных судов выполнять свои обычные функции после столь долгого протуирования в целях, далеких от правосудия.

В более нормальных экономических условиях работодатели начали с системы трудовых договоров. До войны они владели рабочей силой, землей и средствами к существованию. После войны они по-прежнему владели землей и средствами к существованию. Рабочий нанимался, а средства к существованию "авансировались" ему на время выращивания урожая. Падение Бюро свободных людей помешало преобразованию этой системы в современную систему оплаты труда и позволило обманывать рабочих, взимая высокие проценты с авансированных средств существования и фактически обманывая их в бухгалтерских счетах.

Черные рабочие стали глубоко недовольны этой системой и начали мигрировать из деревни в города, где спрос на рабочую силу возрастал. Фермеры-работодатели с горечью жаловались на нехватку рабочей силы и негритянскую "лень" и добились принятия более суровых законов о бродяжничестве и трудовых договорах, а также законов, запрещающих "переманивать" рабочих. Эти законы были настолько суровы, что зачастую рабочему было невозможно прекратить работу, не совершив преступление. Тем не менее конкуренция вынуждала землевладельцев предлагать все новые и новые стимулы для фермерских рук. Результатом стало появление арендатора черной доли: рабочий, получавший более высокую зарплату, копил небольшой капитал и начинал арендовать землю участками по сорок-восемьдесят акров, сам приобретая инструменты и семена и практически самостоятельно добывая себе пропитание. Таким образом, весь облик трудового договора на Юге в десятилетие 1880-90 годов превратился из договора с номинальной заработной платой в систему аренды. Большие плантации, очевидно, распались на фермы по сорок и восемьдесят акров с чернокожими фермерами. Многим казалось, что эмансипация свершилась, и чернокожие были особенно полны радости и надежды.

Однако вскоре стало очевидно, что перемены были лишь частичными. Помещик по-прежнему владел землей большими участками. Он сдавал ее в аренду арендаторам небольшими фермами, но сохранял прямой контроль. Теоретически рабочий предоставлял капитал, но в большинстве случаев он занимал хотя бы часть этого капитала у какого-нибудь торговца.

Таким образом, розничный торговец становился посредником между землевладельцем и рабочим. Он гарантировал землевладельцу арендную плату и избавлял его от лишних забот, беря на себя снабжение рабочих. Он соблазнял рабочего большим запасом более привлекательных товаров, заключал с ним прямой контракт и брал закладную на растущий урожай. Таким образом, он вскоре стал посредником, к которому в значительной степени перетекала прибыль от сделки, и начал богатеть.

Если новая система была выгодна торговцу и помещику, то она принесла определенные выгоды и чернорабочим. Многие из них все еще находились в пеонате, и в массе своей были чернорабочими, работающими за скудный пансион и одежду; но над ними начало возвышаться большое количество независимых арендаторов и владельцев ферм.

Таким образом, в 1890 году перед Югом встал вопрос: Готовы ли мы позволить негру продвигаться вперед в качестве свободного рабочего, крестьянина-фермера, метайера и мелкого капиталиста только с теми препятствиями, которые, естественно, мешают бедным и невежественным, или же необходимо воздвигнуть дополнительные искусственные барьеры, чтобы сдержать продвижение негров? Ответ был ясен и безошибочен. Продвижение вольноотпущенников было слишком стремительным, и Юг опасался этого; необходимо приложить все усилия, чтобы "удержать негра на его месте" в качестве подневольной касты.

С этой целью Юг стремился сделать лишение негров избирательных прав эффективным и окончательным. До этого времени лишение избирательных прав было незаконным и основывалось на запугивании. Новые законы, принятые в период с 1890 по 1910 год, на первый взгляд, основывали право голоса на имуществе и образовании, чтобы исключить бедных и неграмотных негров и допустить всех белых. На самом деле их можно было применять так, чтобы исключить почти всех негров. К этому добавился ряд законов, призванных публично унижить и заклеить негритянскую кровь: например, отдельные железнодорожные вагоны, отдельные места в уличных машинах и тому подобное; к этому добавилось разделение в школах и церквях и отказ в возмещении ущерба соблазненным

цветным женщинам, что уже давно было принято на Юге. Все эти новые законы означали не просто разделение, а подчинение, кастовость, унижение и вопиющую несправедливость.

Ко всему этому добавился ряд законов о труде, сделавших эксплуатацию негритянского труда более безопасной. Все эти законы должны были быть приняты перед лицом рабочего движения во всем мире, и особенно на Юге, где оно начинало проникать среди белых рабочих. Однако это было легко осуществимо путем апелляции к расовым предрассудкам. Не обошлось без методов разжигания самых темных страстей людей. Толпа линчевателей получила свою порцию крови и была подстрекаема намеренно преувеличенными, а зачастую и полностью вымышленными историями о преступлениях со стороны, возможно, самой мирной и спокойной расы, которую когда-либо знал мир. Под огнем этого внешнего шума шла более тонкая и опасная работа. Законы о выборах, принятые в штатах, где проживает три четверти негров, были составлены так хитро, что чернокожего выпускника университета можно было не допустить к голосованию, а самого невежественного белого хулигана - на избирательные участки. Трудовое законодательство было устроено так, что за долги можно было лишиться свободы, а уход от работодателя мог стать пенитенциарным преступлением. На негритянские школы выделялись незначительные ассигнования или они полностью игнорировались, и с большим успехом предпринимались решительные усилия, чтобы ни один негр не имел права голоса ни при принятии, ни при исполнении местных, государственных или национальных законов.

Попустительство белых рабочих Юга было обеспечено тем, что белых и черных рабочих, насколько это было возможно, разделили на конкурирующие группы и заставили каждую из них чувствовать, что одна из них является причиной проблем другой. Нейтралитет белых жителей Севера обеспечивался их страхом за сохранность крупных инвестиций на Юге и фаталистическим отношением, распространенным как в Америке, так и в Европе, к возможности реального прогресса со стороны темных народов.

Реакция негров Америки на эту открытую попытку свести их к крепостному праву была интересной. Естественно, они начали организовываться и протестовать, а в некоторых случаях и обращаться в суд. Затем, к их удивлению, появился цветной лидер, мистер Букер Т. Вашингтон, который посоветовал им уступить бесправию и кастовости и подождать повышения экономической мощи и общей эффективности, прежде чем требовать полных прав американских граждан. Белый Юг, естественно, согласился с мистером Вашингтоном, а белый Север решил, что видит здесь шанс на мир в расовом конфликте и безопасность для своих южных инвестиций.

Некоторое время цветное население колебалось. Они уважали мистера Вашингтона за проницательность и признавали мудрость его домашних настаиваний на бережливости и трудолюбии; но постепенно они все яснее понимали, что, лишённые политической власти и выхолащенные кастой, они никогда не смогут обрести достаточную экономическую силу, чтобы занять место современных людей. Они также понимали, что любым затишьем в их протестах воспользуются ненавистники негров, чтобы продвинуть свою кастовую программу. Поэтому они с новым упорством начали бороться за свои основные права американских граждан. Поначалу эта борьба привела к ожесточенным личным разногласиям внутри группы. Но мудрые советы и рекомендации белых друзей в конце концов возобладали и подняли ее на широкий уровень борьбы за фундаментальные принципы демократии. Начало "Ниагарского движения" двадцатью девятью смелыми цветными мужчинами в 1905 году, за которым последовало создание Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в 1910 году, ознаменовало эпоху в продвижении негров. Эта последняя организация со своим ежемесячным органом "*Кризис*" сегодня ведет общенациональную

борьбу за справедливость в отношении негров. Другие организации и ряд сильных негритянских еженедельных газет помогают в этой борьбе. Каков же чистый результат этой полувековой борьбы?

В 1863 году в Соединенных Штатах насчитывалось около пяти миллионов человек негритянского происхождения. Из них четыре с лишним миллиона только освобождались из рабства. Этих рабов можно было покупать и продавать, они могли переезжать с места на место только с разрешения, им запрещалось учиться читать и писать, по закону они не могли владеть собственностью и вступать в брак. Девяносто процентов из них были абсолютно неграмотны, и только один взрослый из шести был номинальным христианином.

Пятьдесят лет спустя, в 1913 году, в Соединенных Штатах насчитывалось десять с четвертью миллионов человек негритянского происхождения, то есть на сто пять процентов больше. Юридическое рабство было отменено, однако остались пережитки в виде долгового рабства, пеонажа и системы аренды каторжников. Основная масса вольноотпущенников и их сыновей

1. Зарабатывали на жизнь как свободные и частично свободные рабочие.
2. Разделяли обязанности правительства.
3. Развивали внутреннюю организацию своей расы.
4. Стремилась к духовному самовыражению.

Негр был освобожден как безземельный, голый, невежественный рабочий без гроша в кармане. На Юге было несколько свободных негров, владевших собственностью, на Севере - еще больше; но девяносто девять процентов представителей этой расы на Юге были безземельными полевыми рабочими и слугами.

Сегодня здесь два с половиной миллиона рабочих, большинство из которых - эффективные наемные работники. Над ними более миллиона слуг и фермеров-арендаторов; квалифицированные и полуквалифицированные рабочие составляют еще один миллион, а на вершине экономической колонны находятся 600 000 владельцев и управляющих ферм и предприятий, денежных арендаторов, чиновников и профессиональных деятелей. Таким образом, в 1910 году цветные кормильцы составляли в общей сложности 5 192 535 человек.

Более конкретно, в число этих кормильцев входят 218 972 владельца ферм и 319 346 арендаторов и управляющих наличными. Всего было 62 755 шахтеров, 288 141 человек в строительстве и ручном труде, 28 515 рабочих по обработке глины, стекла и камня, 41 739 работников черной металлургии, 134 102 железнодорожника, 62 822 извозчика, таксиста и ливрейщика, 133 245 человек в оптовой и розничной торговле, 32 170 человек на государственной службе и 69 471 человек на профессиональной службе, включая 29 750 учителей, 17 495 священников, 4 546 врачей, дантистов, квалифицированных медсестер и т. д. Наконец, мы не должны забывать о 2 175 000 негритянских домов с их домохозяйками и 1 620 000 детей в школах.

Пятьдесят лет назад подавляющая масса этих людей была не только без гроша в кармане, но и сама оценивалась как недвижимость. К 1875 году негры, вероятно, получили от 2 000 000 до 4 000 000 акров земли благодаря своим солдатским щедротам и низким ценам на землю после войны. К 1880 году эта площадь увеличилась до 6 000 000 акров; в 1890 году - до 8 000 000 акров; в 1900 году - до более чем 12 000 000 акров. В 1910 году площадь этих земель увеличилась почти до 20 000 000 акров, что соответствует площади Ирландии.

120 738 ферм, принадлежавших неграм в 1890 году, увеличились до 218 972 в 1910 году, или на восемьдесят один процент. Стоимость этих ферм выросла со 179 796 639 долларов в 1900 году до 440 992 439 долларов в 1910 году; в 1910 году неграм принадлежало около 500 000 домов из 2 175 000. Общая стоимость их имущества в 1900 году оценивалась Американской экономической ассоциацией в 300 000 000 долларов. По тем же подсчетам, сегодня она будет стоить не менее 800 000 000 долларов.

Несмотря на лишение трех четвертей избирательного права, негр сегодня является признанной частью американского правительства. Он занимает 7500 должностей в исполнительной власти страны, а также формирует четыре полка в армии и большое количество моряков. На государственной и муниципальной службе он занимает около 20 000 других должностей, и он обеспечивает 500 000 голосов, которые управляют Союзом.

За эти же годы негр заново освоил утраченное искусство организации. Рабство почти полностью лишало его инициативы и ответственности. Сегодня у негров почти 40 000 церквей, здания которых стоят не менее 75 000 000 долларов, и которые контролируют около 4 000 000 членов. Они сами собирают 7 500 000 долларов в год для этих церквей.

200 частных школ и колледжей управляются и почти полностью поддерживаются неграми, и эти и другие государственные и частные негритянские школы получили за 40 лет \$45 000 000 негритянских денег в виде налогов и пожертвований. Пять миллионов в год собирают негритянские тайные и благотворительные общества, которые владеют недвижимостью на сумму не менее 6 000 000 долларов. Негры полностью или частично содержат более 100 домов престарелых и сиротских приютов, 30 больниц и 500 кладбищ. Их организованная коммерческая жизнь стремительно развивается и включает в себя более 22 000 мелких розничных предприятий и 40 банков.

Помимо материального роста, происходит и духовное возвышение великой человеческой расы. От презрения и забавы они перешли к жалости, недоумению и страху со стороны своих соседей, а в их собственных душах от апатии и робких жалоб к открытому протесту и все более мужественному самоутверждению. Если в 1860 году девять десятых из них не умели читать и писать, то сегодня более двух третей умеют; у них есть 300 газет и периодических изданий, и их голос и самовыражение привлекают внимание. Уже сейчас в поэзии, литературе, музыке и живописи творчество американцев негритянского происхождения получило заметное признание. Вместо того чтобы, как в прошлом, быть ведомыми и защищаемыми другими, американские негры обретают собственных лидеров, собственные голоса, собственные идеалы. Таким образом, самореализация медленно, но верно приходит к другой великой расе мира, и сегодня они готовы сражаться на пути прогресса не только за свои права как мужчины, но и за идеалы большого мира, в котором они живут: эмансипацию женщин, всеобщий мир, демократическое правительство, социализацию богатства и человеческое братство.

ССЫЛКИ:

[90] Цифры, приведенные переписью, следующие:

1850 год, мулаты составляли 11,2 процента от общего числа негров.

1860 год, мулаты составляли 13,2 процента от общей численности негритянского населения.

1870 год, мулаты составляли 12 процентов от общей численности негритянского населения.

1890 год, мулаты составляли 15,2 процента от общей численности негритянского населения.

1910 год, мулаты составляли 20,9 процента от общего числа негров.

Или в фактических цифрах:

1850 год, 405 751 мулат.

1860 год, 588 352 мулата.

1870 год, 585 601 мулат.

1890, 1 132 060 мулатов.

1910 год, 2 050 686 мулатов.

[91] Ср. "Испанский юрист Солорзарис", цитируется в Helps: *Spanish Conquest*, IV, 381.

[92] Hurd: *Закон свободы и рабства*.

[93] "Оби (Obeah, Obiah или Obia) - прилагательное; Обе или Obi - существительное. Оно африканского происхождения, возможно, связано с египетским Ob, Aub или Obron, означающим "змея". Моисей запрещает израильтянам когда-либо обращаться к демону Об, то есть "чародею, волшебнику". Эндорскую ведьму называют Об или Об. Оубаоис - это имя Василиска или Королевского Змея, эмблемы Солнца, и, согласно Гору Апполлону, "древнего божества Африки" - Эдвардс: *West Indies*, ed. 1819, II. 106-119. Ср. Johnston: *Negro in the New World*, pp. 65-66; также публикации Атлантского университета, № 8, pp. 5-6.

[94] *Boston Transcript*, 24 марта 1906 г.

[95] Бассет: *Северная Каролина*, с. 73-76.

[96] Ср. Wilson: *The Black Phalanx*.

[97] Wilson: *The Black Phalanx*, p. 108.

[98] *Американское историческое обозрение*, том XV.

[99] Доклад президенту Джонсону.

[100] *Реконструкция и Конституция*.

[101] Брюстер: *Sketches, etc.*

[102] McPherson: *Reconstruction*, p. 52.

[103] Доклад президенту, 1865 год.

[104] *American Historical Review*, Vol. XV, No. 4.

[105] *Occasional Papers*, American Negro Academy, No. 6.

[106] *Occasional Papers*, American Negro Academy, No. 6.

[107] *Jackson (Miss.) Clarion*, April 24, 1873.

[108] Allen: *Governor Chamberlain's Administration*, p. 82.

[109] Конституции Реконструкции, практически без изменений, сохранялись во Флориде, 1868-85, семнадцать лет; Вирджинии, 1870-1902, тридцать два года; Южной Каролине, 1868-95, двадцать семь лет; Миссисипи, 1868-90, двадцать два года.

ПРОБЛЕМЫ НЕГРОВ

Невозможно точно разделить население мира по расам, поскольку не существует научного критерия, по которому можно было бы разделить расы. Однако если разделить мир на африканских негров и негроидов, европейских белых, азиатских и американских коричневых и желтых народов, то получится примерно 150 000 000 негров, 500 000 000 белых и 900 000 000 желтых и коричневых народов. Из 150 000 000 негров 121 000 000 живут в Африке, 27 000 000[110] в Новом Свете и 2 000 000 в Азии.

Каким будет будущее отношение негритянской расы к остальному миру? Гость из Альтрурии, возможно, не увидит здесь никакой особой проблемы. Он ожидает, что негритянская раса будет развиваться по примеру других человеческих рас. В Африке его экономическое и политическое развитие восстановит и в конце концов превзойдет древнюю славу Египта, Эфиопии и Йорубы; за границей Вест-Индия станет новой и более благородной Африкой, построенной на пути новой торговой магистрали между Востоком и Западом - настоящего морского пути в Индию; В то время как в Соединенных Штатах Америки значительную часть гражданства (возможно, на протяжении столетий демонстрирующих свое темное происхождение, но тем не менее равноправных участников и вклад в цивилизацию Запада) составили бы потомки несчастных жертв работорговли семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Это естественное предположение чужака, однако, находит приют в умах немногих современных мыслителей. Напротив, такой исход обычно отвергается с порога. Большинство людей приняли ту негласную, но явную современную философию, которая закрепляет за одной лишь белой расой гегемонию в мире и предполагает, что другие расы, в особенности негритянская, либо будут довольствоваться обслуживанием интересов белых, либо вымрут перед их всепобеждающим маршем. Эта философия - дитя африканской работорговли и экспансии Европы в XIX веке.

Негритянская работорговля стала первым шагом в современной мировой торговле, за которым последовала современная теория колониальной экспансии. Рабы как предмет торговли перевозились до тех пор, пока трафик оплачивался. Когда в Америке появилось достаточно чернорабочих для удовлетворения их насущных потребностей, мораль XVIII века получила шанс подать свой слабый голос.

Моральное отвращение было усилено восстанием рабов в Вест-Индии и Южной Америке, а также тем фактом, что Северная Америка рано начала рассматривать себя как место распространения передовых идей в области политики, религии и человечества.

Наконец европейский капитал начал находить более выгодные инвестиции, чем работорговля, и устремился к ним. Эти более выгодные инвестиции стали плодом новой промышленной революции XIX века с ее фабричной системой; отчасти они были также результатом удешевления золота и серебра, вызванного рабством и работорговлей в Новый Свет. Другие товары, кроме золота, и товары, которые можно было производить и эксплуатировать в Европе из материалов, поставляемых Америкой, повысились в цене; дно коммерческой работорговли провалилось, и ее подавление стало возможным.

В середине девятнадцатого века началось становление современного рабочего класса. Опираясь на политическую власть, рабочие медленно, но верно стали требовать увеличения

доли в прибыльной промышленности. В Соединенных Штатах их требование было справедливо остановлено конкуренцией со стороны рабского труда. Таким образом, голосование рабочих сначала ограничило рабство пределами, за которыми оно не могло жить, а когда рабовладельческая власть попыталась выйти за эти территориальные рамки, она была внезапно и непреднамеренно упразднена.

Поскольку в это время происходило освобождение миллионов темнокожих рабочих в Вест-Индии, Северной и Южной Америке, а также в некоторых частях Африки, естественно было предположить, что подъем этого рабочего класса лежит на тех же путях, что и подъем белых европейцев и американцев. Это было *первое* предложенное решение негритянской проблемы. В результате эти негры получили частичное право голоса, начатки образования и некоторые элементарные права наемных работников и владельцев собственности, а независимость Либереи и Гаити была признана. Однако задолго до того, как они стали достаточно сильны, чтобы отстаивать предоставленные им права, или собрали достаточно ума для надлежащего руководства группой, наступил рассвет нового колониализма конца XIX и XX веков. Новая колониальная теория перенесла господство коммерческих привилегий и чрезвычайных прибылей с эксплуатации европейского рабочего класса на эксплуатацию отсталых рас, находящихся под политическим господством Европы. Для осуществления этой идеи европейскому и белому американскому рабочему классу практически предлагалось разделить эту новую эксплуатацию, и особенно льстили популярные призывы к их врожденному превосходству над "даго", "китаезами", "япошками" и "ниггерами".

Эта тенденция усиливалась тем, что центром новой колониальной экспансии была Африка. Так, в 1875 году под номинальным европейским контролем находилось менее десятой части Африки, но франко-прусская война и освоение Конго привели к новым судьбоносным событиям. Германия жаждала экономической экспансии и, будучи отстраненной от Америки доктриной Монро, обратилась к Африке. Франция, униженная в войне, мечтала об африканской империи от Атлантики до Красного моря. Италия стала претендовать на Триполи и Абиссинию. Великобритания начала проявлять новый интерес к своим африканским владениям, но оказалась в значительной степени сдержанной ревностью всей Европы. Португалия стремилась реализовать свои древние притязания на большую часть всего южного полуострова. Именно Леопольд Бельгийский начал превращать исследование и цивилизацию Африки в международное движение. Этот проект провалился, и Свободное государство Конго со временем стало просто бельгийской колонией. Пока проект обсуждался, началась международная схватка за Африку. В результате Берлинской конференции и последующих войн и договоров Великобритания получила контроль над 2 101 411 квадратными милями африканской территории, в дополнение к Египту и Египетскому Судану с 1 600 000 квадратных миль. Сюда входят Южная Африка, Бечуаналенд и Родезия, Восточная Африка, Уганда и Занзибар, Нигерия и Британская Западная Африка. Французы владеют 4 106 950 квадратными милями, включая почти всю Северную Африку (кроме Триполи) к западу от долины Нигера и Ливийской пустыни, и в четырех местах касаются Атлантики. К ним добавляется остров Мадагаскар. Немцы владеют 910 150 квадратными милями, главным образом в Юго-Восточной и Юго-Западной Африке и на Камеруне. Португальцы удерживают 787 500 квадратных миль в Юго-Восточной и Юго-Западной Африке. Бельгийцы имеют 900 000 квадратных миль, а Либерея (43 000 квадратных миль) и Абиссиния (350 000 квадратных миль) являются независимыми. Итальянцы имеют около 600 000 квадратных миль, а испанцы - менее 100 000 квадратных миль.

Этот раздел Африки привел к пересмотру идей о возвышении негров. Зачем, рассуждали европейские инвесторы, толкать континент чернокожих рабочих на путь социального

подъема с помощью образования, профсоюзов, владения собственностью и избирательного права, если рабочие не хотят никаких изменений, а норма прибыли европейцев от этого пострадает?

Тогда быстро возникло *второе* предложение по решению негритянской проблемы. Оно предусматривало фактическое порабощение туземцев в определенных отраслях, таких как сбор каучука и слоновой кости в Бельгийском Конго, выращивание какао в португальской Анголе и добыча алмазов в Южной Африке. Это новое рабство или "принудительный" труд упорно защищали как необходимую основу для внедрения современной промышленности в варварские страны; но его сходство с рабством было слишком явным, и оно было изменено, но не отменено полностью.

Третья попытка решить проблему негров была направлена на достижение результата *второй* попытки менее прямыми методами. Негров в Африке, Вест-Индии и Америке должны были заставить работать с помощью земельной монополии, налогов и минимального образования или вообще без него. Таким образом, должен был быть создан послушный промышленный класс, работающий за низкую зарплату и недостаточно умный, чтобы объединиться в профсоюзы. Системы пеонажа в некоторых частях Соединенных Штатов и трудовые системы многих африканских колоний Великобритании и Германии иллюстрируют эту фазу решения.^[111] Она также проиллюстрирована на многих островах Вест-Индии, где преобладает негритянское население, освобожденное от рабства и частично наделенное избирательными правами. Однако земля и капитал в большинстве своем были настолько управляемы и монополизированы, что чернокожее крестьянство оказалось в затруднительном положении, чтобы заработать на жизнь в одной из самых богатых частей света. Теперь проблема усугубится, когда через Панамский канал начнет проникать мировая торговля.

Все эти решения и методы, однако, прямо противоречат современной филантропии и должны осуществляться с некоторой скрытостью и полулицемерностью, которая не только отвратительна сама по себе, но и всегда может быть обнаружена и разоблачена каким-нибудь либеральным или религиозным движением масс людей и внезапно свергнута. Поэтому эти решения постепенно сливаются в *четвертое* решение, которое сегодня очень популярно. Это решение гласит: Негры отличаются от белых врожденным гением и стадией развития. Поэтому их развитие должно осуществляться не по европейским, а по их собственным, родным линиям. Поэтому в настоящее время в Британской Нигерии, во Французском Конго и Судане, в Уганде и Родезии делается все возможное, чтобы оставить в неприкосновенности внешнюю структуру туземной жизни; король или вождь правит, народные собрания собираются и действуют, туземные суды выносят решения, преобладает туземная общественная и семейная жизнь и религия. Все это, однако, подчинено вето и командованию европейской магистратуры, поддерживаемой туземной армией с европейскими офицерами. Преимущество этого метода заключается в том, что на первый взгляд он не дает никаких подсказок о его реальной работе. Действительно, всегда можно указать на некоторые несомненные преимущества: отмена работорговли, подавление войн и междоусобиц, поощрение мирной промышленности. С другой стороны, практически за всеми этими экспериментами стоит экономический мотив - решимость использовать организацию, землю и людей не для собственного блага, а для блага белой Европы. По этой причине образование редко поощряется, современные религиозные идеи тщательно ограничиваются, разумное политическое развитие жестко пресекается, а промышленность деградирует и изменяется в соответствии с требованиями европейских рынков. Наиболее безжалостному классу белых меркантильных эксплуататоров предоставлена большая

свобода, если не свободная рука, и они защищены согласованными попытками обожествить белых людей как таковых в глазах туземцев и в их собственном воображении.^[112]

Белые миссионерские общества тратят в Африке, возможно, до пяти миллионов долларов в год и делают много хорошего, но в то же время белые купцы ежегодно отправляют в Африку европейский алкоголь на сумму не менее двадцати миллионов долларов, и разврат почти неограниченной торговли ромом далеко не сводит на нет миссионерские усилия.



Распределение негритянской крови, древнее и современное

К этому последнему решению негритянских проблем можно отнести попытки сегрегации негров и мулатов в Соединенных Штатах и, в некоторой степени, в Вест-Индии. Якобы это "разделение" рас в обществе, гражданские права и т. д. На практике же это подчинение цветных всех классов под опекой белых и их максимальное отстранение от контакта с цивилизацией в быту, в образовании и в общественной жизни.

С другой стороны, экономическое значение негра в наши дни огромно. Черная Африка сегодня ежегодно экспортирует товаров на сумму около двухсот миллионов долларов, а ее экономическое развитие едва началось. Черные Вест-Индии экспортируют товаров почти на сто миллионов долларов; к этому следует добавить стоимость труда негров в Южной Африке, Египте, Вест-Индии, Северной, Центральной и Южной Америке, где в результате получается общий продукт многих рас. Легко видеть, что экономическая основа негритянской проблемы сегодня исчисляется многими сотнями миллионов, а завтра может вырасти до миллиардов.

Такие цифры и факты дают слабое представление об экономическом значении негра как рабочего и промышленного фактора. "Тропическая Африка и ее народы с каждым годом все более бесповоротно втягиваются в водоворот экономических влияний, которые колышут западный мир".^[113]

Что думают сами негры об этих своих проблемах и об отношении к ним всего мира? Первое и самое важное - они думают. Пока еще нет великой единой централизации мысли или объединения мнений, но есть центры, которые становятся все больше и больше и соприкасаются краями. Наиболее значительные центры этого нового мышления находятся,

что вполне естественно, за пределами Африки и в Америке: в Соединенных Штатах и Вест-Индии; за ними следуют Южная Африка и Западная Африка, а затем, более расплывчато, Южная Америка, со слабыми зачатками в восточной части Центральной Африки, Нигерии и Судане.

Панафриканское движение, когда оно возникнет, не будет, однако, просто узкой расовой пропагандой. Уже сейчас более дальновидные негры чувствуют грядущее единство: единство рабочих классов повсюду, единство цветных рас, новое единство людей. Предлагаемое экономическое решение негритянской проблемы в Африке и Америке обратило мысли негров к осознанию того факта, что современный белый рабочий Европы и Америки в своей поддержке милитаризма и колониальной экспансии имеет ключ к крепостному состоянию чернокожего населения. Он начинает говорить этим рабочим, что, пока черные рабочие являются рабами, белые рабочие не могут быть свободными. В Южной Африке и Соединенных Штатах уже есть признаки начала взаимопонимания между двумя классами.

К осознанному чувству единства цветных рас сегодня проявляется лишь растущий интерес. Постепенно возникает не только удивительно сильное братство негритянской крови во всем мире, но и общее дело темных рас против невыносимых предположений и оскорблений со стороны европейцев уже нашло свое выражение. Большинство людей в этом мире - цветные. Вера в человечество означает веру в цветных людей. Будущий мир, по всей вероятности, будет таким, каким его сделают цветные люди. Чтобы этот цветной мир вошел в свое наследие, должна ли земля снова быть залита кровью дерущихся, рычащих человеческих зверей, или же разум и добрая воля возобладают? Лучшей и самой большой надеждой на это является характер негритянской расы, ведь в своем нормальном состоянии она одновременно является самой сильной и самой мягкой из всех человеческих рас: "Semper novi quid ex Africa!"

ССЫЛКИ:

[110] Сэр Гарри Джонстон оценивает численность негров в 135 000 000 человек, из которых 24 591 000 живут в Америке. См. *"Межрасовые проблемы"*, с. 335.

[111] Туземцы Южной Африки в своем обращении к английскому парламенту удивительным образом демонстрируют конфискацию их земель англичанами. Они утверждают, что в Южно-Африканском Союзе 1 250 000 белых владеют 264 000 000 акров земли, в то время как 4 500 000 туземцев имеют только 21 000 000 акров. Вдобавок к этому парламент Союза принял закон, согласно которому даже будущая покупка земли неграми запрещена, кроме как в ограниченных районах!

[112] Путешественник Глейв пишет в журнале *"Сенчури"* (LIII, 913): "Раньше [в Свободном государстве Конго] обычного белого человека называли просто "бвана" или "мзунга"; теперь же за бледнолицее насекомое можно получить титул "бвана Мкубва" [большой господин]".

[113] Э.Д. Морель, *"Девятнадцатый век"*.

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

Общей истории негритянской расы не существует. Возможно, сэр Гарри Х. Джонстон в своих различных работах об Африке подошел к этой теме так близко, как ни один другой писатель, но в его ценных книгах есть загадочные несоответствия и неточности. Книга Кина *"Африка"* - полезный сборник, несмотря на то, что всякий раз, когда Кин обнаруживает в африканце интеллект, он тут же выясняет, что его обладатель - не "негр". Статьи в последнем издании *"Британской энциклопедии"* представляют определенную ценность, за исключением нелепой статьи Т.А. Джойса о "неграх". Недавно опубликованный *"Голос Африки"* Фробениуса отличается широтой взглядов и информативностью, а в *"Истории Африки и ее исследователей"* Брауна собрано много материала в удобочитаемой форме. Компендиумы Келти и Уайта, а также *"Открытие Африки"* Джонстона - лучшие среди более коротких трактатов.

Ни один из этих авторов не пишет с точки зрения негра как человека или с каким-либо случайным признанием существования или ценности его истории. Тем не менее, мы можем выделить определенные книги по различным темам, которые рассматривались в этих главах. Эти книги будут состоять из (1) стандартных работ для более широкого чтения и (2) специальных работ, на которые автор опирался в своих утверждениях или которые усиливают его точку зрения. *Последние отмечены звездочками.*

ФИЗИОГРАФИЯ АФРИКИ

A.C. Уайт: *The Development of Africa*, 2d ed., 1892.

Stanford's Compendium of Geography: *Africa*, by A.H. Keane, 2d ed., 1904-7.

E. Reclus: *Universal Geography*, Vols. X-XIII.

РАСОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ НЕГРОВ

J. Деникер: *Расы человека* и т. д., Нью-Йорк, 1904 г.

*J. Фино: *Расовые предрассудки* (перевод Уэйда-Эванса), Нью-Йорк, 1907 г.

*W.Z. Ripley: *The Races of Europe*, etc., New York, 1899.

*Жак Лёб: в *"Кризисе"*, том VIII, стр. 84, том IX, стр. 92.

*Papers on *Inter-Racial Problems Communicated to the First Universal Races Congress*, etc. (ed.

by G. Spiller), 1911.

*G. Sergi: *The Mediterranean Race*, etc., London, 1901.

*Franz Boas: *The Mind of Primitive Man*, New York, 1911.

C.B. Davenport: *Наследственность цвета кожи при скрещивании негров с белыми*, 1913.

РАННИЕ ДВИЖЕНИЯ НЕГРИТЯНСКОЙ РАСЫ

*Сэр Гарри Х. Джонстон: *The Opening up of Africa* (Библиотека Домашнего университета).

---- *A History of the Colonization of Africa by Alien Races*, Cambridge, 1905.

*G.W. Stowe: *The Native Races of South Africa* (ed. by G.M. Theal), London, 1910.

(См. также другие работы Джонстона об Африке и его статью в томе XLIII "*Журнала Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии*"; также "*Межрасовые проблемы*" и "*Деникер*", о которых говорилось выше).

НЕГРЫ В ЭТИОПИИ И ЕГИПТЕ

(Работы Брестеда и Петри, Масперо, Баджа, Ньюберри и Гарстанга являются стандартными книгами по Египту. В них упоминается негр, но случайно и часто вскользь).

*А.Ф. Чемберлен: "Вклад негра в человеческую цивилизацию" (*Journal of Race Development*, Vol. I, April, 1911).

T.E.C. Шоулз: *Glimpses of the Ages*, etc., London, 1905.

W.H. Ferris: *The African Abroad*, etc., 2 vols., New Haven, 1913.

E.A.W. Budge: *The Egyptian Sudan*, 2 vols., 1907.

*Археологическое исследование Нубии.

*A. Thompson and D. Randal McIver: *The Ancient Races of the Thebaid*, 1905.

АБИССИНИЯ

Иов Людольф: *Новая история Эфиопии* (перевод Гента), Лондон, 1682.

W.S. Harris: *Highlands of Æthiopia*, 3 vols., London, 1844.

R.S. Whiteway: *The Portuguese Expedition to Abyssinia ... as narrated by Castanhosa, etc.*, 1902.

РЕКА НИГЕР И ИСЛАМ

*Ф.Л. Шоу (леди Лугард): *A Tropical Dependency, etc.*, London, 1906.

(Читатель может отбросить как бесполезное определение леди Лугард слова "негр". В остальном ее книга превосходна).

*Es-Sa'di, Abderrahman Ben Abdallah, etc., translated into French by O. Houdas, Paris, 1900.

*F. Дюбуа: *Timbuktu the Mysterious* (tr. by White), 1896 г.

*W.D. Cooley: *The Negroland of the Arabs, etc.*, 1841.

*H. Barth: *Travels and Discoveries in North and Central Africa, etc.*, 5 vols., 1857-58.

*Ибн Батута: *Travels, etc.* (tr. by Lee), 1829.

*Лео Африканский: *История и описание Африки* и т.д. (перевод Пори, изд. Р. Брауна), 3 тома, 1896.

*E.W. Blyden: *Христианство, ислам и негритянская раса*.

*Лео Фробениус: *Голос Африки* (перевод Блинда), 2 тома, 1913.

Мунго Парк: *Travels in the Interior Districts of Africa*, 1799.

НЕГР НА ГВИНЕЙСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

*Лео Фробениус (как указано выше).

Сэр Гарри Х. Джонстон: *Liberia*, 2 vols., New York, 1906.

Н.Н. Foote: *Africa and the American Flag*, New York, 1859.

Т.Н.Т. McPherson: *A History of Liberia*, Baltimore, Johns Hopkins Studies.

Т.Т. Alldridge: *A Transformed Colony* (Sierra Leone), London, 1910.

Э.Д. Морель: *Дела Западной Африки*, 1902.

Н.Л. Roth: *Великий Бенин и его обычаи*, 1903.

*Ф. Старр: *Либерия*, 1913.

W. Jay: *An Inquiry*, etc., 1835.

*А.В. Ellis: *The Tshi-speaking Peoples of the Gold Coast*, 1887.

---- *Ewe-speaking Peoples of the Slave Coast*, 1890.

---- *The Yoruba-speaking Peoples of the Slave Coast*, 1894.

К.Х. Рид и О.М. Далтон: *Древности из города Бенин и т.д.*, 1899 г.

*М.Н. Kingsley: *West African Studies*, 2d. ed., 1904.

*G.W. Ellis: *Negro Culture in West Africa* (Vai-speaking peoples), 1914.

ДОЛИНА КОНГО

*Г. Швайнфурт: *Сердце Африки*, том II, 1873.

*Н.М. Stanley: *Through the Dark Continent*, 2 vols., 1878.

---- *In Darkest Africa*, 2 vols., 1890.

---- *The Congo*, etc., 2 vols., London, 1885.

Н. von Wissman: *My Second Journey through Equatorial Africa*, 1891.

*H.R. Fox-Bourne: *Цивилизация в Конголанде*, 1903.

Сэр Гарри Х. Джонстон: *George Grenfell and the Congo*, 2 vols., London, 1908.

*E.D. Morel: *Red Rubber*, London, 1906.

НЕГР В РАЙОНЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР

*Сэр Гарри Х. Джонстон: *The Uganda Protectorate*, 2d ed., 2 vols., 1904.

---- *British Central Africa*, 1897.

---- *The Nile Quest*, 1903.

*D. Randal Mclver: *Mediæval Rhodesia*, 1906.

*Последние дневники Давида Ливингстона в Центральной Африке (под ред. Х. Уоллера), 1874.

J. Дос Сантос: *Ethiopia Oriental* (Theal's *Records of South Africa*, Vol. VII)>.

C. Peters: "Офир и Пунт в Южной Африке" (*African Society Journal*, Vol. I).

Де Баррос: *De Asia*.

R. Burton: *Озерные регионы Центральной Африки*, 1860.

Р.П. Эш: *Хроники Уганды*, 1894.

(См. также работы Стэнли, как указано выше).

НЕГР В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

*G.M. Theal: *History and Ethnography of South Africa of the Zambesi to 1795*, 3 vols., 1907-10.

---- *History of South Africa since September, 1795*, 5 vols., 1908.

---- *Records of South Eastern Africa*, 9 vols., 1898-1903.

*J. Bryce: *Impressions of South Africa*, 1897.

D. Livingstone: *Missionary Travels in South Africa*, 1857.

*Комиссия по делам коренного населения Южной Африки, 1903-5, *Отчеты* и т.д., 5 томов, Кейптаун, 1904-5.>

G. Lagden: *The Basutos*, London, 1909.

J. Stewart: *Lovedale*, 1884.

(См. также Стоу, как указано выше).

О ЦИВИЛИЗАЦИИ НЕГРОВ

J. Дауд: *Негритянские расы*, 1907, 1914.

*H. Gregoire: *An Inquiry concerning the Intellectual and Moral Faculties and Literature of Negroes*, etc. (tr. by Warden), Brooklyn, 1810.

C. Bücher: *Industrial Evolution* (tr. by Wickett), New York, 1904.

*Франц Боас: "Настоящая расовая проблема" (*The Crisis*, декабрь, 1910).

---- *Commencement Address* (Atlanta University Leaflet, No. 19).

*F. Ratzel: *The History of Mankind* (tr. by Butler), 3 vols., 1904.

С. Хейфорд: *Институты Золотого Берега*, 1903.

A.B. Camphor: *Missionary Sketches and Folk Lore from Africa*, 1909.

Р.Х. Нассай: *Фетишизм в Западной Африке*, 1907.

*William Schneider: *Die Culturfähigkeit des Negers*, Frankfort, 1885.

*G. Schweinfurth: *Artes Africanæ*, etc., 1875.

Герцог Мекленбургский: *From the Congo to the Niger and the Nile* (English tr.), Philadelphia, 1914.

D. Crawford: *Thinking Black*.

R.N. Cust: *Очерк современного языка Африки*, 2 тома, 1883.

H. Chatelain: *The Folk Lore of Angola*.

D. Kidd: *The Essential Kaffir*, 1904.

---- *Savage Childhood*, 1906.

---- *Kaffir Socialism and the Dawn of Individualism*, 1908.

M.H. Tongue: *Bushman Paintings*, Oxford, 1909.

(См. также работы А.Б. Эллиса, мисс Кингсли, сэра Гарри Х. Джонстона, Фробениуса, Стоу, Теала и Ибн Батуты; и особенно статью Чемберлена в *Journal of Race Development*).

РАБОТОРГОВЛЯ

Т.К. Ингрэм: *История рабства и крепостного права*, Лондон, 1895. (Та же статья переработана в Encyclopædia Britannica, 11-е издание.) John R. Spears: *Американская работорговля*, 1900 г.

*T.F. Buxton: *The African Slave Trade and Its Remedy*, etc., 1896.

Т. Кларксон: *История ... отмены африканской работорговли* и т.д., 2 тома, 1808.

R. Drake: *Revelations of a Slave Smuggler*, New York, 1860.

*Отчет лордов Комитета Совета и т. д., Лондон, 1789.

*В. Майер: *Капитан Канот, или Двадцать лет африканского раба*, и т.д., 1854.

У.Э.Б. Дюбуа: *Подавление африканской работорговли в США*, 1896.

(См. также "Вест-Индия" Брайана Эдвардса).

ВЕСТ-ИНДИЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Флетчер и Киддер: *Бразилия и бразильцы*, 1879 г.

*Брайан Эдвардс: *История Британской Вест-Индии*, 5 изданий, тома. II-V, 1793-1819.

*Сэр Гарри Х. Джонстон: *The Negro in the New World*, 1910.

Т.Г. Стюард: *The Haitian Revolution, 1791-1804*, 1914.

J.N. Leger: *Гаити* и т.д., 1907.

Л. Брайс: *Южная Америка* и т.д., 1912.

*Ж.Б. де Ласерда: "Метисы или полукровки Бразилии" (*Межрасовые проблемы и др.*).

А.К. Фиске: *История Вест-Индии*, 1899.

НЕГР В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

*Призыв Уолкера, 1829 г.

*Г.В. Уильямс: *История негритянской расы в Америке*, 1619-1880, 1882.

B.G. Brawley: *Краткая история американского негра*, 1913.

Б.Т. Вашингтон: *Up from Slavery*, 1901.

---- *The Story of the Negro*, 2 vols., 1909.

*Автобиография бывшего цветного, 1912 г.

*G.E. Stroud: *Sketch of the Laws relating to Slavery, etc.*, 1827.

Путь человека: Выступления по расовым проблемам на Южном социологическом конгрессе, Атланта, 1913 (под ред. Дж.Э. Маккалоха).

У.Дж. Симмонс: *Men of Mark*, 1887.

*J.R. Giddings: *Изгнанники Флориды*, 1858.

W.E. Nell: *Цветные патриоты Американской революции* и т.д., 1855.

C.W. Chesnutt: *The Marrow of Tradition*, 1901.

P.L. Dunbar: *Lyrics of Lowly Life*, 1896.

*Жизнь и времена Фредерика Дугласа, пересмотренное издание, 1892.

*H.E. Kreihbel: *Афро-американские народные песни* и т.д., 1914.

T.P. Fenner and others: *Cabin and Plantation Songs*, 3d ed., 1901.

W.F. Allen and others: *Slave Songs of the United States*, 1867.

W.E.B. DuBois: "Негритянская раса в Соединенных Штатах Америки" (*Межрасовые проблемы* и др.).

---- "Экономика эмансипации негров" (*Социологическое обозрение*, октябрь, 1911).

---- Джон Браун.

---- *The Philadelphia Negro*, 1899.

У.Э.Б. Дюбуа: "Реконструкция и ее преимущества" (*American Historical Review*, Vol. XV, No. 4).

---- Редактор, "Кризис: A Record of the Darker Races, ежемесячник, 1910.

---- редактор, Исследования Атлантического университета:

№ 1. *Смертность среди негров в городах*, 1896 г.

№ 2. *Социальные и физические условия жизни негров в городах*, 1897 г.

№ 3. *Некоторые усилия негров по улучшению социального положения*, 1898 г.

№ 4. *Негр в бизнесе*, 1899.

№ 5. *Негр, воспитанный в колледже*, 1900 г.

№ 6. *Негритянская общая школа*, 1901.

№ 7. *Негр-ремесленник*, 1902.

№ 8. *Негритянская церковь*, 1903 г.

№ 9. *Заметки о негритянской преступности*, 1904.

№ 10. *Избранная библиография негритянской Америки*, 1905.

№ 11. *Здоровье и телосложение негра-американца*, 1906.

№ 12. *Экономическое сотрудничество между неграми-американцами*, 1907.

№ 13. *Негритянская американская семья*, 1908 г.

№ 14. *Усилия по социальному улучшению среди негроамериканцев*, 1909 г.

№ 15. *Воспитанный в колледже негр-американец*, 1910.

№ 16. *Общая школа и негр-американец*, 1911 г.

№ 17. *Негритянский американский ремесленник*, 1912.

№ 18. *Мораль и нравы среди негров-американцев*, 1913 г.

*G.W. Cable: *The Silent South*, etc., 1885.

*J.R. Lynch: *The Facts of Reconstruction*, 1913.

*J.T. Wilson: *The Black Phalanx*, 1897.

Уильям Гуделл: *Рабство и антирабство*, 1852.

Г.С. Мерриам: *Негр и нация*, 1906.

А.Б. Харт: *Южный Юг*, 1910.

*G. Livermore: *Историческое исследование о мнениях основателей Республики о неграх и т.д.*, 1862.

Хартшорн и Пенниман: *An Era of Progress and Promise*, 1910 (с большим количеством иллюстраций).

*Джеймс Брюстер: *Очерки южных тайн, измен и убийств*.

Уиллкокс и Дюбуа: *Негры в Соединенных Штатах* (Перепись населения США 1900 года, бюллетень № 8)>.

БУДУЩЕЕ НЕГРИТЯНСКОЙ РАСЫ

*J.S. Keltie: *The Partition of Africa*, 2d ed., 1895.

Б.Т. Вашингтон: *The Future of the Negro*.

W.E.B. DuBois: "Будущее негритянской расы в Америке" (*East and West*, Vol. II, No. 5).

---- *Souls of Black Folk*, 1913.

---- *Quest of the Silver Fleece*.

Alexander Crummell: *The Future of Africa*, 2d ed., 1862.

*Casely Hayford: *Ethiopia Unbound*, 1911.

Келли Миллер: *Out of the House of Bondage*, 1914.

---- *Race Adjustment*, 1908.

*J. Ройс: *Race Questions*, etc., 1908.

*Р.С. Бейкер: *Following the Color Line*, 1908.

Н.С. Шалер: *The Neighbor*.

E.D. Morel: "Свободный труд в Тропической Африке" (*Nineteenth Century and After*, 1914).

(См. также "Фино", "Боас, межрасовые проблемы" и "Освоение Африки белыми").